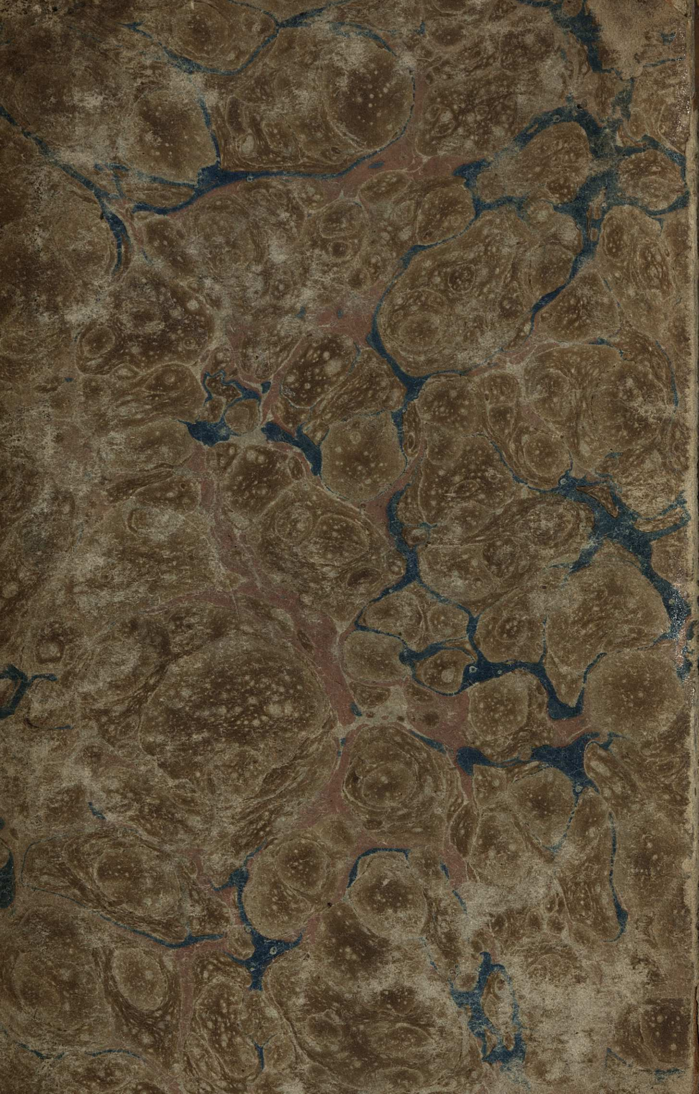
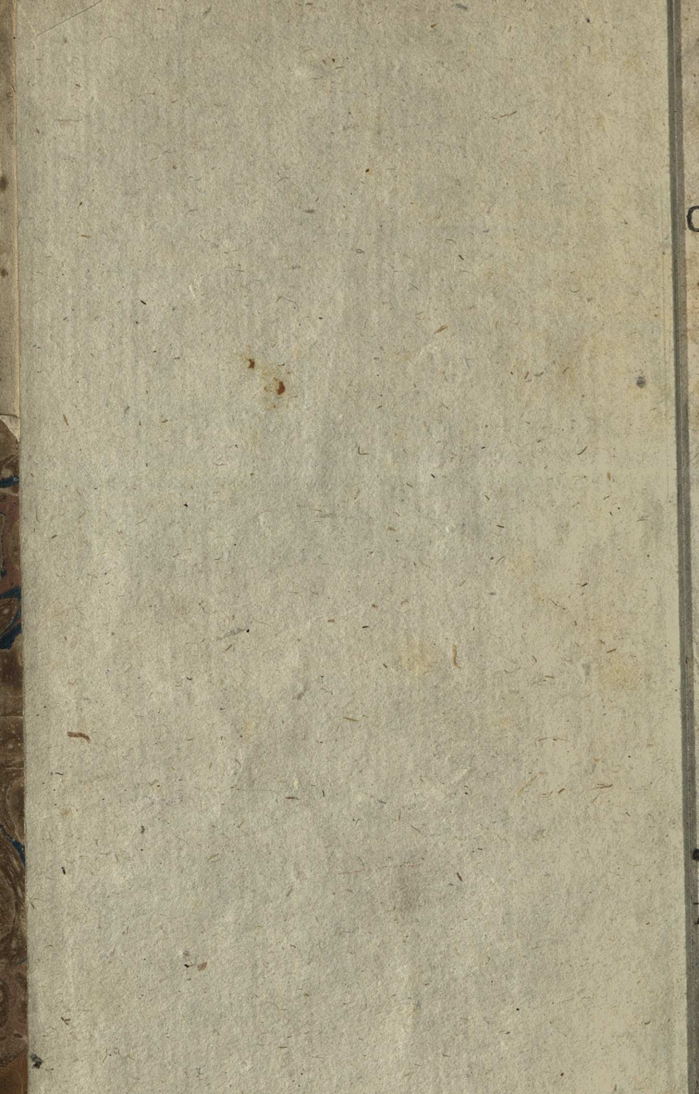

ДАФНИСЪ

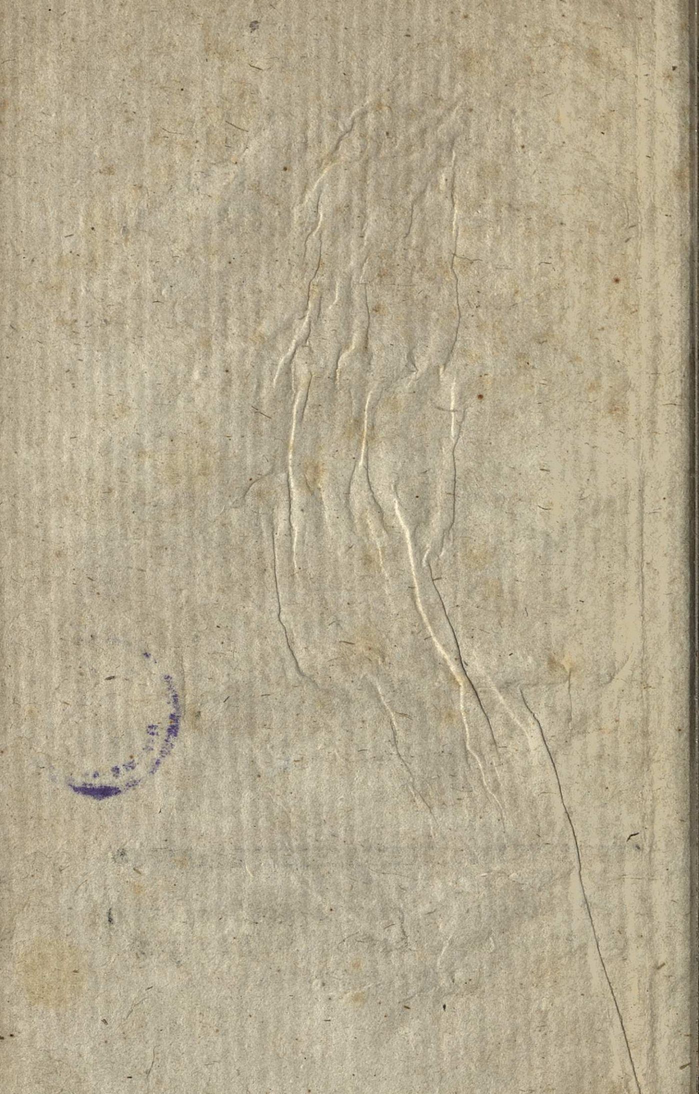
СОЧИНЕНІЯ Г. ГЕСНЕРА.

Перевелъ съ Нѣмецкаго

А. Ш.

Печатано при Типографіи Морскаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса 1785 года.

Превосходительному
Господину

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРУ

Гаврилу Ильичу
Бибикову,

Милостивому моему государю!

Желаніе мое совершенно исполнится, естьли вы сію переведенную мною книжку съ такимъ удовольствіемъ примете, съ какимъ усердіемъ и искренностію вамъ ее приноситъ,

Милостивой государь,

Вашъ покорный слуга

А. Ш.

ПИСЬМО КЪ СОЧИНИТЕЛЮ.

Государь мой!

Какъ? вы теперь можете оставаться въ городѣ, теперь, когда наступаетъ весна? развѣ вы не хотите видѣть, какъ разцвѣтаютъ деревья, и какъ луга украшаются? пріѣзжайте къ намъ въ деревню, вы увидите весну и меня. Естьли вы не пріѣдете, то я на васъ очень разсержусь; я ужъ и такъ почти сердита. Госпожа N. сказала мнѣ, что вы написали Дафниса, а я объ етомъ ничего не знаю: какой скромникъ! между тѣмъ вы видѣли какъ мнѣ послѣдняя ваша пѣсенка понравилась; я *безпрестанно* ее пою. Фу пропасть! (говоритъ госпожа ***) ты все одно да одно поешъ, словно какъ дроздъ господина В. Въ послѣдней разъ пѣла я ее на лугу при лунномъ сіяніи, и была очень весела. Тогда засвисталъ соловей, и хотя я охотно слушаю свои пѣсни, однакожъ принуждена была умолкнуть. Пріѣзжайте въ будущей четверьгъ непремѣнно; я васъ

ввечеру

ввечеру ожидать стану въ бесѣдкѣ; да возмите съ собой Дафниса, или я вѣчно не буду больше

ваша прïятельница.

ОТВѢТЪ.

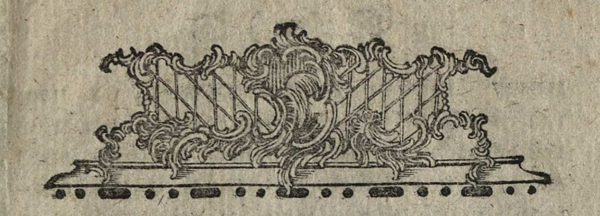
Государыня моя!

Кто бы такимъ угрозамъ вашимъ смѣлъ не повиноваться? Вотъ вамъ Дафнисъ, да еще печатной, а отвѣтное мое письмо пусть купно будетъ и приношеніе. Кому могу я принести его иначе, какъ не вамъ, когда ваша похвала нужняе для меня всѣхъ прочихъ? и я (*надобно ето сказать*) вамъ одной благодаренъ, естьли любовь умѣлъ изобразить естественно. Да, когда мнѣ надобно было помышлять о Филисѣ, тогда я помышлялъ о васъ, и тогда я былъ Дафнисъ: щастливой для меня вымыслъ, чтобъ сочинить сей небольшой романецъ; ето былъ всегда сладкой сонъ, которой въ отсутствіи вашемъ подавалъ мнѣ иногда отраду. Какое пріятное восхищеніе не спя таким образомъ утопать съ вами въ мечтаніяхъ!

Однако госпожа N. проболталась: я ее усильно просилъ ничего вамъ о томъ не сказывать. Я не сталъ бы долго сего таить, и прочиталъ бы вамъ его, не сказывая имени сочинителя

теля, до тѣхъ поръ покуда не узналъ бы о немъ безпристрастнаго вашего разсужденія; а узнавъ оное узналъ бы я разсужденіе и всѣхъ знатоковъ.

Послѣ завтра, какое радостное восхищеніе! послѣ завтра буду я къ вамъ въ бесѣдку, и увижу васъ и вѣсну. Однако не забудьте, что приношеніе стоитъ по крайней мѣрѣ ста поцалуевъ. Прощайте! я есмь.....

ДАФНИСЪ

СОЧИНЕНІЕ Г. ГЕСНЕРА.

КНИГА I.

На рѣкѣ Неитѣ, (*) исходящей изъ Клибанскихъ горъ, и подъ зелеными сводами быстро по лугамъ текущей и ударяющейся съ яростію въ дерева и бреги, посвятили пастухи Нимфамъ небольшой островъ, лежащій въ тѣни высокихъ соснъ и тополовъ. *Посреди сего острова* стояла гора, внутри которыя находилась пещера Нимфъ, гдѣ поставлены были вырѣзанные искусно изъ липоваго дерева ихъ истуканы, имѣющіе въ рукахъ урны, а на головахъ вѣнки изъ тростника. Тамо сіи богини съ зелеными власами иногда

 между

(*) Неита, или Нееша, рѣка, текшая между Кротона и Петеллы въ Іоническое море.

между древесъ прохаживаются, а иногда съ легкостію преплываютъ на другой берегъ, и потомъ на горахъ обсыхаютъ, и почиваютъ на солнцѣ. Волны плещутъ тамъ тихо, аки бы играя съ омоченными пѣною кореньями ивъ и сарбаховъ, стоящихъ вдоль по берегу производя шумъ пріятнѣйшій пѣснопѣнія.

Какъ скоро юная весна приходитъ, собираются пастухи и пастушки съ обоихъ береговъ, и приносятъ Нимфамъ лѣторасли древъ, склоненными вершинами своими рѣку осѣняющихъ, и цвѣты, при водахъ растущіе, и просятъ Нимфъ повелѣть волнамъ, да не потопляютъ болѣе полей ихъ, и береговъ и древъ свирѣпствуя да не поглощаютъ.

Однажды въ ясную погоду съ обоихъ береговъ плылъ къ острову цѣлой флотъ челночковъ. Въ каждомъ челночкѣ подъ зеленою кровлею благоуханныхъ травъ и цвѣтовъ сидѣли съ веселіемъ пастухи и пастушки. Цѣпи цвѣтныя обвивалися вкругъ длинныхъ шестовъ, даже до самой вершины, гдѣ ленты и вѣнки высоко въ воздухѣ развѣвали. Они туда плыли сопровождаемы пріятнымъ гласомъ свирѣлей и пѣсенъ, и пристали къ острову. Толпы

юношъ

юношъ и дѣвицъ вышли на берегъ, дѣвицы, которыхъ прелести самихъ богинь приводили въ зависть; каждая изъ нихъ одна передъ другою привлекала на себя взоры боговъ, низшедшихъ на облакахъ съ Олимпа, и богинь въ уединеніи оставившихъ. Ибо красота восхищала тутъ различными прелестями: иная прельщала стройнымъ и высокимъ станомъ, другая бѣлизною лица и пріятностію круглой груди; здѣсь подобное Діянину важное лице нравилось, тамъ усмѣшка Венерина плѣняла; индѣ представлялась очамъ созрѣвающая юность на подобіе произрастающей изъ пучка розы, а индѣ совершенная младость на подобіе розы уже распустившейся. Онѣ приближались попарно, вошли въ священную пещеру, и повергли корзинки свои наполненныя цвѣтами къ ногамъ Нимфъ, и обвязали ихъ цѣпями изъ цвѣтовъ, и преукрасили вѣнками. Тогда вышла младая Филиса принести вѣнокъ свой и цвѣты. Она прекрасна была какъ Грація; веселіе и невинность на маленькомъ личикѣ написанныя сопровождали каждый шагъ ея; черные глаза ея и пріятная улыбка побѣдоносны были какъ сама любовь. Такой видъ имѣетъ молодая роза, прекра-

снѣйшая всѣхъ прочихъ цвѣтовъ, вокругъ ея растущихъ; тщетно манятъ они пчелу въ сомнѣнiи около ихъ летающую, она видитъ розу, и не ищетъ себѣ другаго цвѣтка.

Дафнисъ прекрасный юноша быстрыми очами облетѣлъ толпы дѣвицъ; взоры его встрѣтились съ пронзительными взорами многихъ пастушекъ, которыя смотрѣли на него съ улыбкою, потомъ тихо другъ другу шептали нѣчто въ уши, и потомъ опять съ прiязненною улыбкою на него смотрѣли. Тогда увидѣлъ онъ Филису, тяжкiй вздохъ изъ груди его вырвался, краска выступила въ лице, и глаза его неподвижно на нея устремилися. Она взглянула на него и потупила взоры на землю, пошла назадъ и опять стыдливо на него взглянула; тогда затрепеталъ Дафнисъ, сердце его заныло, онъ смотрѣлъ на нее съ горячностiю исполненъ страха, чтобъ не упустить ее во многолюдствѣ изъ глазъ, однакожъ онъ неупустилъ ее, она стояла у него въ виду и разговаривала со своими подружками; часто взоръ ея обращался на Дафниса, но тотчасъ паки съ робостiю потуплялся въ траву при ея ногахъ: иногда высокая пастушка застанавливала Филису,

тогда сердился Дафнисъ, а когда сїя пастушка отступала къ сторонѣ, тогда въ очахъ его сїяла новая радость: такъ радуются луга, когда свѣтлый мѣсяцъ вышедъ изъ за облока осребритъ ихъ своими лучами.

Уже всѣ цвѣты повержены были къ ногамъ Нимфъ, и уже пастухи украсили ихъ вѣнками, тогда дѣвицы и юноши раздѣлились на разные лики и стали другъ противъ друга, Дафнисъ сталъ противу Филисы, и тогда лики дѣвицъ одинъ за другимъ пѣли похвальныя Нимфамъ пѣсни.

,,Вы Нимфы! (пѣли онѣ) въ пещерахъ
,,рѣки сея обитающїя; и вы Нимфы! съ
,,каменныхъ горъ урны свои съ шумомъ
,,низливающїя, будьте, о будьте благо-
,,склонны пастухамъ у потоковъ рѣки сея
,,живущимъ.

,,Мы цвѣтущую на брегахъ весну сня-
,,ли съ деревъ; мы похитили у полей
,,цвѣты, и въ священную вашу принесли
,,пещеру, вы Нимфы въ рѣкѣ и на высо-
,,кихъ горахъ!

,,О будьте благосклонны пастухамъ у
,,потоковъ рѣки сея живущимъ! да не свер-
,,гаютъ волны плодоносныхъ деревъ, и по-
,,лей и луговъ да не потопляютъ; тогда
,,можете вы на брегахъ въ тѣни проха-

,,живатся и по цвѣтамъ гулять, вы
,,Нимфы въ рѣкѣ и на высокихъ горахъ!

Такъ пѣли лики дѣвицъ, а пастухи пріятно къ тому играли на свирѣляхъ. Дафнисъ внималъ прилѣжно, не услышитъ ли Филисина голоса, и забывалъ играть на свирѣли.

И се мѣсяцъ изъ отдаленныхъ холмовъ сталъ уже являтся, юноши и дѣвицы пошли обратно къ своимъ челночкамъ. Филиса пошла также къ своему, и посмотрѣла на Дафниса; темнота придала ей смѣлости; она пристально устремила на него глаза, и вздохнула; тихо шла она къ берегу и часто озиралась назадъ. Дафнисъ стоялъ тамъ и печально смотрѣлъ за нѣю вслѣдъ, и забылъ бы сѣсть въ челночокъ, естьлибъ другіе пастухи не возбудили его отъ задумчивости; онъ вошелъ въ челночокъ, сѣлъ въ немъ, и печальными очами провождалъ тѣхъ, кои на другой берегъ поплыли. Все исполнено было веселіемъ, съ обѣихъ сторонъ слышно было со гласомъ свирѣлей пріятное смѣшеніе пѣсенъ, по всѣмъ холмамъ вдоль по рѣкѣ эхомъ разносимое. Юноши и дѣвицы, сидѣвшіе въ челночкѣ съ Дафнисомъ, смѣялись и шумили и пѣли; одинъ Дафнисъ былъ нѣмъ,

и смотрѣлъ на другой берегъ, и пѣлъ только тогда съ ними, когда они о любви воспѣвали, съ великимъ чувствїемъ пѣлъ онъ тогда.

Такимъ образомъ печаленъ вышелъ онъ на берегъ и пошелъ къ своему шалашу; предсталъ предъ старика отца своего, которой радостными очами его встрѣтилъ, спрашивалъ о праздникѣ, и потомъ расказывалъ ему, какъ часто видалъ онъ, что свирѣпая рѣка берега потопляла, и на ярыхъ волнахъ плодоносныя древа уносила, и какъ она нерѣдко челноки и пастуховъ поглощала. Дафнисъ безмолвенъ внемлетъ ему, потомъ отходитъ изъ шалаша своего, останавливается подлѣ одного дерева, и видитъ всю страну луннымъ сїянїемъ освѣщенну, тамъ стоитъ онъ печально и воздыхаетъ.

Что со мною сдѣлалось? (тихо самъ себѣ говоритъ) *что я чувствую? отъ чего сердце во мнѣ трепещетъ, и для чего я вздыхаю? для чего не могъ я отвратить отъ нея взоровъ своихъ? для чего боялся я, когда ты отъ меня удалялась? для чего я и теперь еще боюся? для чего ты непрестанно мечтаешься мнѣ, прекраснѣйшая пастушка? ахъ! я еще и теперь всегда*

гда тебя вижу, какЪ русыя твои волосы частїю вЪ вѣнокЪ заплетенныя, частїю по плѣчамЪ и по груди распущенныя возвѣвали! по младой твоей, прелестной груди! а черные твои глаза! ахЪ, вЪ какое приходилЪ я безпокойство, когда они сЪ ласкою на другова пастуха взирали! а когда они сЪ умильностїю на меня обращались, тогда взорЪ твой проницалЪ вЪ самую внутренность души моей: ахЪ! я тебя люблю. Какое щастїе, естьли бЪ и ты меня любила! Часто взгляды наши встрѣчались, и тогда подобно мнѣ потупляла ты ихЪ на землю. О естьли бы то знакЪ былЪ твоей ко мнѣ любви! но гдѣ ты? ахЪ, можетЪ быть далеко отЪ меня! ОбразЪ только твой не выдетЪ никогда изЪ памяти моей: онЪ предомною будетЪ, когда я сплю; онЪ, когда я пробужусь; онЪ, когда я стану пасти стада; онЪ, когда я скотЪ свой погоню кЪ рѣкѣ; онЪ, когда я пойду вЪ рощу: но ахЪ, чей онЪ, ту можетЪ быть я никогда не увижу.

ТакЪ говорилЪ ДафнисЪ, потомЪ облокотился на пѣнь, и смотрѣлЪ на тихой мѣсяцЪ и вздыхалЪ: такЪ любезна она, (говорилЪ онЪ) такЪ прекрасна какЪ ты, мѣсяцЪ! такЪ прекрасна предЪ другими дѣвицами,

вицами, какъ ты предъ другими свѣтилами вокругъ тебя сіяющими. Потомъ онъ опять умолкъ, стоялъ неподвижно, вздыхалъ и жалобы свои произносилъ прерывно, доколѣ сонъ не позвалъ его въ шалашъ. Сонъ его былъ сновидѣніе о Филисѣ, онъ пробудился и хотѣлъ ее обнять, но схвативъ обманувшимися руками пустую тѣнь, тяжко воздохнулъ. Благопріятная утренняя заря побуждала иногда его къ пѣнію, но теперь и пѣсни ему на умъ не шли, онъ вышелъ тихо изъ своего шалаша, и погналъ съ горестію небольшое стадо свое въ луга. Тамъ нашелъ онъ пастуховъ, съ веселіемъ стоящихъ, и о праздникѣ Нимфъ разговаривающихъ. Тотъ показывалъ ленточку, которую подарила ему пастушка; другой вѣнокъ, которой любезная его надѣла ему на голову; иной хвасталъ цвѣтами, которые унесъ онъ съ груди у пастушки: а иной пѣлъ новую пѣсню, которую въ челночкѣ перенялъ онъ у дѣвокъ. Дафнисъ иногда слушалъ ихъ, а иногда былъ безъ всякаго вниманія, онъ расказывалъ имъ, расказывалъ съ великимъ жаромъ и восторгами, какъ видѣлъ онъ прекраснѣйшую пастушку, тогда лукавые пастухи смѣялись и говорили ему: Дафнисъ!

ты любишь ету пастушку! Онъ хотѣлъ любовь свою отъ нихъ утаить, тогда пастухи заглянули ему въ глаза, онъ покраснѣлъ, и тогда они еще больше смѣялись.

Любовь его отчасу умножалась, сотоварищество пастуховъ стало ему непрїятно; онъ началъ стада свои гонять въ уединенныя долины, къ ручейкамъ, подъ тѣнїю кустовъ журчащимъ; потомъ у ручейковъ ему непонравилось, онъ пошелъ въ рощу, роща ему наскучила, онъ пошелъ на берегъ и смотрѣлъ на другую сторону и плакалъ, что рѣка разлучаетъ его съ любезною пастушкой. Такъ уркуетъ и стонетъ горлинка, и летаетъ жалостно вкругъ дерева, подъ которымъ жестокой стрелокъ убилъ ея голубка. Пастухамъ жаль было Дафниса, они всѣ его любили. Гдѣ Дафнисъ; (говорили они) мы съ тѣхъ поръ не веселимся, какъ онъ насъ оставилъ, онъ оживлялъ наши утѣхи, прелюбезной пастухъ, которой лучше всѣхъ умѣлъ, пѣть пѣсни и играть на свирѣли. Пастушки спрашивали также: гдѣ Дафнисъ; и когда услышали о его любви, многїя изъ нихъ опечалились.

Часто уединенный Дафнисъ сидѣлъ на рѣкѣ или въ рощѣ, тогда не спя утопалъ

онъ

онъ въ сонныхъ мечтанiяхъ: казалась ему его любезная, онъ расказываетъ ей о своей любви, она краснѣетъ, онъ жметъ и цѣлуетъ у нея руку, она хочетъ отъ него удалиться, онъ обемлетъ ея колѣна и плачетъ, она вздыхаетъ и усмѣхается, напослѣдокъ садится подлѣ него, онъ цѣлуетъ ее ненасытно, она цѣлуетъ его также, и тогда онъ крѣпко прижимаетъ ее къ своей груди; потомъ печальныя приходятъ къ нему мысли, что любезная его далеко отъ него, что можетъ быть онъ ее никогда не найдетъ, тогда трепеталъ онъ отъ страха и плакалъ такъ, что слезы у него лились ручьями. Не рѣдко садился онъ въ челночокъ, и преплывалъ на другой берегъ искать своей пастушки; бѣгалъ по берегу, всходилъ на пригорки, смотрѣлъ быстрыми очами въ долинахъ, бродилъ по лугамъ, по рѣчкамъ, и всегда безутѣшенъ возвращался назадъ. Неужли вѣчно буду я тебя искать напрасно? (вопiялъ онъ) вѣчно напрасно! однако стану искать по всѣмъ мѣстамъ, стану искать по всѣмъ рощамъ, стану искать по всѣмъ ручейкамъ. О боги! какое щастiе, естьли я ее найду.

Какое дерево осѣняетъ тебя теперь, прелестная пастушка? (часто онъ мыслитъ) какой

какой легкой вѣтерокъ прохлаждаетъ тебя и возвѣваетъ твои волосы? не почиваешь ли ты при источникѣ? теките тихо, вы волны, не мѣшайте ея сну. Ахъ! естьли бы ей обо мнѣ снилось! шумите громко, вы волны, естьли ей о другомъ пастухѣ снится; о боги! естьли она другова видитъ во снѣ, естьли она другова любитъ, естьли нѣжными руками своими другова обьемлетъ, естьли другой цалуетъ ея прекрасное лице; ахъ, что я тогда буду; боги! что со мною станется? я уйду, удалюсь, въ глубокія запрусь пещеры грустить тамъ и потомъ . . . . . ахъ! умереть безъ утѣшенія!

Уже отъ времени разцвѣта до времени жатвы мучила его любовь, все теперь въ полномъ было веселіи, одинъ Дафнисъ не могъ ни чемъ утѣшаться. Загорѣлые жатели запѣли пѣсни и пошли на тучныя нивы; Дафнисъ пошелъ помогать имъ; ибо во время жатвы при стадахъ немногіе пастухи остаются. Они длинными шли рядами, и одни блещущимъ серпомъ желтые подсѣкали класы, а другіе вязали ихъ въ снопы, и когда приходилъ полдень или вечеръ, то собирались они подъ тѣнь ближайшаго дерева, насыщаться тамъ пищею

и прохлаждаться питїемъ, и пѣли въ честь Цереры жатвенныя пѣсни, между тѣмъ какъ полный крушецъ вокругъ ихъ обносился. Жатели, и тѣ, которые вяжутъ снопы, сѣли другъ противъ дружки, и всѣ въ голосъ запѣли.

,,О ты классами вѣнчающая себя, ,,бѣлокурая Церера, прими благодаренїе ,,наше за богатую жатву и за зрѣлыя зер- ,,на.,, А потомъ пѣли тѣ, которые снопы вяжутъ: ,,Вы бодрые жатели, не ,,стойте праздно опершись на кривые сер- ,,пы, чтобъ тѣ, которые вяжутъ снопы, ,,не были безъ дѣла.,, А потомъ пѣли жатели: ,,Вы прохладные вѣтерки, не уле- ,,тайте съ поля отъ жателей и во власы ,, имъ вѣя прохлаждайте ихъ отъ солнеч- ,,наго зноя.,, А потомъ пѣли тѣ, которые вяжутъ снопы: ,,Пой свою веселую и ,,громкую пѣсенку, ты стреказа, кото- ,,рая вокругъ насъ скачешъ; а ты, о ,,крушецъ, не будь никогда пустъ при ,,такомъ знoѣ! ,,Потомъ пѣли ряды жате- ,,лей: ,, И когда ты, прохладной вечеръ, ,,придешь, то найдешь поле сїе обнажен- ,,нымъ, а мы, мы поючи пѣсни пойдемъ ,,тогда по короткимъ жнивамъ домой.,, ,,А потомъ пѣли всѣ: ,, О ты класами

„вѣнчающая себя, бѣлокурая Церера, при-
„ми благодаренїе наше за богатую жатву
„и за зрѣлыя зерна.„

Такъ пѣли жатели. Дафнисъ! (говорили они) ты не веселъ и не поешь. Но Дафнисъ вздыхалъ и молчалъ.

Уже поле обнажено было, плугъ и сѣятель ходили по оному, и пастухи возвратились къ своимъ стадамъ; Дафнисъ сидѣлъ однажды на рѣкѣ и услышалъ, что нѣкто вдали играетъ на двухъ свирѣляхъ; онъ ни когда еще такъ прїятнаго голоса не слыхалъ, грудь его сладкимъ удовольствїемъ наполнилась; чемъ ближе голосъ сей становился, тѣмъ больше сердце его расло отъ радости и въ прїятныхъ восторгахъ утопало; и овцы его перестали ѣсть траву и слушали; и птички на древахъ умолкли и слушали; и вся страна въ безмолвномъ любострастїи слушала. Между тѣмъ Дафнисъ увидѣлъ молодова отрока, которой къ нему шелъ и игралъ на двухъ свирѣляхъ. Отрокъ сей былъ пригожъ какъ выступающая изъ пучка роза, ничто не прикрывало нѣжнаго и мягкаго тѣла его, ничто бѣлыхъ и круглыхъ рукъ; красотою умильнаго личика своего не уступалъ онъ Грацїи, а золотыя кудри его переплетены были наилучшими цвѣтами.

Отрокъ подошелъ къ Дафнису, котораго нѣкій ужасъ обьялъ. Пастухъ! (говорилъ ему отрокъ) поди, перевези меня на ту сторону рѣки. Дафнисъ отвязалъ челночокъ свой, и отрокъ въ него вошелъ. Волны, которыя впрочемъ съ яростію въ челночокъ ударяли, текли теперь тихо, и цѣлуя челночокъ съ плескомъ отъ него отскакивали. Они скоро переѣхали черезъ рѣку; тогда отрокъ скочилъ на берегъ и сказалъ: Пастухъ, я купидонъ, богъ любви; поди туда, гдѣ источникъ между кустовъ течетъ; поди внизъ источника по кустамъ, тамъ получишь ты за труды свои награду.

Такъ сказалъ купидонъ, и изчезъ; и гдѣ онъ изчезъ, тамъ процвѣла вдругъ роза. Дафнисъ затрепеталъ и стоялъ долго въ изумленіи. Потомъ оставилъ священное сіе мѣсто и побѣжалъ къ источнику, и пробирался сквозь кусты, исполненъ смущенія и восторга. О есть ли бы я нашелъ Филису! (говорилъ онъ) ахъ!... чемъ хочетъ наградить меня купидонъ? Но... я льщусь мѣчтою! ахъ, естьли бы я нашелъ Филису! (такъ говорилъ онъ, между тѣмъ какъ скорымъ бѣгомъ сплетшіяся между собою разрывалъ вѣтьви). Напослѣ-

докъ кусты раздѣлились на двѣ стороны, а между ими явилась небольшая долина, цвѣтами изпещренная, которую обтекалъ чистой источникъ.

Дафнисъ взорами своими недолго заблуждалъ по сей долинѣ, онъ увидѣлъ Филису, она облактясь на руку лежала подлѣ источника и грустила. Естьли бы онъ здѣсь былъ (говорила она) естьли бы онъ здѣсь былъ; етотъ вѣнокъ надѣла бы я ему на голову Ахъ какъ я тебя люблю! сказала бы я ему. Но гдѣ онъ? ахъ! далеко отъ меня, далеко; на чтожъ мнѣ и вѣнокъ, изорву я ево Она изорвала вѣнокъ и отерла текущїе изъ очей слезы; тогда шелъ нѣкто по кустамъ, она оглянулась, и ето былъ Дафнисъ. Боги! (вскрикнула она) и вскочила. Дафнисъ стоялъ тамъ смущенъ, трепещущъ, наподобїе древа легкимъ вѣтеркомъ колеблемаго; потомъ бросился онъ къ ней, она отступила назадъ, онъ взялъ у нея руку, прижалъ ее къ устамъ своимъ, и вздыхалъ, и не могъ сказать ни слова, лишъ устремилъ на нее страстные взоры, въ которыхъ все его сердце и всѣ пламенныя чуствованїя ясно изображались. Филиса! (произнесъ онъ со вздохомъ) Филиса!.... ахъ!.... я слабъ перенести

такую

такую радость. Дафнисъ! ахъ.... Дафнисъ! (промолвила она), потомъ опять умолкла и вздохнула. Ахъ, Филиса! (вскричалъ онъ) ахъ! что я претерпѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ съ тобою видѣлся! ахъ! ты только одна непрестанно наполняла мои мысли, тебя одну видѣлъ я въ лугахъ, тебя одну въ рощахъ, тебя одну когда спалъ, тебя одну когда просыпался! Я богамъ подобенъ щастїемъ, естьли ты меня любишъ! Дафнисъ! промолвила она вздохнувъ, и прослезясь потупила глаза на землю, ахъ, какъ я тебя люблю! тутъ вздохнула она опять, и приклонила голову стыдливо къ его груди. Тогда поцѣлуями своими осушилъ Дафнисъ радостныя въ очахъ ея слезы, и прижалъ ее безмолвенъ къ сердцу. Долго пребыли они въ молчанїи, она преклонясь на его грудь, онъ трепещущею рукою обънявъ ее. Силное смущенїе перемѣнилось наконецъ въ тихое услажденїе; такъ укрощается жестокая буря, буря проходитъ, розы и гвоздички трепещутъ еще, потомъ перестаютъ трепетать, благоуханїемъ своимъ паки наполняютъ воздухъ, зефиры обратно къ нимъ прилетаютъ, и крылами своими нѣжатъ ихъ и цѣлуютъ. Такъ успокоились они, и сѣли подлѣ источника,

вика, и расказывалъ онъ ей, какъ часто ѣздилъ онъ черезъ рѣку, какъ онъ по берегу и по рѣчкамъ и по холмамъ ее искалъ, и какъ всегда безутѣшенъ возвращался назадъ. Потомъ расказывала ему Филиса, какъ она его любила, съ тѣхъ поръ какъ у праздника Нимфъ увидѣла; какъ часто ходила она въ уединенiи на рѣку, какъ грустила, и какъ сидя въ кустахъ подлѣ источника сокрушалась. Потомъ расказывалъ ей Дафнисъ, какъ перевезъ онъ черезъ рѣку Купидона, какъ выросла роза на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ исчезъ, и какъ купидонъ показалъ ему источникъ.

Такъ сидѣли они вмѣстѣ и цѣловались и обнимались и расказывали другъ другу о своей любви. Уже отъ луннаго сiянiя возблисталъ источникъ, тогда обѣщались они, на завтра, какъ скоро пройдетъ полдень, опять притти на ето мѣсто. Ахъ! намъ должно растаться, сказали они вздохнувъ, и сидѣли еще на мѣстѣ. Прости Дафнисъ! (повторила Филиса) прости! пришло, пришло мнѣ съ тобою растаться; потомъ поцаловала она его, и хотѣла итти, и сидѣла по прежнему на мѣстѣ. Ахъ! пришло, пришло намъ растаться, сказалъ опять Дафнисъ, и обнялъ ее и поцаловалъ; тогда

отошли

отошли они нѣсколько шаговъ и опять другъ на друга оглянулись, потомъ остановились, потомъ опять прибѣжали другъ къ другу и опять цаловались. Прости Филиса! прости Дафнисъ! говорили они, и растались, и оглядывались назадъ, и махали одинъ другому, покуда ушли изъ виду. Дафнисъ пошелъ въ восхищенiи на берегъ, поцаловалъ еще розу, гдѣ исчезъ Купидонъ, сѣлъ въ челночокъ, и поплылъ съ веселiемъ черезъ рѣку, и запѣлъ; никогда сердце его не чувствовало подобнаго удовольствiя, онъ пѣлъ съ такимъ услажденiемъ, что голосъ его слабъ былъ изобразить сердечную радость.

Теперь Дафнисъ опять сталъ веселъ, онъ пошелъ къ пастухамъ, пѣлъ имъ пѣсни, игралъ на свирѣли и утѣшался всѣми ихъ забавами; но какъ скоро проходилъ полдень, то поручалъ онъ небольшое стадо свое вѣрному пастуху, самъ садился въ челночокъ, и поспѣшалъ къ тому уединенному источнику, гдѣ Филиса всегда уже его ожидала.

Чемъ больше они видались, тѣмъ больше желали видѣться; и каждой изъ нихъ почиталъ себя щастливѣйшимъ изъ всѣхъ человѣковъ. Они тысячу разъ между собою

утвердили,

твердили, какъ они другъ друга любятъ, однакожъ каждой изъ нихъ думалъ, что етова не довольно, сказать другому, какъ много онъ его любитъ. Часто Дафнисъ сидя подлѣ Филисы училъ ее новымъ пѣснямъ; Филиса пѣла, и Дафнису казался голосъ ея несравненно лучше соловьинова; Дафнисъ игралъ на свирѣли, и Филиса сомнѣвалась, чтобъ Панъ могъ лучше его играть. Часто расказывали они другъ другу повѣсти; когда Филиса расказывала, то Дафнисъ слушалъ прилѣжно, или шевелилъ лѣнточками, которыми грудь ея была связана, и тогда нарушая вниманіе поцѣлуями своими мѣшалъ онъ ей расказывать; а когда Дафнисъ расказывалъ, то Филиса мягкою рукою своею гладила у него подбородокъ, или надѣвала ему на голову вѣнокъ, или такими умильными смотрѣла на него глазами, что онъ забывалъ порядокъ повѣсти.

Часто ходили они къ розѣ и почитали ее за весьма священную вещь; они оградили ее рачительно отъ оводовъ и другихъ несѣкомыхъ, и воткнули шесты съ пугалами вверьху, и пѣли при нѣжныхъ объятіяхъ благодарную Купидону пѣснь.

Дафнисъ

Дафнисъ поймалъ однажды маленькую птичку и принесъ ее къ Филисѣ, она обрадовавшись поцаловала его за то; потомъ посадила она птичку къ себѣ на руку, держа между перстовъ тоненькія ножки ея; птичка билась пестрыми крылышками по ея рукѣ, и всвистывала, какъ будто бы она кого кличетъ. Филиса смотрѣла на нее? тебѣ хочется съ руки моей на вѣтку? (сказала она) жово ты кличешъ? подружекъ своихъ? чтобъ онѣ всѣ ко мнѣ прилетѣли? какъ ты трепещешся! или ты призываешь своего самчика? ахъ, такъ! она кличетъ своего любезнаго, она о немъ тоскуетъ; можетъ быть печальный самчикъ ее теперь ищетъ; ахъ, Дафнисъ, я пущу ее! такъ съ жалостію сказала она и пустила ее изъ рукъ: птичка засвиставъ полетѣла съ одного дерева на другое, а Филиса смотрѣла ей вслѣдъ; какъ будто бы опасаясь, что она не найдетъ опять своего самчика. Дафнисъ взглянулъ на Филису и увидѣлъ, что она печально глаза свои потупила на землю; онъ бросился испугавшись къ ней и поцаловалъ ее. Филиса вздохнула. Ахъ Дафнисъ! сказала она, ахъ! естлибъ я тебя лишилась, естлибъ когда нибудь разлучилась съ тобою, ахъ, горесть

моя

моя была бы безмѣрна! я бы умерла! Тогда и Дафнисъ также опечалился.

Нѣкогда, какъ они сидѣли вмѣстѣ, поднялись облаки и пошелъ дождь: они побѣжали отъ него и погнали передъ собою Филисиныхъ овецъ, и пришли къ одной пещерѣ, въ которую входъ окруженъ былъ ползущимъ плющемъ; они вошли туда и овечки передъ ними тудажъ вбѣжали. Дафнисъ увидѣлъ посреди пещеры кипарисное дерево, изъ подъ котораго билъ къ верху чистой воды источникъ; съ удивленіемъ смотрѣлъ онъ и думалъ, что ета пещера принадлежитъ какой нибудь Нимфѣ, или иному божеству; но они усмѣхнулись нашедъ тутъ пастуха, которой сидѣлъ въ тростникѣ подлѣ источника, и дѣлалъ семиколѣнныя дудки и свирѣли изъ тростника. Онъ оглянулся и сказалъ имъ: добро пожаловать, красная дѣвица, и ты пастухъ! Можетъ быть вамъ здѣсь хотѣлось наединѣ побыть, а? не угадалъ ли я, молодая пастушка? О! любовь часто уже прохладное мѣсто сіе свидѣтелемъ забавъ своихъ избирала; но цалуйтесь, друзья мои, какъ хотите; я не буду на васъ оглядываться... Нѣтъ, пастухъ, (перервала стыдливо Филиса) мы

пришли

пришли сюда укрытся отЪ дожжика. ТутЪ подошелЪ кЪ нему ДафнисЪ; ты дѣлаешь свирели? спросилЪ онЪ у него. Да, отвѣчалЪ пастухЪ, и самыя лучшїя изовсего округа. Никто такЪ хорошо не умѣетЪ ихЪ дѣлать, какЪ я; всякому моихЪ свирелей хочется; вчера одинЪ пастухЪ далЪ мнѣ двѣ овцы за одну свирель; я могу на ней голосЪ всѣхЪ птичекЪ и самой соловьиной наигрывать, такЪ что всѣ онѣ слетятся на вѣтьви того дерева, подЪ которымЪ я играть буду. ДафнисЪ взялЪ одну свирель вЪ руки; я стану на ней Хлоину пѣсню играть (сказалЪ онЪ) Филиса! а ты пой.

,,Ты черноволосый пастухЪ! (такЪ ,,пѣла сЪ веселымЪ видомЪ и сЪ великою ,,прїятностїю Филиса) ты черноволосый ,,пастухЪ, которой овецЪ своихЪ вЪ буко,,вой долинѣ пасешЪ! ахЪ! когда я мимо ,,тебя иду, и будто пропавшую овечку ,,свою ищу, а между тѣмЪ украдкою изЪ ,,подЪ вѣнка на тебя взглядываю, и сЪ ,,такою ласковою улыбкою говорю тебѣ: ,,здорово пастушокЪ! ахЪ, для чево ты ,,меня тогда не разумѣешЪ? Севодня вЪ ,,ясную воду смотрела я на себя, и такЪ ,,изЪ подЪ вѣнка взглядывала, какЪ я на

тебя

,,тебя взглядываю, и такъ усмѣхалась,
,,какъ я привѣтствуя тебѣ усмѣхаюсь;
,,сказать правду, маленькїя уста мои усмѣ-
,,хаются плутовато, черные глаза мои
,,много тебѣ сказываютъ, однакожъ ты,
,,застѣнчивой пастухъ! однакожъ ты не-
,,понимаешь меня. Научите меня вы,
,,Нимфы! научи меня ты, любовь! какъ
,,могу я истолковать ему яснѣе то, что
,,чувствую.

Ты пѣсню ету отмѣнно хорошо пѣла, (сказалъ пастухъ Филисѣ); а ты такъ игралъ ее, что, Паномъ тебѣ божусь! мнѣ бы самому лучше не съиграть; за то дарю я тебѣ ету свирель: она больше стоитъ, нежели суягная коза. А знаешь ли ты (спросилъ онъ у Дафниса) ету пѣсню: вы дѣвки, которыя притворно суровствуете?.... ето старинная пѣсня и немногїе пастухи ее знаютъ, она называется Неитова пѣсня, потому что въ ней описана повѣсть о семъ рѣчномъ богѣ, и ета пещера слыветъ Неитова пещера, потому что приключенїе сїе здѣсь происходило. Дафнисъ просилъ его съиграть имъ ету пѣсню, и пастухъ взялъ свирѣль, и заигралъ на ней такъ прїятно, что не сталъ бы слушать соловья. Теперь и я могу ее

съиграть,

сЪиграть, (сказалЪ ДафнисЪ) я стану играть; а ты, пастухЪ, пой. ТутЪ начали они и пастухЪ пѣлЪ:

,, Вы дѣвки, которыя притворно су-
,, ровствуете, хотя серце и грудь ваша
,, отЪ любви таютЪ, послушайте какЪ
,, боги наказали Нимфу, послушайте пѣс-
,, ню о Неитѣ.

,, Когда НеитЪ опершись на кувшинѣ
,, своемЪ лежалЪ вЪ водѣ, тогда начали
,, волны быстряе скакать, тогда поднялЪ
,, онЪ увѣнчанную тростникомЪ мокрую
,, голову свою, отерЪ воду сЪ ресницЪ,
,, проглянулЪ, и увидѣлЪ Нимфу, которая
,, вошла вЪ рѣку. КакЪ прелестна, (гово-
,, рилЪ онЪ тихо) какЪ прелестна ты
,, Нимфа! какая бѣлая и круглая у тебя
,, грудь! какое чистое и нѣжное тѣло!
,, КакЪ волны около круглыхЪ колѣнЪ тво-
,, ихЪ скачутЪ, какЪ будто бы покушаяся
,, вскочить еще выше! АхЪ Нимфа! такЪ
,, воздыхалЪ онЪ и вышелЪ на берегЪ. Ним-
,, фа увидѣла его и побѣжала: онЪ гнался
,, за нѣю скоро какЪ дикая коза, она ле-
,, тѣла отЪ него по цвѣтамЪ какЪ зефирЪ.
,, Запыхаясь едва могЪ онЪ промолвить:
,, ахЪ Нимфа! почто ты отЪ меня бѣ-
,, жишЪ? Нимфа вбѣжала вЪ пещеру; для
,, чего недалѣе сквозь рощу? цѣломудрая!

,, Вы дѣвки, которыя притворно су-
,, ровствуете, хотя серце и грудь ваша
,, отъ любви таютъ; послушайте какъ
,, боги наказали Нимфу, послушайте пѣс-
,, ню о Неитѣ.

,, Уже думалъ Неитъ нѣжное тѣло
,, обнять, боги! (вскричала Нимфа) помо-
,, гите мнѣ, превратите меня въ кипа-
,, рисъ! Едва сїе желанїе изъ устъ ея изле-
,, тѣло, какъ вдругъ ноги ея десятью кор-
,, нями отпрыскнувъ водрузились въ землю.
,, Серце ея, обросшее мгновенно корою, вос-
,, трепетало отъ ужаса: ахъ! (вздохнула
,, она и ставшїя вѣтьвями руки свои под-
,, няла къ верьху) ахъ боги, почто услы-
,, шали вы такъ скоро мою молитву! ахъ
,, Неитъ!... ахъ Нимфа! сказалъ вздох-
,, нувъ рѣчной богъ и охватилъ руками
,, кору ея. Она вѣтьвями хотѣла его об-
,, нять, но не могла, и умираючи потряс-
,, ла своими листьями. Въ гнѣвѣ топнулъ
,, богъ рѣки ногою въ землю, и гдѣ онъ
,, топнулъ, тамъ къ верьху сталъ бить
,, источникъ.

,, Вы дѣвки, которыя притворно су-
,, ровствуете, хотя серце и грудь ваша
,, отъ любви таютъ; слышалиль вы какъ
,, боги наказали Нимфу? устрашила ли васъ
,, пѣсня о Неитѣ?

Такъ

Такъ пѣлъ пастухъ, а Дафнисъ и Филиса слушали его съ восхищенїемъ. Не та ли это пещера? не тотъ ли это кипарисъ и источникъ? спросилъ Дафнисъ. Да, сказалъ пастухъ, это тотъ самой источникъ и кипарисъ. Мнѣ кажется, сказала Филиса, мнѣ кажется, что онъ листочками своими шевелилъ чаще, когда ты пѣлъ пѣсню. Въ такихъ разговорахъ день прошелъ у нихъ весьма скоро.

Однажды пришелъ Дафнисъ къ рѣчкѣ, и не нашелъ тамъ своей Филисы; тогда, чтобъ время показалось ему не такъ скучно, сталъ онъ вырѣзывать на корѣ имя ея, потомъ игралъ на свирѣли пѣсню, потомъ съ нетерпѣливостїю взлезъ на дерево и смотрѣлъ въ ту сторону, откуда должна притти Филиса; потомъ слезъ съ дерева и ходилъ въ страхѣ взадъ и впередъ. Напослѣдокъ пришла она, вѣнка на головѣ у ней не было, волосы безпорядочно лежали по плѣчамъ, она шла тихо съ потупленными печально глазами и какъ бы сама себя не помня: Дафнисъ испугался, поблѣднѣлъ, серце у него билось, онъ шелъ со трепетомъ и взялъ у нее руку, которую она томно къ нему опустила, они слова не могли промолвить, онъ не смѣлъ

спросить у нее о приключенiи; тутъ взглянула она на него съ горячностiю, глаза ея омочены были слезами, во взорахъ ея видна была сердечная горесть. Ахъ Дафнисъ! (такъ промолвила она тихо и зарыдала) Дафнисъ! потомъ опять умолкла и слезы ручьями катились у нея изъ очей. Дафнисъ трепеталъ. Боги всемогущiе! вскричалъ онъ, Филиса! какое нещастiе съ тобою сдѣлалось? скажи, ради любви моей къ тебѣ, скажи.... Дафнисъ! произнесла она, ахъ.... мнѣ должно.... другова любить, а не тебя! Тогда ужасъ объялъ его, подобно какъ на кого каменная гора рушится, холодный потъ выступилъ у него на чело, блѣденъ и трепещущъ стоялъ онъ тамъ. Такъ, Дафнисъ! (продолжала она) мнѣ должно любить Ламона, пастуха, у котораго *стада цѣлое поле* покрываютъ! ахъ! его должна я любить; онъ матушкѣ моей отдавалъ весь свой скотъ и всѣ свои большiе луга, и просилъ меня себѣ въ невѣсты; а моя любезная матушка почитаетъ то за великое для меня щастiе, и хочетъ, ахъ! хочетъ, что бы я его любила. Такъ говорила она и плакала съ Дафнисомъ. Потомъ опять начала: ахъ нѣтъ, Дафнисъ, не плачь! какъ

какъ могу я другова любить, хотя бы стада его всѣ здѣшнія луга покрывали? дѣлаетъ ли то его любезнымъ? нѣтъ, Дафнисъ, нѣтъ; ты одинъ мнѣ любезенъ, ты и въ бѣдности любезенъ, твоя кротость, твое добросердечїе дѣлаютъ тебя любезнымъ; тебя хочу я любить, Дафнисъ! такъ сказала она и обняла его..... но ахъ! (вскричала опять) тогда буду я матушкѣ своей непослушна; тогда въ старости приключу я ей огорченїе и досаду; ахъ Дафнисъ! я нещастлива! нещастлива, когда послушаюсь; нещастлива, когда не послушаюсь!..... Дафнисъ! не плачъ такъ много! я умру отъ горести. Ахъ Филиса! (сказалъ съ великой печалїю Дафнисъ) будь послушна, боги наказуютъ непослушанїе, будь послушна, они сдѣлаютъ тебя благополучною! а я пойду, ахъ..... скроюсь отъ тебя навсегда, и буду нещастливъ, нещастливъ во всю мою жизнь. ..... Такъ любовь съ добродѣтелїю боролась. По семъ долго они молчали, вздохи и горесть останавливали рѣчи въ устахъ ихъ: наконецъ Филиса прижала его къ своей груди, и взглянувъ на него съ горячностїю, Дафнисъ, (сказала она) ахъ Дафнисъ! нѣтъ! я никово кромѣ тебя лю-

бить не стану! я пойду къ матушкѣ, и когда она мнѣ о другой любви говорить станетъ, я брошусь передъ нею на колѣни, упаду ей въ ноги и буду плакать; до тѣхъ поръ буду плакать и невставать, покуда она не сжалится надъ нами. Такъ Филиса (сказалъ въ восхищенїемъ Дафнисъ) упади ей въ ноги, плачъ, омывай ихъ слезами и не вставай, не вставай, покуда она не согласится увѣнчать любовь нашу. Конечно сжалится она, конечно прослезится сама, и позволитъ намъ любить другъ друга.

Такъ льстила имъ надежда, они опять стали веселы, и обнимались съ такою горячностїю, какъ обнимаются любящїеся, когда они по долгомъ разлученїи паки увидятся; радостныя слезы текли у нихъ изъ очей и они цаловались безпрестанно, покуда вечеръ не принудилъ ихъ растатся.

Дафнисъ преисполненъ нетерпѣливости и надежды шелъ домой. На другой день не дожидаясь и вечера поплылъ онъ за рѣку. Филиса была уже тамъ подлѣ источника; онъ прибѣжалъ туда и съ ней поцаловался; веселый взоръ ея предвѣщалъ ему нѣчто доброе; она сѣла на траву, онъ сѣлъ подлѣ ней, одною рукою обнялъ ее, а другую положилъ къ ней на колѣни держа въ

ней

ней мягкую ея руку. Дафнисъ! (сказала она) мы щастливы! тутъ она ево поцаловала, потомъ онъ ее поцаловалъ и прижалъ съ восторгомъ къ своей груди; мы щастливы, продолжала она; какъ я вчера возвратилась домой, матушка моя была въ огородѣ, которой передъ нашимъ шелашемъ, и тамъ работала; я пришла и поклонилась ей; здорово, Филисушка! сказала она; потомъ спросила у меня, поила ли я стадо? Скоро (*примолвила* она) будетъ у тебя большое стадо. *У Ламона* такъ много скота, что ни у одново нашева пастуха столько нѣтъ. Тутъ испугалась я и заплакала; она оставила свою работу и взглянувъ на меня спросила: о чемъ ты плачешъ, Филиса? Тутъ я еще больше заплакала. Тогда опять она у меня спросила, а я рыдаючи сказала: ахъ матушка, матушка, не *осердись на меня! я плачу*, ахъ плачу о томъ, что не могу *любить Ламона*. Тутъ бросилась *я* къ ней въ ноги *и обняла* ихъ: не сердись (сказала *я* съ горькими слезами) ахъ не сердись на меня, матушка! я не могу, не могу ни какъ *любить Ламона! я люблю*..... ахъ! я ужъ люблю одново юношу съ той стороны, онъ самой лучшей, самой добросердечной юноша. Такъ

сказала я и обняла ея колѣна и плакала; стадо ево не велико (говорила я) однакожъ онъ такъ любезенъ, такъ добросердеченъ! Тутъ умолкла я и плачучи на нее взглянула, и увидѣла, что и у нѣй также текутъ слезы изъ глазъ; она съ ласкою подала мнѣ руку и велѣла встать; небось, Филисушка, сказала она, небось, я не такъ своенравна, чтобъ стала противиться твоей любви; но, Филиса, любовь обманчива: я не могу совсемъ согласиться, покуда не увижу твоего любезнаго, покуда не освѣдомлюсь точно ли онъ добродѣтеленъ; въ томъ состоитъ и щастіе и нещастіе твоей жизни: одна добродѣтель дѣлаетъ людей щастливыми. Такъ сказала она, и я обѣщала ей привести тебя къ намъ въ шалашъ. Дафнисъ вскочилъ и прыгалъ отъ радости, потомъ поцаловалъ Филису и обнялъ ее обѣими руками, она также ево обняла, они прижали крѣпко другъ друга къ серцу и хотѣли нацаловаться до сыта, но не могли.

Послушай, Филиса, сказалъ Дафнисъ, матушка твоя знаетъ теперь о нашей любви, да..... понравлюсь ли я ей какъ ты меня приведешъ въ шалашъ свой? О конечно, конечно ты ей понравишся, сказала

зала Филиса. Однакожъ мой батюшка (продолжалъ Дафнисъ) не знаетъ еще о нашей любви, я пойду и скажу ему..... Да знаешъ ли ты что, Филиса? пойдемъ ты со мною, я тебя приведу къ нему и какъ онъ тебя увидитъ, то вѣрно, вѣрно скажетъ: ай Дафнисъ! ты умѣлъ себѣ выбрать невѣсту.

Филиса согласилась на то и просила его принести цвѣтовъ, чтобъ украсить голову свою свѣжимъ вѣнкомъ. Дафнисъ побѣжалъ искать цвѣтовъ по берегу и по кустамъ, а Филиса между тѣмъ въ прозрачномъ источникѣ умывала прекрасное свое лице. Дафнисъ скоро возвратился и принесъ полную шляпу пестренькихъ цвѣточковъ, изъ которыхъ иные были разноцвѣтны, другiе бѣлы какъ снѣгъ, иные сини какъ небо, а иные красноваты какъ звѣзды, *или румяны* какъ Филисины уста. Онъ высыпалъ ихъ къ Филисѣ въ колѣни и самъ сѣлъ подлѣ ней; она стала плести вѣнокъ, и пестренькiя цвѣточки одинъ къ одному искусно прибирать, а онъ заплеталъ у нее русую косу, и бѣлую грудь ея украсилъ букетомъ. Филиса надѣла вѣнокъ, и Дафнису казалось, что онъ ее ни когда еще такъ прекрасною не видывалъ;

онъ

онъ отъ радости былъ внѣ себя, и взявшись за руку пошелъ съ нею на берегъ; они сѣли въ челночокъ и переѣхали скоро черезъ рѣку.

Дафнисъ привелъ ея къ шалашу своему; я теперь туда пойду, сказалъ онъ, а ты, Филиса, подожди здѣсь, я тотчасъ возвращусь назадъ, и тебя отведу къ моему отцу.

Онъ вошелъ въ шалашъ и стоялъ тамъ покраснѣвъ и потупя глаза. Батюшка! сказалъ онъ напослѣдокъ и замолчалъ. Что ты, Дафнисъ? спросилъ у него старикъ. Батюшка! я..... я люблю. Тутъ опять застыдился онъ и умолкъ. Ты любишъ, сказалъ старикъ, и протянулъ къ нему съ ласкою руку, ты любишъ, да ково? Тутъ подошелъ онъ къ отцу и подалъ ему свою руку: ахъ батюшка! я люблю пастушку, самую лучшую, самую прекраснѣйшую изо всей здѣшней стороны. Ты щастливъ Дафнисъ, сказалъ старикъ, естьли красота тебя не обманываетъ, и естьли любезная твоя хранитъ почтенiе къ богамъ, ты щастливъ, боги ниспошлютъ ей благословенiе свое съ Олимпа. Однако, Дафнисъ, любовь обманчива. Нѣтъ, сказалъ Дафнисъ, нѣтъ, она меня не обманула. Тутъ

выскочилъ онъ изъ шалаша и взявъ Филису за руку привелъ ее къ своему отцу.

Она вошла туда имѣя голову потупленную, лице стыдомъ и невинностію украшенное, и едва взоръ ея дерзалъ иногда украдкою вырываться изъ подъ вѣнка. Дафнисъ взглядывалъ то на отца, то на Филису; смотря на отца радовался онъ, что старикъ такъ дружелюбно и пристально смотритъ на его любезную, а смотря на Филису усмѣхался, что она стоитъ съ такою стыдливостію; онъ взялъ ея за руку и подвелъ къ старику отцу своему и поцаловалъ съ горячностію у него руку; Филиса! сказалъ онъ, поди, поцалуй и ты у любезнаго отца моего руку; тогда и Филиса тожъ сдѣлала.

Старикъ долго смотрелъ на нее пристально и потомъ сказалъ: ахъ! что я въ чертахъ лица твоего вижу, дитя мое? какое сходство съ Палемономъ! таковъ точно былъ онъ любезный другъ мой въ молодости своей, такое точно имѣлъ пріятное лице; онъ умеръ; ахъ! половина щастія моего съ нимъ погибла! скажи, дитя мое, скажи, не Палемоноваль ты дочь?

Такъ, сказала Филиса, я дочь Палемонова.

монова. Ахъ! я никогда отца моего не видала; онъ умеръ когда была я еще во чревѣ у матери моей. Матушка моя ежедневно ходила подъ кипарисы, которые пастухи вкругъ гроба его насадили, тамъ она всегда плакала и родила меня при гробѣ отца моего.

При сихъ словахъ всталъ старикъ, ноги у него тряслися, онъ упалъ къ Филисѣ на шею: дочь моя, дочь моя! съ трудомъ могъ онъ промолвить, и опустился безсиленъ на скамью и воздыхалъ глядя на небо и взялъ Филису за руку и не могъ отъ безмѣрной радости выговорить ни слова. Дафнисъ утопалъ въ веселiи; онъ побѣжалъ тотчасъ, сыскать что нибудь, чемъ бы старика прохладить и Филису свою употчивать; и схватилъ корзинку наполненную виноградомъ и миндальными орѣхами и апельсинами и яблоками; радость его была неописанна, онъ пѣлъ и плясалъ неся овощи. Дафнисъ! говорилъ онъ самъ себѣ, ахъ, какъ ты щастливъ! нѣтъ человѣка, нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ человѣка щастливѣе тебя! такъ говорилъ онъ, и вбѣжалъ въ шалашъ и поставилъ корзинку на столъ. Старикъ посадилъ Филису подлѣ себя, а Дафнисъ сѣлъ подлѣ

Филисы

Филисы и сталъ рачительно очищать для нее миндальныя ядрошки и выбирать лучшія яблоки, чтобъ они были всѣ такія, какъ Филисино лице, когда она покраснѣвъ вошла въ шалашъ.

Ахъ! коль благополучно, началъ опять старикъ, коль благополучно провождалъ я дни мои живучи въ дружбѣ съ Палемономъ! Коль сердце его было правдиво! Коль добродѣтельную имѣлъ онъ душу! онъ былъ бѣденъ, однако ссужался послѣднимъ, и ни кто не приносилъ столько жертвъ богамъ какъ онъ; не было у него почти ни овцы, кромѣ тѣхъ, которыя выигрывалъ онъ бившись съ пастухами объ закладъ, кто изъ нихъ лучше пропоетъ; ибо въ то время ни кто противъ его пѣть не могъ; изъ далека приходили пастухи и вступали съ нимъ въ тяжбу и ни одинъ не одерживалъ надъ нимъ верьха. Какъ однако же стадо его ни было мало, но онъ, хотя бы то ему послѣдняго куска хлѣба стоило, приносилъ ежегодно въ жертву Пану двухъ молодыхъ козлищъ. Добродушіе написано у него было на лицѣ, радость и удовольствіе сіяли въ очахъ его, и ниже въ самомъ нещастіи отъ него отлучались; тогда лишъ плакалъ онъ, когда видѣлъ въ злополучіи

другихъ, и тогда лишь тужилъ о своей бѣдности, когда она препятствовала ему помогать имъ. Таковъ честенъ былъ Палемонъ, таковъ любви достоинъ! онъ умеръ, ахъ! не доживъ еще осени лѣтъ своихъ. Вся здѣшняя сторона была о немъ въ великой печали, каждой потерялъ у себя искренняго друга. Никогда не видано было здѣсь столько пастуховъ въ собранiи, какъ въ тотъ день, когда поставили гробъ его на не большомъ холмѣ неподалеку отъ его шалаша; всѣ стояли горестны кругомъ гроба, и каждой около холма посадилъ въ землю кипарисное деревцо, изъ которыхъ напослѣдокъ благословенiемъ Пана выросла густая роща. У меня есть крушецъ его, которой онъ, ударившись съ однимъ пастухомъ объзакладъ, кто изъ нихъ лучше пропоетъ пѣсню, у него выбилъ и мнѣ подарилъ; на немъ по краямъ вырѣзаны волчецъ и папоротникъ, а вокругъ его обвивается змѣя, которая отогнувъ шею кусаетъ за верьхней край, и такимъ образомъ служитъ рукояткою. Ахъ! ето у меня драгоцѣнной залогъ напоминанiя о любезномъ другѣ моемъ и я только въ праздники изъ него пью!

Такъ говорилъ старикъ, а Дафнисъ и

Филлиса

Филиса слушали его печально. Между тѣмъ наступилъ тихой вечеръ, и Филисѣ надлежало съ ними разстаться. Старикъ съ великимъ умиленїемъ поцаловалъ ее въ голову; скажи матери, говорилъ онъ, скажи, что Аминтъ еще живъ; скажи ей, что ето въ старости моей весьма меня утѣшитъ, когда она согласится, чтобъ Палемонова дочь была за моимъ сыномъ и называла меня своимъ отцомъ. По сихъ словахъ Филиса подала руку пастуху своему и онъ вывелъ ее изъ шалаша; старикъ вышелъ также за ними, и до тѣхъ поръ провождалъ ихъ глазами, покуда они въ отдаленныхъ деревахъ потерялись. По истиннѣ, сказалъ онъ восхищенный радостїю, удовольствїе добродѣтельнаго сына есть истинное удовольствїе отца, и щастїе того есть истинное щастїе другаго! Какое воздаянїе, какую великую награду получаетъ, кто въ младой и не зрѣлый нравъ насаждаетъ сѣмена добродѣтели! какая богатая жатва! какїе сладкїе плоды!

Такъ сказалъ онъ и пошелъ назадъ въ шалашъ. Между тѣмъ Дафнисъ и Филиса сѣли въ челночокъ; Дафнисъ съ осторожностїю плылъ черезъ рѣку и высадилъ любезную

безную свою на берегЪ, а челночокЪ привязалЪ крѣпко кЪ одной ивѣ. Они пошли и запѣли пѣсню, которую эхо повторяло, и которую они поцалуями своими часто прерывали. НапослѣдокЪ вышли они вЪ широкое поле, и тутЪ надлежало имЪ разстаться; тутЪ обѣщалЪ онЪ ей притти на завтрее кЪ нимЪ вЪ шалашЪ, и тутЪ при нѣжномЪ ихЪ прощанїи пѣлЪ имЪ соловей сладкую пѣсенку.

ДафнисЪ пошелЪ черезЪ кусты назадЪ и хотѣлЪ отвязать челночокЪ свой, какЪ нѣкто изЪ за ивовыхЪ кустовЪ закричалЪ ему: ДафнисЪ! поди кЪ намЪ вЪ ивнякЪ. ДафнисЪ пошелЪ и увидѣлЪ тамЪ двухЪ сидящихЪ пастуховЪ; ты долженЪ разрѣшить спорЪ нашЪ, сказали они, мы хотимЪ биться обЪ закладЪ, кто изЪ насЪ лучше пѣть умѣетЪ. Я разрѣшу спорЪ вашЪ, сказалЪ ДафнисЪ, и сѣлЪ супротивЪ ихЪ. ,,Сдѣлайте, Музы! (началЪ перьвой ,,пастухЪ) сдѣлай, о ПанЪ! чтобЪ голосЪ ,,мой былЪ лучше соловьинаго, чтобЪ ,,пѣлЪ я прїятнѣе малиновки! МенаякЪ ,,поетЪ, которой слылЪ всегда лучшимЪ ,,пѣвцомЪ; и хотя часто пастушки при,,ходятЪ слушать пѣсенЪ моихЪ и гово,,рятЪ мнѣ: МеналкЪ! ахЪ, какЪ ты хо-

,,рошо

„рошо поешъ! Но естьли бы когда нибудь
„милая Дафна пришла ко мнѣ и сказала:
„Меналкъ! ахъ, какъ ты хорошо поешъ!

„Я знаю одну дѣвушку, (такъ пѣлъ
„другой пастухъ Алексисъ) ахъ! я знаю
„одну дѣвушку, которой только что
„шестнадцать лѣтъ минуло; миловидна
„она собою и остра, волосы у нее свѣтло-
„русые, лице какъ снѣгъ бѣлое, глаза
„огненные и усмѣшка пріятная. Гдѣ ска-
„чешъ ты теперь, какъ молодая козачка,
„или какъ легкая птичка съ сучка на су-
„чокъ? ахъ! гдѣ скачешъ ты теперь,
„какъ ты въ тотъ вечеръ прыгала, ког-
„да унесла у меня покой моего сердца?

Потомъ пѣлъ Меналкъ: „тамъ гдѣ
„черноглазая Дафна поетъ, тамъ да умолк-
„нутъ птички на древахъ; а гдѣ маленъ-
„кія ножки ея ступаютъ, тамъ да вѣ-
„ютъ прохладныя вѣтерки, тамъ да рас-
„тетъ все дятлина, чтобъ стадо ее было
„сыто и тучно.

А потомъ Алексисъ: „каждой вечеръ
„прогоняю я стадо свое чрезъ рѣку,
„чтобъ оно въ нѣй омывалось, и мои ов-
„цы бѣлы какъ лебеди въ рѣкѣ, а я мо-
„лодъ и пригожъ, о ты, рѣзвая пастуш-
„ка!

Меналкъ пѣлъ: „Какъ вечернія прохладныя вѣтерки по лугамъ развѣваютъ!
„Какъ свѣтитъ тихой мѣсяцъ! О вы,
„овцы и козы! не ходите такъ близко по
„краишку; здѣсь также есть дятлина,
„здѣсь также есть и плющъ: берегъ может
„жетъ обрушиться.

Потомъ Алексисъ: „какъ завидую я
„тебѣ, молодой ягненочикъ! ты прыга-
„ешъ около ней и ѣшъ траву изъ рукъ
„ея. Какъ завидую я тебѣ, маленькой
„чижечикъ! ты порхаешъ по ея окошкамъ,
„и видишъ какъ она поутру спитъ, и
„поешъ ей, и она любитъ твои пѣсенки.
„Тамъ гдѣ я пастушку свою увижу, гдѣ
„она перьвой разъ меня поцалуетъ, тамъ
„ежегодно (клянусь тебѣ, Панъ!) тамъ
„ежегодно стану я приносить тебѣ въ
„жертву быка!

Такъ пѣли пастухи и Дафнисъ сказалъ: твой верхъ, Алексисъ! ты пріятнѣе поешъ, нежели журчитъ ета рѣчка. Тогда взялъ Алексисъ козу, о которой ударенось было объзакладъ. Дафнисъ! (сказалъ онъ) говорятъ, что ты хорошей пѣвецъ; я подарю тебѣ ету козу, есть ли ты споешь намъ пѣсню. Дафнисъ взялъ съ радостію козу и запѣлъ:

„Свѣти

„Свѣти теперь, мѣсяцъ! (такъ онъ „пѣлъ) свѣти ясно на дорогу, по которой „пастушка моя идетъ домой. Да не встрѣ„тится съ нею на уединенномъ пути ни „какой ночной страхъ; да провождаетъ „ее одна лишь тишина и свѣтлость мѣ„сяца, и ни что, ни что да не мѣшаетъ „мыслямъ ея обо мнѣ. Цикайте лишъ вы „кузнечики въ травѣ, пойте лишъ вы „соловьи на каждомъ кусту, мимо кото„раго она пойдетъ, пойте такимъ нѣж„нымъ голосомъ, каковы ея мысли, когда „она обо мнѣ думаетъ и воздыхая смо„тритъ на мѣсяцъ. Гдѣ я съ моей па„стушкою бываю, тамъ вѣчная кажется „мнѣ весна, тамъ веселюсь я смотря на „луга, тамъ пріятно благоухаютъ для меня „цвѣты; но когда обнимаетъ она меня и „уста свои къ моимъ прижимаетъ устамъ, „ахъ! *тогда сердце мое трепещетъ*, тогда „невижу я вѣсны, тогда не слышу благо„уханія цвѣтовъ, ахъ! тогда чувствую я, „чувствую лишъ одно ея цѣлованіе.

Такъ пѣлъ Дафнисъ. Половину стада моего отдалъ бы я, сказалъ Алексисъ, есть ли бы такъ пѣть умѣлъ.

Дафнисъ

ДАФНИСЪ

КНИГА ВТОРАЯ.

Дафнисъ взялъ козу и повелъ ее въ челночокъ и отвалилъ отъ берега, но мысли его гнались за Филисою, въ задумчивости не примѣчалъ онъ, что волны играютъ съ яростїю. Уже былъ онъ по срединѣ рѣки, какъ вдругъ челночокъ его ударился о камень, такъ что переломилось у него весло и рѣка на пѣнистомъ хребтѣ своемъ повлекла его быстро съ собою, и коза выскочила изъ челночка и поплыла на берегъ. Какъ юная овечка трепещетъ, когда свирѣпая львица несетъ ее въ зубахъ своихъ къ *молодымъ львятамъ*, которые томимы гладомъ изъ пещеры своей на встрѣчу къ ней ревутъ; такъ трепеталъ Дафнисъ, каждую минуту страшась, что рѣка ударитъ его о камень, гдѣ грозныя волны стонутъ. Но рѣка не ударила его о камень, а несла на хребтѣ своемъ, доколѣ въ темную ночь стали ему невидны берега. Часто видѣлъ онъ сверкающїе на берегу

гу огни въ шалашахъ, тогда со страхомъ вопилъ онъ, чтобъ подали ему помощъ, но тщетно; рѣка проносила его весьма скоро. Напослѣдокъ заблисталъ передъ нимъ болшой свѣтъ, которой отчасу къ нему приближался, и потомъ увидѣлъ онъ, что то былъ огонь въ челночкѣ по рѣкѣ плавающемъ; онъ сталъ призывать на помощъ, и челночокъ приплылъ къ нему и его взялъ.

Два мужа, которые ловили на рѣкѣ рыбу, ослѣпляя и приводя ее огнемъ въ безпамятство, взяли его дружелюбно въ челночокъ свой и отвезли въ ближней шалашъ, котораго стѣны обвѣшаны были мокрыми неводами. Дафнисъ нашелъ тутъ почтеннаго старика въ необыкновенномъ одѣянiи; поистиннѣ, шептали въ уши между собою рыбаки, мы севодня весьма щасливы; *уже двухъ гостей послали къ намъ боги, уже два раза дали они намъ вкусить радость отъ вспоможенiя страждущимъ.* Послѣ сего одинъ изъ нихъ пошелъ приготовить для гостей кушанье изъ пойманной рыбы, а другой принесъ хлѣба, винограднова вина и овощей. Дружелюбный старикъ принудилъ Дафниса и добродѣтельнаго рыбака сѣсть подлѣ себя, и заставилъ

ставилЪ Дафниса расказывать, какЪ рѣка его унесла; и ДафнисЪ расказывалЪ, какой страхЪ онЪ имѣлЪ, какЪ тщетно призывалЪ на помощЪ и какЪ обрадовался увидя вЪ челнокѣ огонь. ВЪ сихЪ дружескихЪ разговорахЪ (ибо какЪ назвать ихЪ иначе, какЪ не дружескими, когда страждущїе соберутся кЪ такому гостепрїимцу, которой не токмо дастЪ имЪ защиту, но и благодаритЪ боговЪ за посланїе кЪ нему оныхЪ) вЪ сихЪ дружескихЪ разговорахЪ сидя провождали они время, между тѣмЪ какЪ другой рыбакЪ сЪ веселымЪ видомЪ принесЪ и поставилЪ на столЪ жирную уху; они сѣли всѣ за столЪ и рыбаки просили гостей покушать. Дѣдушка! сказалЪ одинЪ изЪ нихЪ старику, одѣянїе твое непростое и для насЪ чужее, и рѣчь твоя не такая какЪ наша рѣчь, конечно нещастїе твое привело тебя сюда издалека. ТутЪ вздохнулЪ старикЪ и не могЪ скоро отвѣтствовать. АхЪ, другЪ мой! напослѣдокЪ сказалЪ онЪ, не издалека привело меня мое нещастїе; я изЪ города Кротона (*), и засѣдалЪ тамЪ вЪ числѣ началствующихЪ; но ахЪ! главные города сего правители, долженствующїе

(*) КротонЪ, при Iоническомъ морѣ, подлѣ ЛакинскихЪ горЪ.

жествующіе любить боговъ, добродѣтель и правосудіе, утопаютъ въ роскошахъ, развращаютъ народные нравы, и жертвуютъ добродѣтель и правосудіе корыстолюбію своему и порокамъ; слѣпой народъ сего не видитъ, обманутый обожаетъ онъ тѣхъ, кои разрушаютъ его благоденствіе; я сіе видѣлъ и защищалъ добродѣтель и правосудіе, тогда всѣ меня возненавидѣли: клевета, разсѣянная ими, оградила ихъ отъ опасности преслѣдывать честность, и тогда изгнали они меня изъ моей отчизны. Праведные боги! есть ли возносите вы на нихъ ополченную громомъ десницу свою, да обезоружится она, да утихнетъ гнѣвъ вашъ, и да не приближится злополучіе стѣнамъ ихъ!

Такъ воздыхая вѣщалъ старикъ и предался паки глубокому молчанію; всѣ другіе отъ сердечнаго о немъ сожалѣнія молчали съ нимъ, и сокрушались слыша, что есть мѣсто, гдѣ честность и благонравіе гонимы; ибо добродѣтельному прискорбно слышать, что свѣтъ порабощенъ порокамъ. Наконецъ рыбаки стали старатся утѣшать старика и веселыми разговорами и расказами ободрять его, доколѣ томный сонъ не позвалъ ихъ къ покою.

Дафнисъ

Дафнисъ не весма спокойно провождалъ ночь; онъ думалъ о своемъ отцѣ, и чувствовалъ всю его печаль; думалъ о Филисѣ, какой она страхъ будетъ имѣть, когда нс успѣетъ онъ притти къ ней въ слѣдующій полдень. Какъ скоро утренняя заря наступитъ, говорилъ онъ, то пойду я вверхъ рѣки.

Едва солнце первыми лучами освѣтило покрытый мхомъ шалашъ ихъ, какъ уже они всѣ собралися. Старикъ взялъ свой посохъ и обнялъ рыбаковъ; боги воздадутъ вамъ за ваше благодѣяніс, сказалъ онъ имъ со слезами; и Дафнисъ поцаловалъ ихъ и пошелъ съ старикомъ вверхъ рѣки. Онъ провождалъ его со всякою услужливостію идучи съ нимъ тихо, и когда старикъ усталъ, то Дафнисъ просилъ его оперется рукою къ нему на плѣчо; а когда пришелъ полдень, то онъ осматривалъ, гдѣ бы найти для него прохладное мѣстечко, онъ повелъ его подъ кровлю густыхъ липовыхъ деревъ, оставилъ тутъ, а самъ побѣжалъ искать свѣжихъ овощей, и какъ скоро они поѣли, то стали опять продолжать путь свой. Наступилъ вечеръ, тогда издалека Дафнисъ показалъ старику шалашъ свой, въ которомъ Аминтъ со страхомъ

хомъ

хомъ и печалїю сидѣлъ при блѣдномъ свѣтѣ лампады; но чадолюбивый отецъ сей воспрянулъ скоро отъ радости, когда старикъ и Дафнисъ вошли къ нему въ шалашъ. Онъ бросился къ сыну своему на шею: здравствуй, здравствуй, любезный сынъ! говорилъ онъ, о какую ты мнѣ приключалъ печаль въ прошлую ночь и во весь севоднишней день! потомъ дружелюбно поздоровался онъ со старикомъ, пожавъ у него руку; и тутъ Дафнисъ сталъ расказывать, какъ рѣка его унесла, и какъ рыбаки его спасли, и повѣсть о старикѣ, и какъ онъ его провождалъ вверьхъ рѣки. Отецъ радовался слушая его и находя въ сынѣ своемъ такїе опыты добродѣтели и сожалѣнїя.

Дорогой гость! сказалъ потомъ Аминтъ старику, что боги мнѣ даровали, то да послужитъ къ твоему услажденїю и удовольствїю, и хижина моя да будетъ твоею хижиною. При сихъ словахъ подвелъ его къ стулу, обтянутому мягкой кожею, поставилъ посохъ его къ сторонѣ, и просилъ отдохнуть и успокоиться, а самъ сѣлъ подлѣ него.

Ахъ! какое благополучїе, говорилъ старикъ въ удивленїи и въ радости, какое

благополучіе жить между добродѣтельными! Добродушный другъ! у васъ нахожу я сію любви достойную добродѣтель, которую тщетно искалъ я въ отечественномъ градѣ моемъ. Любезный другъ! отвѣчалъ Дафнисовъ отецъ, не ставь сіе великою добродѣтеліею, помогать нуждающимся; извергъ одинъ сего не сдѣлаетъ! почто охраняютъ боги шалашъ мой? и почто благословляютъ они дерева мои? для того ли, чтобъ одинъ покоился я въ хижинѣ своей, когда многіе могутъ въ ней имѣть мѣсто и прохладу? для того ли, чтобъ одинъ довольствовался я изобиліемъ плодовъ, когда сучья деревъ моихъ гнутся отъ нихъ на землю? Такъ говорили старики, а между тѣмъ Дафнисъ приготовилъ столъ и поставилъ на немъ молоко, хлѣбъ и овощи.

Скоро потомъ пошли они пріятнымъ сномъ усладиться; Дафнису мечталась непрестанно Филиса, доколѣ не возбудилъ его утренній гласъ рожковъ, въ которые трубили пастухи выгоняя стада свои въ поле. Печалясь, что еще нѣтъ полудня, едва взялъ онъ съ собою свирѣль, и пошелъ съ маленькимъ стадомъ своимъ въ луга; онъ удалялся отъ другихъ пастуховъ,

ховъ, и погналъ скотину свою къ рѣчкѣ, которая въ тѣни высокихъ ивъ протекала. Тамъ сидѣлъ онъ окруженъ стадомъ своимъ и терзаясь желаніями; иногда игралъ онъ на свирѣлѣ унывную пѣсню и воздыхалъ, или смотрѣлъ съ нетерпѣливостію на солнце; а иногда гладилъ овечекъ, которые близко его были, или приманивалъ ихъ ѣсть изъ рукъ его дятлину; потомъ опять начиналъ играть, и опять со вздохомъ смотрѣлъ на солнце, какъ бы пѣняя ему, что оно еще не посреди неба.

Между тѣмъ Аристъ (такъ назывался старикъ изъ Кротона) вышелъ также изъ шалаша, обозрѣть окрестность сея страны. Онъ взошелъ на ближней пригорокъ, отколѣ взору его открылись осіянныя утреннимъ свѣтомъ широкія поля, зеленые холмы, синія вдали горы, равные луга и долины съ плодоносными деревами, и разсѣянные по разнымъ мѣстамъ лѣса изъ прямыхъ и высокихъ дубовъ, елей и соснъ. Далѣе того между холмами, рощами и каменистыми утесами съ величавымъ шумомъ текла рѣка. Близкія ручейки извивалися по травѣ и съ тихимъ журчаніемъ падали въ шумящую быстрину; и стада столпившихся птичекъ на орошен-

ныхЪ вѣтвїяхЪ сидя, или высоко вЪ свѣтломЪ воздухѣ вїясь, различно и радостно воспѣвали, мѣшая гласЪ свой со гласомЪ играющихЪ вЪ свирѣли пастуховЪ и сЪ пѣснями пастушекЪ, которые на далекихЪ и близкихЪ холмахЪ и на зеленыхЪ лугахЪ сошедшись вмѣстѣ пасли свои стада. Удивленный старикЪ бродилЪ ненасытными очами, то по отдаленнымЪ мѣстамЪ, то по травѣ и цвѣтамЪ, благоухая у ногЪ его смѣющимся: вЪ сладкомЪ удовольствїи сердце его плавало.

Какое блаженство! вскричалЪ онЪ, какое море веселїя! ахЪ! едва душа моя не утопаетЪ вЪ ономЪ. О природа! коль ты прекрасна! коль прекрасна вЪ простотѣ своей, гдѣ искусство жадныхЪ человѣковЪ еще тебя не обезобразило! Коль благополученЪ пастухЪ, коль щастливЪ мудрый, что невѣдомЪ многочисленному народу вЪ веселящихся поляхЪ услаждается всѣми прїятностями, какїя благочинная природа прїемлетЪ и даетЪ, и непримѣтный ни кому большїя производитЪ дѣла, нежели завоеватель и славожаждущїй монархЪ! о буди мною благословенна, тихая долина! будьте благословенны, плодоносные холмы! и вы, журчащїя рѣчки! вы, луга! и

вы,

вы, о рощи! торжественные храмы ненарушимыхъ утѣхъ и важныхъ упражненій! будьте благословенны! съ какою пріятностію срѣтаете вы меня! Холмы чистою радостію препоясанные, долины одѣянныя непорочностію, въ очахъ моихъ ликуютъ! покой и удовольствіе обитаютъ со смиренными пастырями, съ ними почіютъ на холмахъ, или у извивающихся рѣчекъ, съ ними предаются сладкому сну подъ тѣнію плодоносныхъ рощъ. Коль мало имѣете вы нуждъ, пастухи! коль близки вы къ блаженству! о вы, ищущіе различныхъ щастій, и ко вреду себѣ отъ простоты естества удаляющіеся, вы, безумцы! которые непорочность простыхъ нравовъ называете грубостію, а малыя нужды, кои природа изъ богатыхъ источниковъ своихъ щедро изливаетъ, презрительною скудостію; стройте мнимые храмы щастія, что при каждомъ дуновеніи вѣтра падаютъ и разрушаются! вы чрезъ Лабиринтъ идете къ благополучію; вѣчно въ трудахъ, вѣчно вы тамо въ неудовольствіи скитаетесь. Вы чаете восходить на вышшую степень щастія; обманутые лицемѣріемъ его бродите вы какъ сонные наполнены мечтами; вы пробуждаетесь,

 спящихъ

спящихъ омрачало васъ, аки бы нѣкїимъ божественнымъ свѣтомъ, веселое лице Гарпїи, и не видали вы гнуснаго хребта ея и черныхъ кожаныхъ крилъ, коими нынѣ вѣетъ она въ васъ унынїе и скуку. Вы, обладатели селъ, горделивымъ окомъ съ высокихъ башенъ домовъ своихъ на окрестность страны смотрящїе, и въ надменномъ умѣ своемъ помышляющїе: все сїе мнѣ принадлежитъ, сїи трудящїеся обитатели хижинъ суть *для меня*, господина ихъ, предъ коимъ они трепещутъ; къ кому текутъ источники чистѣйшаго веселїя съ безмолвныя страны, съ плодоносныхъ полей, и отъ всея прекрасныя природы? *для* чьего удовольствїя журчатъ рѣчки? кого прохлаждаетъ болѣе тѣнь древесная? кого прїятнѣе обогреваетъ солнце? васъ, обладатели, или бѣднаго пастуха, что на *травѣ* покоится бродящимъ стадомъ своимъ окруженъ? онъ тамъ пребываетъ спокойно, въ душѣ его тишина и удовольствїе, бѣдности своей онъ не знаетъ; и естьлибъ былъ онъ господиномъ всея страны, принесло ли бы то ему большїй покой и удовольствїе? Прекрасная природа есть для него неизчерпаемымъ источникомъ чистыхъ утѣхъ; ни

тщеславїе,

тщеславїе, ни гордость, ни корыстолюбїе не понуждаютъ его жаловаться на свою участь; спокойный духъ и честное серце сыплютъ предъ нимъ утѣхи, равно какъ ты, о солнце, на окропленную росой страну сїю сыплешъ блескъ и сїянїе. Не гнѣвайтесь, о боги, что почиталъ я себя нещастнымъ и плакалъ, когда оставлялъ Кротонъ, плакалъ озираясь на стѣны, въ которыхъ я родился; вы мрачнымъ и непроходнымъ путемъ вели меня въ щастливыя поля. О вы, рѣчки! на вашихъ берегахъ буду я отнынѣ покоиться; вы, древа! прїимите меня въ прохладную тѣнь свою; вы, пастухи! отверзите мнѣ жилища ваши, да провожду остатокъ старости моея между вами, между вами, которыхъ благоденственная жизнь достойна зависти царей. Теките непрестанно, рѣки *сладчайшїя роскоши*! я несу къ вамъ веселое сердце, несу къ вамъ чистую и непорочную душу; она чиста, какъ небо, когда нѣтъ на немъ ни единаго облака; тиха, какъ море, когда стоитъ оно непоколебимо и въ гладкихъ водахъ своихъ всю страну изображаетъ. Такъ, такъ, прозрачныя рѣчки, и вы, безмолвные холмы! межъ вами водворюсь я, вкуситъ

при концѣ дней моихъ истинную сладость жизни; исполненный благодарностїю къ богамъ буду я съ прїятностїю размышлять о протекшихъ лѣтахъ моихъ, блаженъ, что ни единое преступленїе не востревожитъ совѣсти моей! Жизнь моя протекать будетъ, какъ тихая рѣчка, и какъ нѣжный цвѣтокъ спокойно увянетъ. Такъ стоитъ увядающая роза и послѣднее благоуханїе свое испускаетъ, легкїй вѣтерокъ повѣетъ въ нее, слабые листки упадутъ и роза исчезнетъ.

Такъ говорилъ старикъ, преисполненъ сладкаго восхищенїя, обозрѣлъ еще съ радостными въ очахъ слезами всю окрестность страны, и пошелъ тихими стопами внизъ холма и потомъ въ шалашъ.

Аминтъ и Дафнисъ встрѣтили его съ распростертыми руками, простой обѣдъ былъ уже приготовленъ; дружелюбные старики взявшись рука за руку сѣли за столъ, и Дафнисъ сѣлъ съ ними: онъ утолилъ какъ наскоряе голодъ свой и оставилъ ихъ дружески между собою бесѣдующихъ, а самъ спѣшилъ черезъ рѣку, увидѣться съ своею Филисою. Онъ пришелъ къ источнику и не нашелъ ее тутъ, сталъ озираться кругомъ, и, какое страшное

для него приключенїе! увидѣлъ, что имена, которые вырѣзывалъ онъ на древесныхъ корахъ, всѣ были срѣзаны долой. Боги! вскричалъ онъ со страхомъ, неужъ ли сїе предвѣщаетъ какое либо нещастїе? ахъ! лишъ бы оно не Филисѣ моей угрожало, лишъ бы..... Но гдѣ она? я трепещу! страшусь! лишъ бы оно только не любви нашей угрожало! Такъ говорилъ Дафнисъ и стоялъ съ трепетомъ, какъ вышелъ къ нему изъ за кустовъ Ламонъ. Чего ты хочешъ, Дафнисъ? говорилъ онъ; кого ты ищешъ? конечно Филисы. О! ты ожидаешъ ее напрасно; Филиса не любитъ тебя больше; ты блѣднѣешъ! невѣрная! нѣтъ, ужъ она тебя больше не любитъ; я напослѣдокъ вкрался къ ней въ любовь; я посулилъ ей большое стадо мое, и подарилъ ей всѣ свои огороды, и она меня полюбила; да, теперь ужъ прекрасная ета пастушка стала моя. Видишъ ты, что вырезанныя на древесныхъ корахъ имена ваши, валяются подъ деревами? мы съ Филисою были северодня здѣсь при восхожденїи солнца и срезали ихъ долой; прощай, Дафнисъ! говорила она срѣзывая имена, я хочу, чтобъ совсемъ о тебѣ и памяти не было. Дафнисъ едва половину рѣчи разу-

мѣть могъ, онъ стоялъ какъ громомъ пораженъ, ноги у него тряслися, кровь въ немъ хладѣла, и онъ упалъ бы, естьлибъ Ламонъ поддерживая не свелъ его на берегъ. Я удалю тебя отъ етова страшнова мѣста, Дафнисъ! говорилъ онъ, вотъ челночокъ твой; сядь въ него, доброй пастухъ! можетъ быть боги дадутъ тебѣ другое щастïе. Мнѣ тебя очень жаль, бѣдненькой! такъ сказалъ онъ и пошелъ назадъ.

Долго стоялъ тамъ Дафнисъ, безчувственъ, подобенъ такому, которой отъ страшнаго сна пробудившись не можетъ опомниться и не знаетъ, сонъ ли то былъ; серце билось въ немъ и тяжелые вздохи изъ груди его вырывались; напослѣдокъ рѣки слезъ полились у него изъ очей и онъ упалъ въ горькой тоскѣ на землю. Она не вѣрна, вскричалъ онъ, она не вѣрна! боги! и я на вѣки нещастливъ! она, которая въ объятïяхъ моихъ плакала, когда мать говорила ей о любви Ламоновой, она теперь невѣрна! жестокосердая! ахъ! почто въ перьвые часы не умеръ я въ твоихъ объятïяхъ! злополучной день, въ которой увидѣлъ я тебя въ перьвой разъ! къ вѣчному нещастïю моему увидѣлъ!....

Но

Но нѣтъ, нѣтъ, для чего къ вѣчному нещастію? Когда она за любовь мою заплатила мнѣ обманомъ, такъ я перестану ее любить, возбужу въ серцѣ моемъ презрѣніе, презрѣніе къ дѣвкѣ, которая горячайшаго къ ней пастуха промѣняла на большое стадо. Такъ говорилъ онъ воспаленъ гнѣвомъ, и думалъ легко преодолѣть любовь; но жалость и сокрушеніе сердечное скоро преодолѣли гнѣвъ. Ахъ! (возопилъ онъ снова) коль щастливъ былъ бы я, жестокая Филиса! коль щастливъ, естьли бъ ты не измѣнила мнѣ! я бы всѣхъ благополучнѣе былъ на свѣтѣ! а теперь я нещастливъ; нѣтъ меня нещастнѣе! все будетъ мнѣ казаться уныло, журчаніе рѣчекъ противно мнѣ будетъ, пѣніе веселыхъ птичекъ скуку мою умножать станетъ, солнечной зной и прохладная тѣнь будутъ для меня равно не пріятны, и мои овечки бродить станутъ безъ пастуха, потому что онъ собственную жизнь свою въ нерадѣніи оставитъ. Пойду назадъ къ источнику, гдѣ прижимая къ сердцу своему цаловалъ я тебя съ такою горячностію, и гдѣ ты, жестокая Филиса, съ такою горячностію меня цаловала; ахъ, пойду туда, пролить по-

слѣднія слезы на нещастное сіе мѣсто!

Такъ жаловался Дафнисъ и пошелъ назадъ къ источнику. Вотъ, говорилъ онъ, вотъ то мѣсто, гдѣ я столько благополучнѣйшихъ часовъ въ объятіяхъ твоихъ проводилъ! Здѣсь лежала ты, немилосердая, у етой рѣчки, какъ я въ перьвый разъ тебя нашелъ! а здѣсь, здѣсь, о лютый видъ очамъ! здѣсь съ именемъ твоимъ лежитъ кора, которую ты собственными руками своими срѣзала! но..... ахъ! естьли ето не правда! естьли Ламонъ обманулъ меня? о сладкія мысли! ахъ! я боюсь, боюсь! ложная надежда! я былъ тебя недостоинъ, Филиса! Ламонъ лучше меня; я былъ тебя недостоинъ! ахъ! прости, прости мнѣ, Ламонъ, что льстивая надежда понудила меня несправедливо счесть тебя обманщикомъ. Тутъ нѣкто зашумѣлъ въ кустахъ, онъ оглянулся и увидѣлъ Филису: онъ вострепеталъ, она поблѣднѣла и отворотила отъ него глаза. Что ты здѣсь дѣлаешъ, Дафнисъ? сказала она; естьли бы я знала, что ты здѣсь, я бы сюда не пришла; я пойду; я могу ленточку свою, которую я здѣсь потеряла, и въ другое время сыскать. Тебѣ досадно, жестокая, что ты меня еще здѣсь видишъ?

видишъ? сказалъ Дафнисъ. Тутъ притворилась она, будьто ленточки своей ищетъ, и ходила нагнувшись взадъ и впередъ, и Дафнисъ сталъ также искать. Ето твоя ленточка, которою приплетала я всегда вѣнокъ къ волосамъ, сказала Филиса, возми себѣ ее пожалуй, коли ты найдешъ, ты можешъ ее подарить новой своей любовницѣ. Моя ленточка тебѣ негодилась, Ламоновы ленты лучше, сказалъ Дафнисъ, можетъ быть она лежитъ вонъ тамъ подъ срѣзанными корами. Такъ говорили они ища; но тутъ уже не могъ болѣе Дафнисъ, сильная горесть сдѣлала его нѣмымъ, оба они съ молчаніемъ искали. Напослѣдокъ Филиса нечувствительно къ нему приближилась, тогда услышалъ онъ ее вздыхающую, онъ посмотрѣлъ ей въ лицо, и увидѣлъ, что слезы у нее катились градомъ: ты плачешъ, невѣрная! сказалъ Дафнисъ, ты плачешъ! Филиса взглянула на него сквозь слезы и увидѣла его плачуща: ты плачешъ, измѣнникъ! сказала она рыдаючи, ты плачешъ! плачъ, немилосердой, плачъ, что ты сдѣлалъ меня нещастною, нещастною навѣкъ! Тутъ закрыла она прекрасное лице свое руками и рыдала, такъ что надрывалась отъ слезъ

Тогда бросился Дафнисъ къ ногамъ ея, и взялъ у нее руку, и прижалъ ее съ горячностїю къ устамъ своимъ, и окроплялъ ея слезами. Ахъ, Филиса, сказалъ онъ всхлипивая, любезная и невѣрная Филиса! ты плачешъ? Плачъ о моемъ нещастїи! свирѣпой! сказала съ жалостїю Филиса, ты называешъ меня невѣрною, меня, которая тебя больше всего любитъ, и которую ты приводишъ въ нещастїе, а ты, ты то и невѣренъ мнѣ и любишъ другую дѣвку! Тутъ вскочилъ Дафнисъ; я, вскричалъ онъ, я невѣренъ? боги! поразите меня, естьли я невѣренъ! но ты, Филиса..... ахъ! вѣрна ли ты мнѣ? не любишъ ли ты Ламона?.... скажи, не обманывай меня, Филиса! не ты ли срѣзала кору съ деревьевъ? Ламонъ нашелъ меня севодня у рѣчки; кого ты ищешъ? сказалъ онъ, Филисы? бѣдненькой! ужъ она тебя больше не любитъ, она любитъ меня. Севодни сама она срѣзала кору съ деревъ, чтобъ совсемъ о тебѣ и памяти не было.

Филиса стояла въ превеликомъ удивленїи, потомъ упала къ Дафнису на шею: мы обмануты, вскричала она, жестокосердой Ламонъ! мы обмануты! Вчера, любезной Дафнисъ, вчера плакала я здѣсь,

ожидая

ожидая тебя по напрасну, и оглянувшись нечаянно увидѣла срѣзанную съ деревъ кору: о какъ я испугалась! чуть могла стоять на ногахъ, какъ пришелъ ко мнѣ изъ за кустовъ Ламонъ. Бѣдная Филиса, сказалъ обманщикъ, ты ищешъ Дафниса, ты испугалась увидя срѣзанныя имена; но ты еще не знаешъ, ахъ! какую страшную принесъ я къ тебѣ вѣдомость; ты еще не знаешъ, что Дафнисъ тебѣ невѣренъ, Дафнисъ твой измѣнилъ тебѣ: вчера приходилъ онъ сюда съ другой пастушкою и срѣзалъ всѣ имена съ деревъ; я хочу тебя забыть, Филиса! говорилъ онъ, хочу тебя забыть навсегда; потомъ поцаловалъ свою пастушку и пошелъ съ нею назадъ. Я услышавъ это обмерла и упала на землю; тогда обманщикъ поднялъ меня; бѣдная Филиса, говорилъ онъ, пойдемъ, я отведу тебя въ твой шалашъ; не печалься, измѣнникъ недостоинъ того, чтобъ ты о немъ плакала. Ахъ, Филиса! естьлибъ ты меня любила, ты бы щастлива была; всѣ мои большія стада и всѣ огороды были бы твоими. Такъ говорилъ обманщикъ и отвелъ меня къ намъ въ шалашъ. Я плакала, Дафнисъ, плакала во всю ночъ; и севодни, ахъ, сколько мукъ претерпѣла!

Я пойду туда, думала я, пойду вечеру северодня туда и стану тамъ плакать у рѣчки, гдѣ я такъ часто въ обьятїяхъ невѣрнаго бывала: пошла и тебя увидѣла, тоска меня взяла тебя увидя, однакожъ я и обрадовалась; ленточки ни какой я не теряла, да хотѣла притвориться сердитою. Ахъ, какъ мнѣ ето было трудно! я стала плакать, ты также плакалъ, любезный Дафнисъ! о какое щастїе, что мы опять съ тобою не разлучны!

Лукавой обманщикъ! сказалъ Дафнисъ, хорошо, что обманъ его не долго продолжался! Дражайшая Филиса! Дражайшїй Дафнисъ! говорили они съ распаленнымъ чувствованїемъ обнимая другъ друга. Ахъ! сказалъ Дафнисъ, простишъ ли ты мнѣ, что я тебя почиталъ невѣрною? Ахъ, Дафнисъ! сказала Филиса, Дафнисъ! не сердишсяль ты, что я тебя почитала невѣрнымъ, и что притворялась сердитою? Тутъ отвѣтствовали они другъ другу слезами и неизчетными поцалуями: онъ въ восхищенїи серца своего цаловалъ ее въ бѣлой лобъ, въ щоки, въ губы и въ слезящїе очи; а она выцаловала ему вѣнокъ вкругъ всего пригожаго лица.

Филиса спросила, для чего не пришелъ

шелъ онъ вчера къ источнику; и Дафнисъ расказывалъ, какъ унесла его рѣка, и Филиса трепетала; а потомъ расказывалъ онъ о добродѣтельныхъ рыбакахъ: Филиса благодарила боговъ и желала, чтобъ съ рыбаками было всегда ихъ благословенїе; а послѣ того расказалъ онъ о старикѣ, котораго многїе худые люди выгнали изъ города, и какъ онъ велъ его вверхъ рѣки. Филиса, въ сожалѣнїи о старикѣ, и въ радости, что любитъ толь человѣколюбиваго пастуха, обняла его съ восхищенїемъ: она бы въ сїе время полюбила его больше прежняго, естьли бы можно ей было, полюбить его еще больше. Тутъ пересказала ему Филиса, какъ увѣдомила она мать свою, что была у нихъ въ шалашѣ, и какъ мать ее заплакала услышавъ объ Аминтѣ, отцѣ его, и какъ приказывала привести къ ней Дафниса.

Пойдемъ теперь со мною, любезной Дафнисъ, говорила она, пожавъ у него руку. Любезнѣйшая Филиса, сказалъ онъ, я самой прещастливой человѣкъ на свѣтѣ! ахъ! какъ могъ я усумниться въ твоей любви? я недостоинъ, чтобъ ты меня любила, нѣтъ, я..... тутъ съ востооргомъ поцаловала она его поскорѣй въ уста,

чтобъ онъ не могъ болѣе дѣлать себѣ упрековъ.

Между тѣмъ пошли они чрезъ кусты въ Филисинъ шалашъ, и лишъ только стали подходить къ нему близко, какъ уже Филиса вскричала: матушка! Дафнисъ мой здѣсь! потомъ вскочила она въ шалашъ, Дафнисъ вошелъ за нею, и старушка мать встрѣтила его съ великой радостїю: добро пожаловать, о сынъ добродѣтельнаго друга, говорила она, добро пожаловать! Какъ щастлива я, что дочь моя тебѣ понравилась! боги опредѣлили вамъ любить другъ друга, боги и благословятъ васъ! Сказавъ сїе посадила она его подлѣ себя, а Филиса принесла между тѣмъ фигъ, гранатныхъ яблоковъ и винограду, и сѣла также подлѣ Дафниса. Филиса взяла большую виноградную кисть и сорвавъ первую ягоду положила въ ротъ къ Дафнису, а другую сѣла сама, и такъ продолжала, покудова вся кисть была съѣдена. Мать смѣючись смотрела на нихъ, и положила, чтобъ чрезъ три дни Гименъ соединилъ ихъ навѣки; то есть прежде нежели наступитъ время къ собиранїю винограда, ибо листья были уже красноваты и желты, а зрѣлыя грозды полнымъ наливомъ своимъ приближенїе

зимы

зимы изъявляли. Дафнисъ поцаловалъ Филису; ахъ! какъ буду я веселъ, сказалъ онъ, когда чрезъ два дни отънынѣ увижу утреннюю зорю!

Любезныя дѣти, начала говорить мать пожавъ у нихъ у обоихъ руки, вы утѣшенїе и радость старости моей! Какое благополучїе въ немногїя лѣта, которыя мнѣ жить осталось, какое благополучїе видѣть васъ щастливыми! и..... что сего благополучнѣе, какъ добродѣтельный совокупляется съ добродѣтельною! любовь ихъ безконечна, они другъ другу всегда будутъ любезны. О дѣти! я плачу!.... (тутъ остановилась у нее рѣчь) ахъ! я знаю, знаю коль велико сїе блаженство! въ объятїяхъ добродѣтельнаго мужа и самая бѣдность не горестна. О Палемонъ! Палемонъ! Такъ, боги пекутся объ васъ, дѣти; ко времени спознались вы другъ съ другомъ: можетъ статься, дочь моя, изъ послушанїя ко мнѣ вышла бы ты за Ламона, и можетъ статься была бы ты нещастлива, даромъ что луга его отъ тростника рѣчнова даже до подошвы синѣющихся горъ протянулись, и даромъ что овецъ и козъ у него безчисленное множество на нихъ пасется. Я раскажу вамъ нѣчто: Палемонъ помогалъ однажды

нажды огороднику Тимету садить виноград на его холму; там они вкруг камня рыли землю и нашли клад. Посмотри, сказал Тимет, чего я никогда не ожидал, великое сокровище! половина придет на твою долю. Какїе мы бѣдняки! работаем от восхожденїя до захожденїя солнечнаго, а что получаем себѣ за труды? утомленїе и худую пищу. Мнѣ твоего сокровища не надобно, сказал Палемон, владѣй ты им один. Бѣдность я люблю, естьли ето бѣдность, и работа мнѣ прїятна; она члены мои сдѣлала твердыми, и полуденной зной для меня не жарок. И ты не радуешся, Палемон, о найденном сокровищѣ, говорил Тимет? Нѣт, Тимет, я не радуюсь о найденном сокровищѣ, говорил Палемон, и естьли бы я один нашел, то закопал бы его еще глубже в землю. На что мнѣ оно? развѣ бы мнѣ тогда праздну разлечся на лугах, или нѣжась сидѣть в прохладной тѣни, и смотрѣть, как сосѣд мой плугом раздирает землю, или в потѣ лица своего насаждает виноград, или как пастух попечительно пасет свое стадо? развѣ бы мнѣ тогда глядя на них зѣвать, или бы я больше

ше ѣлъ, или съ лучшимъ алчемъ? стыдись! закопаемъ назадъ сокровище. Палемонъ! говорилъ Тиметъ, скоро я соглашусь закопать сокровище. О коль бываю я веселъ, продолжалъ Палемонъ, когда я уснувъ крѣпко пробуждаюсь съ новою силою! тогда раннія птички пѣніемъ своимъ зовутъ меня къ трудамъ, и восходящее солнце поздравляетъ меня свѣтлыми своими лучами; радостенъ иду я тогда на дневную работу, и распѣваю въ лугу, гдѣ малое стадо свое пасу, или небольшое поле свое обработываю, или помогаю сосѣду своему обработывать его поле: тогда и простая пища послѣ трудовъ вкусна мнѣ и здорова. О какъ радуюсь я потомъ, когда утомясь къ вечеру иду въ шалашъ, когда благодарная жена съ распростертыми руками встрѣчаетъ меня, и къ утоленію жажды моей несетъ мнѣ полную кружку свѣжей воды, или винограднаго морсу, естьли онъ случится, и голодъ мой хлѣбомъ, сыромъ и овощами насыщаетъ! о какъ радуюсь я тогда! и естьлибъ вся земля отъ самыхъ Клибанскихъ горъ даже до песчаныхъ холмовъ Іоническаго моря мнѣ принадлежала, то бы я не могъ больше радоваться. Закопаемъ сокровище, сказалъ

валЪ ТиметЪ, оно никуда не годится: и тутЪ они закопали сокровище. ТакЪ разсказывала мать, и примолвила, что добродѣтельной всегда богатЪ; и утѣшалась сидя сЪ ними покуда вечерняя заря сквозь зеленые листья древесЪ не начала багровить.

ТутЪ надлежало итти Дафнису; поди, сказала мать, поди, скажи своему отцу, что я почитаю себя прещастливою матерью. И Филиса пошла сЪ нимЪ изЪ шалаша и проводила его до самаго берега. ДафнисЪ! сказала она ему при разставанїи и обняла его сЪ горячностїю, черезЪ три дни бракЪ соединитЪ насЪ; какЪ мы будемЪ щасливы! что сравнится сЪ благополучїемЪ нашимЪ, ДафнисЪ? сЪ какою прїятностїю протекать будетЪ жизнь наша! ахЪ Филиса! сказалЪ онЪ и также сЪ великою горячностїю обнялЪ ея, она какЪ вѣчная вѣсна будетЪ процвѣтать. ТакЪ, повторила Филиса, словно какЪ ета рѣчка по цвѣтамЪ здѣсь протекаетЪ, такЪ она будетЪ протекать: хотя, возлюбленный! хотя бываютЪ иногда волчецЪ и тернїе на берегахЪ ея, равно какЪ и вѣсною случаются иногда ненастные дни; однакожЪ, когда мы добродѣтельны, то

вЪ

въ твоихъ объятiяхъ, любезнѣйшiй Дафнисъ, и съ тернiевъ буду я собирать розы, и ненастные дни будутъ для меня ясны и свѣтлы. Да, свѣтъ очей моихъ, сказалъ Дафнисъ, и отецъ мой всегда мнѣ говоритъ; не теряй въ нещастiи терпѣнiя, я самъ часто видалъ надъ собою бѣды, но когда онѣ проходили, тогда забывалъ я ихъ и лишь одно свое щастiе чувствовалъ. Точно такъ, Дафнисъ, примолвила она, когда мы полюбя другъ друга не имѣли надѣжды видѣться, тогда мы были нещастливы; какъ же потомъ стали щасливы, когда увидѣлись другъ съ другомъ! Когда мы одинъ другова обвиняли въ невѣрности, тогда мы были нещастливы; какъ же потомъ стали щастливы, когда намъ обманъ открылся!

Такъ разговаривали они стоя подлѣ рѣки; потомъ еще поцаловались, и Дафнисъ сѣлъ въ челночокъ, а Филиса кричала ему съ трепетомъ, чтобъ онъ берегся и осторожно плылъ черезъ рѣку; боязливые взоры ея до тѣхъ поръ провожали его, покуда онъ не вышелъ на берегъ; тутъ еще разъ закричала она ему съ радостiю, и онъ ей также закричалъ.

Когда переплылъ Дафнисъ черезъ рѣку,

ку, тамъ увидѣлъ онъ мужа стоящаго неподалеку отъ шалаша и плачущаго предъ мужемъ изъ шалаша. Ахъ! говорилъ сей плачущїй мужъ, бѣдной я! ахъ! я бы не былъ нещастливъ, когдабъ не сїе дитя, на травѣ подлѣ меня играющее! О любезное и злополучное дитя! Но нѣтъ, ты не злополученъ, ты съ удовольствїемъ на травѣ улыбаешся, веселъ, и плачешъ только тогда, когда меня плачуща видишъ; я смотрю на твою усмѣшку и плачу, дитя! и плачу. Ахъ! продолжалъ онъ, я жилъ вонъ на той горѣ, вѣсною нынѣ деревья мои разцвѣтали и овощъ въ огородѣ моемъ произрасталъ изрядно, внезапу полился сильной дождь и потоки скопившейся воды разрушили и шалашъ мой и деревья и огородъ, и покрыли пѣною и каменьемъ то мѣсто, гдѣ надежда пропитанїя моего цвѣла.

Дафнисъ вздохнувъ прошелъ мимо; блаженъ тотъ мужъ, говорилъ онъ, которой нещастнымъ помогаетъ! боги видятъ сїе и благословятъ его. О боги! для чего я бѣденъ? я видѣлъ, ахъ, я видѣлъ нещастнаго, и серце мое отъ соболѣзнованїя и жалости страдало, что я не могу ему подать помощи! ахъ, я чувствую, чувствую,

ствую, коль бы я благополученъ былъ, естьли бы могъ ему помочь! ахъ! для чего я бѣденъ? боги!

Въ такихъ печальныхъ размышленіяхъ шелъ Дафнисъ назадъ въ шалашъ; едва могъ онъ расказать старику отцу своему, что онъ былъ въ шалашѣ у Филисы, и что чрезъ три дни совокупитъ ихъ Гименъ.

Солнце паки возвратилось, и Аристъ стоялъ уже на орошенной травѣ предъ шалашемъ. Дафнисъ съ отцемъ своимъ пришли къ нему, и тогда старикъ просилъ ихъ перейти съ нимъ чрезъ луга; они послѣдовали ему, а онъ возвелъ ихъ на пригорокъ, откуду вся страна взору ихъ открылась, и гдѣ окрестъ сего пригорка въ пріятной зелени стояли плодоносныя дерева, которыя прохлаждалъ онъ своею тѣнію. Сочная и высокая трава осѣняла небольшія бразды, по коимъ чрезъ луга текла чистая вода изъ журчащей рѣчки, между розовыми и терновыми кустами съ пригорка низливающейся; съ другой стороны простиралось хлѣбопашное поле и далекая ровнина, а посреди пригорка стоялъ шалашъ и садъ, гдѣ подъ тѣнію липовыхъ кустовъ сдѣлана была дерновая бесѣдка.

Тутъ обнялъ Аристъ Аминта и его сына: ты мой другъ! и ты мой сынъ! говорилъ онъ, сей шалашъ, и сіи деревья, и сей пригорокъ вамъ принадлежатъ; я вамъ ихъ отдаю; вчера купилъ я етотъ холмъ, и съ вами хочу здѣсь жить; въ семъ шалашѣ, подъ сими деревьями, при сихъ источникахъ протекать будетъ старость моя! и когда я умру, о друзья мои! когда въ объятіяхъ твоихъ, Аминтъ, закрою глаза, тогда погребите меня здѣсь, между сихъ вѣтьвистыхъ деревъ, гдѣ голубыя лиліи цвѣтутъ. Аминтъ отъ радости и удивленія не могъ промолвить ни слова. Ахъ! напослѣдокъ обнявъ своего друга сказалъ онъ, ахъ другъ мой! коль ты великодушенъ! о съ какимъ услажденіемъ буду я провождать старость мою съ тобою! Дафнисъ! когда мы умремъ, ты погреби насъ одинъ подлѣ другаго между сими лиліями, и да будутъ сіи древа у тебя и у твоихъ дѣтей Аристъ и Аминтъ называться.

Съ печальнымъ безмолвіемъ внималъ отцелюбивый сынъ сіе повелѣніе, и потомъ пошли они на верьхъ холма и въ бесѣдку. Дафнисъ обозрѣлъ кругомъ и увидѣлъ за рѣкою Филисинъ шалашъ. Онъ заплясалъ

плясалъ отъ радости на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ, и закричалъ старикамъ и сталъ имъ показывать жилище своей любезной. Долго смотрѣлъ онъ на него пристально, не увидитъ ли тамъ подъ зеленою кровлею своей Филисы, или не выглянетъ ли она въ окошко, но онъ не могъ ее увидѣть; тутъ запѣлъ онъ въ восторгѣ пѣсню, такъ громко, чтобъ она въ шалашѣ своемъ услышала. Потомъ пошелъ онъ осмотрѣть просторной шалашъ свой, которой чистъ былъ и уютенъ, ни чемъ не украшенъ, но лучи восходящаго солнца на бѣлыхъ стѣнахъ изображали колеблющуюся тѣнь вѣтьвей и розовыхъ кустовъ, предъ окнами помавающихъ. О Аристъ! вскричалъ онъ съ восхищенïемъ и подскочилъ къ нему и поцаловалъ у него руку. Потомъ пошелъ онъ во кругъ шалаша и увидѣлъ, что какъ лѣсъ стоятъ вездѣ прекрасныя деревья, которыхъ подпертыя жердями сучья отъ тягости плодовъ къ высокой травѣ гнулися, и отъ одного дерева къ другому протягались дуги виноградныхъ лозъ. Ахъ Филиса! какую скажу я тебѣ радость! здѣсь будетъ жилище наше! о Аристъ! коль ты милостивъ! вскричалъ онъ, и прибѣжалъ опять къ нему, поцало-

вать его въ руку. Аристъ видѣлъ отцову и сыновню радость, и чувствовалъ божественное услажденіе, какое чувствуетъ токмо богъ и великодушной человѣкъ. Коль велико блаженство видѣть восторгъ благодарности тѣхъ, коимъ мы сдѣлали добро!

Дафнисъ пошелъ теперь радостенъ съ холма долой, чтобъ небольшое стадо свое погнать въ лугъ; а Аристъ и Аминтъ въ веселомъ между собою собесѣдованіи остались на холму. Когда шелъ онъ позади своего стада, тогда самъ съ собою размышлялъ: теперь есть у меня холмъ, и шалашъ на немъ будетъ пустъ; вы боги, услышали воздыханія мои! теперь могу я помочь нещастному, котораго вчера видѣлъ; попрошу отца моего, чтобъ онъ подарилъ ему етотъ шалашъ. Такъ разсуждалъ онъ и пришелъ къ другимъ пастухамъ. Онъ началъ имъ въ радости разсказывать, какъ старикъ купилъ для него пригорокъ, и что завтра Гименъ соединитъ ихъ съ Филисою, и просилъ ихъ всѣхъ притти къ нему на свадьбу. Въ доброй часъ, Дафнисъ! говорили ему всѣ пастухи, ты достоинъ своего щастія; мы придемъ къ тебѣ на свадьбу, настроимъ свои свирѣли и приведемъ съ

собою

собою дѣвокъ. Потомъ начали разговаривать, какъ они станутъ тамъ веселиться, пробовали свои свирѣли, и каждой выбиралъ уже себѣ пастушку. Лишъ только насталъ полдень, Дафнисъ пошелъ отъ нихъ прочъ, а пастухи вторично обѣщали всѣ притти къ нему на холмъ, какъ скоро настанетъ утро.

Дафнисъ хотѣлъ теперь итти въ старой свой шалашъ, но ни Ариста ни отца своего уже не нашелъ тамъ, и какъ удивился, когда тотъ нещастный, котораго онъ вчера видѣлъ, вышелъ къ нему на встрѣчу! Дафнисъ! Дафнисъ! говорилъ сей мужъ между тѣмъ какъ слезы текли у него по лицу, чѣмъ могу я воздать вамъ? какъ могу показать тебѣ восторгъ благодарнаго моего серца? нѣтъ словъ, ни самыя текущїя изъ очей моихъ радостныя слезы изъявить того не могутъ! О боги! коль блаженъ тотъ мужъ, которому внушаете вы дѣлать добро! Дафнисъ! отецъ твой, ахъ! подарилъ мнѣ и шалашъ етотъ и деревья. Тутъ съ великимъ удовольствїемъ обнялъ его Дафнисъ: раскажи, говорилъ онъ, раскажи мнѣ, какимъ образомъ случилось сїе радостное приключенїе; какъ нашелъ тебя мой отецъ? Севодня, продол-

жалЪ сей мужЪ, робенокЪ мой ѣлЪ сидя яблоко на вашемЪ холму; тогда пришелЪ отецЪ твой, и взялЪ его кЪ себѣ на колѣни, и спросилЪ, кто у него отецЪ; ФилетЪ, промолвилЪ дитя; а гдѣ ваша хижина? тутЪ заплакалЪ робенокЪ: у насЪ нѣтЪ хижины, ни сада нѣтЪ, ни деревьевЪ нѣтЪ. Тогда спросилЪ АминтЪ, гдѣ я; и велѣлЪ ему привести меня кЪ себѣ; тутЪ скочилЪ дитя у него сЪ колѣней, и прибѣжалЪ ко мнѣ, и привелЪ меня кЪ твоему отцу; онЪ заставилЪ меня расказать о моемЪ нещастіи; ФилетЪ, сказалЪ онЪ выслушавЪ меня, шалашЪ, которой стоитЪ вонЪ *по ту сторону луга*, и деревья, которыя покрываютЪ его своею тѣнію, отдаю я тебѣ; возьми и шалашЪ и деревья; я отнынѣ буду жить на семЪ холму, а ты мнѣ будь сосѣдЪ и другЪ. АхЪ! *я думалЪ, что слышу гласЪ нѣкоего бога; опасался, не мечтается ли мнѣ то во сновидѣніи*: я не могЪ благодарить, я могЪ только плакать. ТутЪ умолкЪ ФилетЪ и возвелЪ на небо очи. Между тѣмЪ какЪ они такимЪ образомЪ разговаривали, невинное дитя маленькими своими ручонками обнялЪ Дафнисовы колѣна, и улыбаяся смотрѣлЪ ему вЪ глаза, словно какЪ бы

сею улыбкою хотѣлъ ему изъявить свою благодарность. Прости, Филетъ! сказалъ Дафнисъ, живи щастливо въ шалашѣ своемъ и да будутъ дерева твои плодоносны! Говоря сіе поднялъ онъ робенка къ себѣ на руки и цаловалъ его, между тѣмъ какъ сей ручонкою своею шевелилъ у него волосы и хваталъ играючи за гладкой его подбородокъ.

Дафнисъ пошелъ теперь на холмъ свой, и расказалъ о нечаянномъ своемъ удовольствіи, и какъ скоро могъ спѣшилъ переплыть за рѣку, но Филиса не была еще у источника. Онъ легъ подъ тѣнію одной ивы, гдѣ солнечный зной и журчаніе рѣчки скоро его усыпили. Вдругъ пробудился онъ почувствовавъ что нѣкто бросилъ въ него цѣлую горсть цвѣтовъ; онъ тотчасъ взглянулъ, а передъ нимъ стояла Филиса и смѣялась; онъ хотѣлъ броситься къ ней въ объятія, но увидѣлъ, что связанъ; онъ хотѣлъ развязаться, но не могъ: а Филиса хохотала такъ, что у нее пучокъ цвѣтовъ съ груди упалъ. Добро лукавица! говорилъ Дафнисъ; постой, постой, дай мнѣ только развязаться, я тебѣ это отплачу! такъ говорилъ онъ смѣючись и тщетно туда и сюда вертелся. Пожалуй-

ста не мсти мнѣ, сказала пастушка, покуда я тебя не развяжу! чемъ ты мнѣ отомстишъ? Я стану тебя цаловать, сказалъ онъ, такъ стану тебя цаловать, что все твое лице какъ роза будетъ румяно! Нѣтъ, Дафнисъ! сказала она, нѣтъ, я не развяжу тебя, покуда не дашъ мнѣ слово цѣлой часъ меня не цаловать. Филиса..... сказалъ онъ, какъ могу я ето обѣщать? но Филиса его не развязывала. Я не стану тебя цаловать, вскричалъ онъ напослѣдокъ, и тогда Филиса его развязала. Вѣрно не сдержать ему своего слова, думала она, однакожъ онъ нарочно скрѣпился, сѣлъ и не цаловалъ ея. Прошло нѣсколько минутъ, она взглянула на него съ улыбкою, но онъ сидѣлъ по прежнему. Дафнисъ! молвила она потомъ, я думаю, часъ уже прошолъ. Прошолъ? сказалъ онъ, далеко еще до того, и четверти часа нѣтъ. Тутъ Филиса усмѣхнувшись покраснѣла немножко, и стала опять ждать. Ахъ! теперь ужъ онъ конечно прошолъ, сказала она. Ты обманываешся Филиса, говорилъ Дафнисъ, еще нѣтъ получаса. О Дафнисъ! сказала тутъ Филиса, ты ужъ довольно мнѣ отомстилъ; не ужъ ли тебѣ легко не цаловать меня? Тутъ наклонилась

лась она къ нему на грудь, и прижавъ лице свое къ его устамъ, глядѣла на него съ такою улыбкою, въ которой вся сердца ея страсть изображалась: тогда усмѣхнулся Дафнисъ и прижалъ ея къ своей груди и пролилъ на лицѣ ея дождь поцѣлуевъ.

Ахъ Филиса! говорилъ онъ, рѣчь свою непрестанно поцалуями прерывая, какъ тяжело мнѣ было мстить тебѣ! и хотя бы то всего моего стада стоило, я бы не могъ долѣе медлить. Но Филиса! продолжалъ онъ съ важностію въ лицѣ, ахъ! что я тебѣ скажу? боги! какую радость. Севодня отецъ мой помогъ нещастному; севодня, о благополучный день! севодня видѣлъ я и проливалъ самъ слезы чистосердечія и благодарности. О коль любезны сіи слезы! любезнѣе, любезнѣе сто кратъ, какъ падающая вѣсною на цвѣты роса. Но послушай, свѣтъ очей моихъ, я все тебѣ раскажу. Аристъ, старикъ, купилъ для насъ большой холмъ, на которомъ такая ростетъ трава, что мнѣ въ колѣно, и на немъ стоитъ цѣлой лѣсъ плодоносныхъ деревьевъ, а подлѣ сего лѣсу поставленъ просторной шалашъ, и подлѣ шалаша течетъ источникъ. О Филиса! какою благо-

дарностїю наполнены были серца наши! Аристъ самъ плакалъ; о блаженныя слезы того, кто проливаетъ ихъ отъ радости, что могъ сдѣлать добро! Пришелъ одинъ нещастной, у котораго водные потоки срыли и шалашъ его и деревья, тогда отецъ мой отдалъ ему свой шалашъ и съ деревьями: о какою благодарностїю наполненъ былъ сей добросердечной мужъ! онъ пролилъ радостныя слезы въ моихъ объятїяхъ! Филиса плакала при расказыванїи, и Дафнисъ сцаловывалъ съ лица ея слезы, чтобъ ни одна изъ нихъ не укатилась къ ней за пазуху. Какъ намъ будетъ весело, Филиса, продолжалъ онъ, когда овцы наши въ высокой на холму травѣ спрячутся, между тѣмъ какъ я о деревьяхъ пещись буду, а ты о садѣ, или оба мы въ объятїяхъ другъ друга подъ тѣнїю лежать и боговъ благодарить станемъ! Ахъ Дафнисъ! Дафнисъ! съ радостнымъ восхищенїемъ прижавъ его къ своей груди сказала Филиса, ахъ, какъ мы щастливы! правда, я бы и въ бѣдности была съ тобою щастлива; въ вѣтхомъ шалашикѣ, въ уединенномъ лѣсу, простые цвѣты принимала бы я за благоуханныя розы, и коренья травъ за сладкїя яства; но боги даруютъ намъ

еще

еще покой и изобилїе. О какЪ щастїе мое веселитЪ меня тѣмЪ, что оно купно и твое!

Пойдемъ, любезная Филиса, сказалЪ ДафнисЪ, поднявЪ ее радостно сЪ своихЪ колѣнЪ, пойдемЪ вонЪ на етотЪ пригорокЪ, гдѣ тыквы ростутЪ; можетЪ быть оттуда увидимЪ мы нашЪ холмЪ; и тутЪ пошли они на пригорокЪ. ВЪ тѣни широкихЪ тыквенныхЪ листовЪ остановился ДафнисЪ и смотрѣлЪ кругомЪ: вдругЪ запрыгалЪ: Филиса, вскричалЪ онЪ, видишЪ ли ты нашЪ холмЪ, вонЪ тамЪ, смотри на мой перстЪ, вонЪ, гдѣ такое множество деревЪ? А! вижу, сказала Филиса, вижу: вонЪ и источникЪ; какЪ онЪ по травѣ и межЪ кустовЪ льется! я вижу и шалашЪ, ДафнисЪ; какой большой и хорошей! какЪ деревья вѣтьви свои черезЪ него протянули, словно какЪ бы подавали ихЪ другЪ другу, такЪ-какЪ мы вЪ пляскѣ подаемЪ руки! а вонЪ ето пробирается сквозь ихЪ либо мальчикЪ либо дѣвушка! я вижу также и бесѣдку: длинная, зеленая предЪ шалашемЪ. АхЪ, любезный ДафнисЪ, обними меня! какЪ мы будемЪ щастливы! ахЪ! я уже вижу, я уже чувствую матернюю радость; вижу, какЪ я

сижу въ бесѣдкѣ и съ улыбающимся на колѣнахъ моихъ младенцемъ играю, между тѣмъ какъ другіе около насъ щиплютъ цвѣтки и лепечутъ, или равнорослые молодымъ барашкамъ съ ними по травѣ прыгаютъ! о коль сладкая надежда! Но кто ето? поди сюда скоряй, кто ето идетъ изъ бесѣдки, сѣдая голова? О Филиса! ето Аристъ, сказалъ Дафнисъ. Ахъ Аристъ! вскричала съ восхищеніемъ пастушка, о ты доброй Аристъ! ты нашъ отецъ!

Свѣтъ очей моихъ, сказалъ Дафнисъ, сѣвши подлѣ пыквъ и посадя Филису къ себѣ на колѣни, свѣтъ очей моихъ, какъ я щастливъ! ты любишъ, ахъ, ты любишъ меня! ето одно, такъ, одно ето уже дѣлаетъ меня щастливымъ! Какую радость, какое услажденіе вкушаю я съ того времени, какъ любимъ тобою! Естьли бы ты меня не любила, ни холмы ни стада, ничто, ничто бы меня не утѣшало; но въ твоихъ объятіяхъ душа души моей, въ твоихъ объятіяхъ почитаю я себя изъ всѣхъ благополучнѣйшимъ! Завтра буду я клясться въ любви моей предъ Купидономъ. Ахъ Филиса! когда голова моя посѣдѣетъ, когда сердце мое въ послѣдніе затрепещетъ, и тогда, равно какъ теперь,

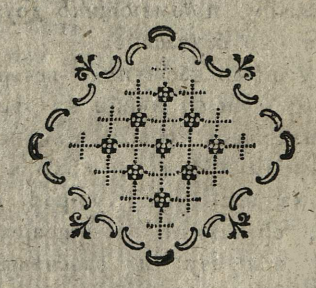
перь, будетЪ оно кЪ тебѣ наполнено любовїю. АхЪ Филиса! Любезнѣйшей ДафнисЪ! сказала Филиса, и вздохнувЪ руками своими жала сЪ горячностїю его руки.

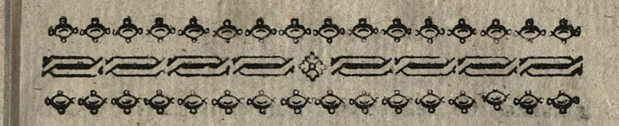
ТакимЪ образомЪ сидѣли они тамЪ сЪ восхищенїемЪ, и услаждались и молчали. Филиса! началЪ опять ДафнисЪ, всѣ пастухи и пастушки радуются нашему щастїю; всѣ тѣ, которые живутЪ вокругЪ нашего холма, обѣщали мнѣ притти кЪ намЪ на свадьбу, и я буду ихЪ угощать вЪ бесѣдкѣ. А живущїе около насЪ пастухи и пастушки, сказала Филиса, обѣщали мнѣ тожЪ самое сдѣлать. ТакЪ говорили они и веселились, что столько людей знаютЪ, прїемлющихЪ дружелюбное вЪ радости ихЪ соучастїе.

Между тѣмЪ наступилЪ вечерЪ. ДафнисЪ всталЪ, чтобЪ итти за рѣку; рука за руку взявшись сошли они сЪ холма. АхЪ! говорилЪ ДафнисЪ, какЪ я буду веселЪ, когда настанетЪ утро! сЪ какою радостїю, сЪ какимЪ восхищенїемЪ и прїятностїю встрѣчу я разсвѣтанїе дня! КакЪ скоро заря наступитЪ, Филиса, какЪ скоро наступитЪ заря, буду я уже предЪ твоимЪ шалашемЪ. А я еще прежде зари, сказала Филиса, прежде зари, стану сЪ

нетерпѣливостїю смотрѣть въ окошко; и когда ты покажешся, тогда-то серце мое вострепещетъ отъ радости; плакать стану отъ удовольствїя, словно какъ бы давно съ тобою невидалась; съ крикомъ встрѣчу тебя, такъ какъ кричатъ молодыя ласточки, когда мать въ носикѣ своемъ несетъ къ нимъ пищу. Такъ, душа моя, сказалъ Дафнисъ обнявъ ее, и я на устахъ своихъ принесу къ тебѣ пищу и утѣху.

Такъ говорили они, покуда не сѣлъ Дафнисъ въ челночокъ.

ДАФНИСЪ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Въ веселыхъ снахъ оба они проводили ночъ. Едва ранняя ласточка сидя подъ кровлею возвѣстила приходъ утра, какъ внезапу гласъ многихъ свирѣлей и пѣсенъ прервалъ Дафнисовъ сонъ. Пастухи и пастушки взявшись рука съ рукою стояли уже предъ шалашемъ и пѣли Дафнису веселую свадебную пѣсню. Тотчасъ вскочилъ онъ съ восторгомъ и вскричалъ: буди мною благословенъ, о щастливѣйшій день въ моей жизни! Потомъ имѣя свѣтлорусыя волосы переплетенныя новою лѣнтою, съ вѣнкомъ на головѣ и въ праздничномъ нарядѣ, выскочилъ онъ къ пастухамъ и пастушкамъ, радостно ему всклицающимъ, и съ которыми Аристъ и Аминтъ стояли уже и веселились, что видятъ себя присутствующими на бракѣ сыновнемъ.

Теперь всѣ они пошли съ холма долой, а старики въ слѣдъ имъ съ веселіемъ смотрѣли; они пришли къ рѣкѣ и стали садиться

диться въ челночки, которые всѣ были украшены, каждой съ зеленою кровелькою стоялъ подлѣ берега. Запѣвъ пѣсни поплыли они за рѣку, гдѣ были многїе челночки, также съ зелеными кровельками и длинными лѣнтами, на которыхъ пастухи и пастушки прїѣхали съ другова берега. Тутъ выскочили они изъ челночковъ, привязали ихъ крѣпко, и пошли громко запѣвъ къ Филисину шалашу, а тамъ стояла уже большая толпа юношей и дѣвицъ; съ веселымъ серцемъ присоединились они къ нимъ, а Дафнисъ побѣжалъ тотчасъ въ шалашъ, гдѣ Филиса съ безмѣрною радостїю его встрѣтила.

Между тѣмъ дѣвицы и юноши распѣвая пѣсни ожидали предъ шалашемъ. Одинъ прекрасной молодой пастухъ съ длинными бѣлокурыми власами привелъ юношъ и дѣвицъ съ другова берега; неся подъ пазухою лиру изъ слоновой кости, походилъ онъ на Аполлона, когда сей былъ между пастухами; и многїе почитали его сыномъ сего младаго бога. Не было на всѣхъ поляхъ ни единаго пастуха толь прекраснаго, ни толь мудраго; онъ зналъ теченїе звѣздное, силу травъ, и въ юныхъ лѣтахъ своихъ почитался уже оракуломъ во всей о-

кресности;

крестности; онъ умѣлъ лучше всѣхъ слагать пѣсни, и каждую вновь сложенную имъ пѣсенку тотчасъ пѣли во всѣхъ странахъ; онъ воспѣвалъ добродѣтель, юношеское веселїе и любовь, и его стихосложенїя пѣты были въ торжественные дни во храмахъ. Когда при стадѣ своемъ сиживалъ онъ на лугу, тогда собиралися къ нему пастухи и пастушки, и просили его, сыграть имъ на лирѣ пѣсню; они ложились кругомъ его, подобно какъ овѣчки ложатся вкругъ дерева, покрывающаго ихъ тѣнїю отъ своихъ вѣтьвей. Струны подъ его перстами издавали отъ себя такой прїятной звукъ, что всѣ забывались, и чаяли себя быть въ сообществѣ боговъ. Природа даровала ему еще большїе таланты, онъ былъ весьма изрядной рѣщикъ деревянныхъ кумировъ, которые поставлялъ онъ въ храмахъ. Истуканы Нимфъ въ гротѣ сдѣланы были его искусною рукою; а въ ближней рощѣ поставилъ онъ рѣзное изображенїе Пана между высочайшими дубами.

Однажды вырѣзалъ онъ Купидона; можно было однимъ взглядомъ узнать кто сей божокъ, хотя бы не было у него ни стрѣлъ ни колчана; веселая дѣтская усмѣшка и проворство показующїй видъ

являли,

являли, что то был Купидон. Он поставил образ сей в бесѣдкѣ своего сада. Нѣкогда сей юноша при лунном сіяніи сидя в бесѣдкѣ пѣл с великою пріятностію любовную пѣсню, тогда услышал он нѣкій шум, подобно как бы зефир играл, или жужжали пчелы, и запах благовоннѣйшей розоваго, распространился по всей бѣседкѣ. Купидон окруженный множеством божков любви на серебряном облакѣ спустился на бесѣдку. Подобно рою пчел, иные из них сѣли на вѣтьви, пред бесѣдкою помавающія, другіе на цвѣты.

Юноша! сказал Купидон, я тот, которому весь свѣт возжигает жертвенники; я тот, котораго боги почитают; я тот, которой Аполлоново у пастухов пребываніе сдѣлал достойным зависти богов; я тот, которой изощряет разум, и в самых честных людях умножает чувствительность к добродѣтели; мнѣ повинуются царь на престолѣ и пастух в шалашѣ; я воспламеняю огнь порочнаго к его наказанію, и услаждаю жизнь добронравнаго величайшею утѣхою, какая токмо совмѣстна смертному; любострастным желаніем, пріятною мукою,

сладким

сладкимъ восторгомъ. Однако немногіе изъ смертныхъ почитали меня съ такимъ какъ ты усердіемъ; я сдѣлаю тебя щастливымъ, щастливымъ паче всѣхъ живущихъ на земли. Такъ сказалъ Купидонъ и исчезъ.

Тогда почувствовалъ юноша въ сердцѣ своемъ нѣкую перемѣну: тайное желаніе влекло его къ размышленію о красотѣ, и сія мѣчта на нѣкоторое время погрузила его въ пріятную задумчивость. Съ тѣхъ поръ, какъ скоро раннія птички воспоютъ приходъ солнца, или возсіяетъ луна, хаживалъ онъ всегда въ бесѣдку. Каждое утро пришедъ туда находилъ онъ Купидона своего увѣнчанна новымъ вѣнкомъ; сіе приводило его въ удивленіе и казалось ему быть предзнаменующимъ нѣчто благопріятное. Однажды былъ онъ ввечеру въ бесѣдкѣ и размышляя о вѣнкѣ вознамѣрился проводить всю ночъ у истукана: долго стерегъ онъ, покуда тихая полночъ не наступила, и тогда услышалъ шумъ: онъ спрятался тихонько позади истукана, и видитъ дѣвицу выходящую изъ за кустовъ, которыми садъ его былъ окруженъ. Тихо ступала она и какъ бы крадучись шла къ бесѣдкѣ; стройный станъ ея покрывало

трепещась

трепещась бѣлое и легкое одѣянїе, на которомъ русые волосы возвѣваясь обнажали иногда прелесть круглой ея шеи; величаваго возрасту дѣвица сїя сходствовала съ Юноною, но въ прїятныхъ чертахъ лица ея видно было больше веселїя нежели важности. Она вошла въ бѣседку и томнымъ окомъ взглянула на истукана. Купидонъ! сказала она и вздохнула, доколѣ буду я чувствовать данныя мнѣ тобою муки? Ахъ! серце мое горитъ любовїю, я воздыхаю, томлюсь. Дамонъ! естьли бы ты видѣлъ слезы, горячїя слезы, текущїя изъ моихъ очей! ты бы сцаловалъ ихъ съ лица моего! ты бы воздыхалъ и меня любилъ! Ахъ! когда повергшаяся въ объятїя рукъ твоихъ буду я щастлива? когда съ радостными въ очахъ слезами воздамъ хвалу Купидону?

Такъ сказала она и надѣла Купидону вѣнокъ на голову. Дамонъ съ великимъ восхищенїемъ слушалъ ея, любовь въ волнующемся серцѣ его уже сильно владычествовала. Онъ вышелъ оттолѣ съ трепетомъ, бросился съ отверстыми руками къ своей любезной, и въ объятїяхъ ея почувствовалъ, что онъ щастливѣйшей изъ смертныхъ. Сей былъ пастухъ, приведшїй юношъ и дѣвицъ съ другова берега.

Солнце появилось изъ за горъ, луга съ веселіемъ его встрѣтили; Филиса вышла изъ шалаша, пастухи и пастушки также съ веселіемъ ея встрѣтили; Дафнисъ велъ ея за руку, онъ прекрасенъ былъ какъ юный Бахусъ, и веселъ какъ божокъ любви. Мать слѣдовала за ними, удовольствіе написано было на ея лицѣ. Попарно всѣ они шли къ челночкамъ; великой флотъ поплылъ за рѣку. Сказываютъ, что въ бесѣдкахъ на челночкахъ резвились Купидоны; тихое колебаніе листковъ, розовый запахъ и нѣжное трепетаніе лентъ и цвѣтовъ на грудяхъ у пастушекъ, показывали ихъ присутствіе. Каждый пастухъ тихо прижавъ высадилъ пастушку свою изъ челночка; Дафнисъ съ Филисою шли напередъ и возвели ихъ на верьхъ холма, гдѣ Аминтъ съ отверстыми руками и съ великою радостію Филисину мать встрѣтилъ. Добро пожаловать, говорилъ онъ обѣ руки у нее пожавъ, добро пожаловать, о жена лучшаго изъ моихъ друзей! Какова благополучнаго дня дождались мы при старости! благословеніе боговъ да будетъ съ нами! А Аристъ и Филетъ, которому Аминтъ подарилъ шалашъ, поспѣшали на встрѣчу къ Филисѣ и обняли ее съ великимъ усердіемъ.

Потомъ

Потомъ юноши и дѣвицы на подобіе вѣнка стали всѣ кругомъ жертвенника, воздвигнутаго Купидону, и запѣли брачныя пѣсни. Дафнисъ и Филиса стояли предъ жертвенникомъ; никогда еще толь прекрасная чета не приносила жертвъ Купидону; вѣнки изъ бѣлыхъ и красныхъ розъ лежали у нихъ на головахъ, и цѣпи пестрыхъ цвѣтовъ обвивались отъ плечъ до пояса. Дафнисъ держалъ въ рукѣ голубя, а Филиса голубку; они убивали сихъ голубей, которые трепещась били крылышками объ умерщвляющія ихъ руки. Филиса убивала съ жалостію, и потомъ положили они ихъ на жертвенный камень, осыпали благовонными растеніями, и возлили на оные медъ и масло; каждая чета юношъ и дѣвицъ приближилась и возлагала вѣнки на жертву: вскорѣ сіе воскурилось и облако благоуханій со гласомъ брачныхъ пѣсенъ поднялось къ Олимпу.

„О Купидонъ! (пѣли онѣ при играніи „на свирѣляхъ) ты сладкой богъ любви! „о коль пріятно любить и быть любиму! „любятъ боги въ рощахъ и боги въ рѣ„кахъ; и соловей въ тихую ночъ тебѣ „поетъ! все любитъ, о Купидонъ! слад„кой богъ любви!

„Не

,, Не процвѣтаетъ ли уже любовь въ ,, младенцѣ, которой едва лепетать умѣя ,, играетъ смѣючись съ цвѣтками? конеч- ,, но; такъ процвѣтаетъ съ начала весны ,, молодой цвѣтокъ въ пучкѣ. О Купидонъ! ,, сладкой богъ любви!

,, Кто не любитъ, тотъ въ скукѣ ,, провождаетъ дни, тотъ какъ мутная ,, вода, которая не течетъ, какъ нѣмая ,, птица, которая не поетъ, и какъ су- ,, хое дерево, которое никогда не разцвѣ- ,, таетъ. О Купидонъ! сладкой богъ люб- ,, ви!

,, Вы, взаимно между собою любя- ,, щіеся, не лучше ли благоухаютъ для ,, васъ цвѣты? не пріятнѣе ли журчатъ ,, рѣчки? не кажется ли вамъ пѣніе пти- ,, чекъ брачными пѣснями? О Купидонъ! ,, сладкой богъ любви!

,, Панъ да покровительствуетъ ваши ,, стада, и Церера съ Бахусомъ да благо- ,, словляютъ овощи ваши и виноградъ, и ,, домашнія боги да поживутъ мирно въ ,, шалашахъ вашихъ! а ты простирай надъ ,, ними свой лучъ, да не охладѣетъ ни- ,, когда любовь ихъ, о Гименъ! сладкой ,, богъ! богъ брака, о Гименъ!

Между тѣмъ Дафнисовъ отецъ и

Аристъ

Аристъ и Филетъ у подошвы холма принесли въ жертву Пану, покровителю земледѣльцевъ и стадъ, юнаго тѣльца, у котораго роги обвиты были плющемъ и ельникомъ; а мать Филисина въ тишинѣ возсылала молитву богинѣ домашнихъ дѣлъ и женскихъ таинствъ.

Всѣ теперь собрались въ бесѣдку, гдѣ Филисина мать хозяйствуя приготовила длинной столъ, наполненный смачныхъ яствъ и овощей и цвѣтовъ. Всѣ посѣли кругомъ стола, а Филиса и Дафнисъ сѣли въ переднемъ мѣстѣ, такъ какъ въ хорошемъ вѣнкѣ роза съ лилїей должны быть посреди бѣлаго чела у дѣвицы. Подлѣ нихъ сѣлъ Филетовъ маленькой сынъ; усмѣшка и веселїе процвѣтали на его лицѣ; онъ взглядывалъ съ улыбкою на Филису, и цаловалъ у нее часто руку. Потомъ сѣли старики, Аристъ и Филисина мать, Аминтъ и Филетъ; дружелюбїе и радость являли на лицахъ ихъ цвѣтъ юности. Смѣхи, шутки, забавныя повѣсти, разсказываемыя другъ другу, шептанїе въ уши пастушкамъ, господствовали за столомъ; однако вскорѣ бодрая юность оставила бесѣдку для начатїя веселыхъ игръ. Сперьва взявшись другъ съ другомъ за руку

ку составили они изъ себя продолговатой кругъ; Дафнисъ былъ первой въ кругу, а Филиса послѣдняя, и когда кругъ смыкался, тогда сходились они вмѣстѣ и обнимались, и потомъ всѣ кругомъ плясали, или Филиса съ Дафнисомъ плясали одни въ кругу, а дѣвицы и юноши кругомъ ихъ вертелись; или лучшіе плясуны и плясальщицы выходили составить пляску жателей, или сѣятелей, или собирателей винограда, или мореходцевъ, и наблюдали пляшучи точное ихъ тѣлодвиженіе, а прочіе пѣли имъ пѣсни жателей, сѣятелей, собирателей винограда и мореходцевъ. Въ скорыхъ оборотахъ резвые юноши вертели смѣющихся дѣвокъ, такъ что легкое платье ихъ лѣтало къ верьху. Утомясь наконецъ отъ пляски пошли они въ бесѣдку подъ тѣнію прохлаждаться, шутить, вкушать овощи, или забавныя другъ другу расказывать повѣсти.

Мой пастухъ однажды очень ошибся, говорила одна пастушка, и потрепала съ ласкою своего пастуха; очень онъ ошибся, такъ расказывала она Филисѣ: я обѣщала въ нѣкоторой часъ притти къ нему въ кусты, но бѣдной пастушокъ долго, долго меня прождалъ; напослѣдокъ прибѣжала я

безъ цвѣтовъ, волосы растрепаны и вѣнокъ изорванъ..... Да, перервалъ пастухъ, и грудь вся обнажена..... Я хотѣла ево обнять, продолжала пастушка нѣсколько покраснѣвъ, но онъ отступилъ назадъ. Пастухъ! сказала я, мнѣ нельзя было прежде къ тебѣ притти; Даметъ, дорогой Даметъ бѣжалъ за мною, и какъ я сюда спѣшила, онъ бросился ко мнѣ на шею, вѣнокъ у меня изорвалъ, цвѣты съ груди унесъ и лѣнты всѣ развязалъ; такъ сказала я и хотѣла его обнять, но онъ съ серцовъ пошелъ отъ меня прочь. Не бѣги, мой другъ, сказала я, Даметъ принесетъ мнѣ свѣжихъ цвѣтовъ. Тогда онъ и пуще отъ меня побѣжалъ; я смотрѣла за нимъ въ слѣдъ, онъ нахмурился и..... Да, перервалъ опять пастухъ, мнѣ очень было досадно; жестокая, сказалъ я, она невѣрна мнѣ, можетъ быть давно уже невѣрна и все меня обманывала, теперь сама ето сказала и хочетъ меня еще обнимать, словно какъ бы мнѣ до того и дѣла не было; я еще много говорилъ и ходилъ въ серцахъ взадъ и впередъ, и не знаю какъ вдругъ очутился опять передъ нею; гнѣвъ и тоска владѣли мною; но взглянувъ увидѣлъ я на рукахъ у нее дитя, которой завязывалъ

лѣнты и присаживалъ къ груди ея цвѣтокъ. Видишъ ли ты, сердитой пастухъ, сказала она взглянувъ на меня съ умиленїемъ и досадою, видишъ ли, что маленькой Даметъ принесъ ко мнѣ свѣжихъ цвѣтовъ. Етотъ-то Даметъ развязалъ у тебя лѣнты? вскричалъ я съ удивленїемъ, наполненный стыда и радости при открывшемся обманѣ..... Да, сказала я, продолжала опять пастушка, да, тотъ то самой Даметъ; за что ты осердился, любезной пастухъ? но впередъ ужъ конечно, конечно ничто меня не удержитъ, для того, что ты сердишся. Тогда подошелъ ты ко мнѣ и пожалъ у меня руку, и плача спряталъ лице свое ко мнѣ въ колѣни; чѣмъ больше я говорила: встань, моя душа, я тебя поцалую; тѣмъ больше ты плакалъ и говорилъ: я недостоинъ, чтобъ ты меня цаловала. Такъ расказывала пастушка и обняла своего пастуха.

Ахъ! какъ прїятно такимъ образомъ опять помириться! сказала Филиса обнявъ своего Дафниса. Такъ, душа моя, отвѣчалъ Дафнисъ, никогда не былъ я столь радостенъ, какъ помирясь съ тобою послѣ ссоры, какую произвелъ между нами Ламонъ.

Меня моя пастушка однажды обманула, сказалъ одинъ пастухъ, держа пастушку свою на колѣняхъ, которая при расказываніи хохотала. Я лежалъ подлѣ рѣки и заснулъ; вдругъ разбудилъ меня чей то голосъ: пастухъ! говорилъ сей пріятной голосъ, ахъ! когда я тебя здѣсь подлѣ рѣки вижу, тогда смотрю на тебя вздыхая, а когда ты прочъ пойдешъ отъ сего берега, тогда я чувствую несказанную горесть. Какъ бываю я весела, когда ты здѣсь подлѣ рѣки засыпаешъ! я прихожу на берегъ и тебя обнимаю; я не могу долѣе скрывать своего пламени, я люблю тебя, тебя любитъ Нимфа, ахъ! надобно и въ томъ признаться! прекрасная, молодая Нимфа! не уже ли не станешъ ты меня любить, о пастухъ? Я не могу, не могу тебя любить, Нимфа! сказалъ я, я уже люблю прекрасную пастушку. Но когда ты меня увидишъ, продолжала Нимфа, когда ты увидишъ зеленые власы мои, на бѣломъ тѣлѣ и вкругъ нѣжныхъ коленъ моихъ возвѣвающіе, когда голубые глаза мои, румянецъ лица моего и мои уста увидишъ, тогда съ охотою промѣняешъ ты пастушку свою на Нимфу. Не гнѣвайся Нимфа, сказалъ я опять, я не могу

тебя

тебя любить, хотя бы ты прекрасна была какъ прелесть и какъ сама Венера; я люблю мою Хлою и на цѣлый свѣтъ ее не промѣняю; я пойду, прости Нимфа, пойду отселѣ и до тѣхъ поръ не возвращусь, покуда любовь твоя не простынетъ. Жестокой! вскричала Нимфа, я стану тебя повсюду гнать, лѣсные боги похитятъ у тебя сонъ, и ввергнутъ тебя въ рѣку. Ахъ! сказалъ я, хотя бы лѣсные боги и жизнь у меня похитили, но я ни кого не могу любить кромѣ Хлои. Они и Хлою твою у тебя похитятъ, хотѣла еще продолжать Нимфа, но вдругъ слова ея въ громкой смѣхъ перемѣнились; и тогда вышла ко мнѣ Хлоя и хохотала изо всей мочи. Я не могла долѣе, любезной пастухъ, говорила она..... Да, перервала тутъ пастушка, мнѣ смѣшно стало, чуть было онъ не разсердился на Нимфу; но какъ была я рада, что такимъ образомъ вѣрность твою испытала; такъ сказала она и прижала его къ серцу.

Въ такихъ веселостяхъ приближился вечеръ, и луна взошла съ тишиною на небо; тогда Филиса и Дафнисъ созвали опять всѣхъ пастуховъ и пастушекъ въ липовую бесѣдку. Тамъ въ зеленыхъ гнѣз-

дахъ поставлены были на столѣ дыни, накрытыя виноградными вѣнками; румяныя яблоки, груши, гранаты съ зелеными коронками, сладкія фиги, и всѣ плоды, какія щедрая осень приноситъ, плоды въ гладкихъ и мохнатыхъ кожицахъ, или въ твердыхъ шелухахъ, лежали длинными рядами на блюдахъ, осыпанныхъ цвѣтами и душистыми травами, и кружки, обвитыя посвященнымъ богу винограда плющемъ, стояли на возвышенныхъ подносахъ.

Когда посѣли они всѣ кругомъ стола, тогда подошелъ къ Дафнису Дамонъ, тотъ юноша, у котораго лира изъ слоновой кости, и которой вырѣзалъ Купидона; вотъ, другъ мой, (говорилъ онъ подавая ему большой стаканъ) вотъ стаканъ, которой я нарочно для тебя вырѣзалъ; да будетъ онъ залогомъ нашей дружбы! налей его полонъ виномъ и да обносится онъ кругомъ стола, и каждой, кто изъ него пить будетъ, тотъ да споетъ намъ пѣсню. Дафнисъ принялъ съ радостію стаканъ; Дамонъ! дружба твоя для меня безцѣнна, говорилъ онъ, между тѣмъ какъ вертѣлъ въ рукахъ стаканъ и удивлялся искусству его работы: на немъ вырѣзанъ былъ весе-

лый

лый Лїэй, везомый на колесницѣ своей кроткими тиграми; за колесницею его слѣдовалъ Силенъ, смѣшно смѣющїйся, а по обѣимъ сторонамъ подлѣ него шли Фауны, они хохотали и поддерживали его на ослѣ своими плѣчами. Толпы скачущихъ другъ черезъ друга Нимфъ, Сатировъ и Фауновъ бѣжали веселясь за Силеномъ, съ тирсами, съ цимбалами, съ бубнами, съ флейтами, или съ мѣхами за спиною. Выше того на вѣнкѣ, которой вырѣзанъ былъ около верхняго краю стакана, порхали любовные божки, бросая внизъ цвѣтами; посреди ихъ висѣлъ на крыльяхъ Купидонъ, и пускалъ стрѣлы въ Нимфъ, изъ которыхъ иныя съ смѣхомъ на него смотрѣли, другїя казалось отъ него бѣжали, однакожъ изъ подтиха оглядывались, близколь онъ еще, и можетъ ли ихъ примѣтить.

Дафнисъ преисполненъ веселїя налилъ пѣнящагося вина въ стаканъ и запѣлъ: ,, ты вино! (такъ онъ пѣлъ) о коль прї- ,, ятно ты въ рукахъ у моей пастушки! ,, и когда взоръ ея сопровождаетъ тебя, ,, ахъ! тогда пью я съ радостїю; ибо ,, взоръ моей любезной отверзаетъ тот- ,, часъ путь радости къ моему серцу. Пой- ,, ду и у подошвы холма въ честь Лїэю и

,, Купидону священную насажу бесѣдку,
,, насажу ее изъ виноградныхъ лозъ, и
,, тогда въ бесѣдкѣ, въ объятїяхъ моей
,, любезной, принесу я благодарность, Ку-
,, пидону за мое восхищенїе, Лїэю за мою
,, радость.

Такъ пѣлъ онъ и отдалъ Филисѣ ста-
канъ, она взяла его съ улыбкою и запѣла:
,, ты роза! (такъ она пѣла) запахъ твой
,, тогда лишъ мнѣ *прїятенъ*, когда со-
,, рветъ тебя мой Дафнисъ; а когда съ
,, восторгомъ поцаловавъ меня приложитъ
,, онъ тебя къ моей груди, ахъ! тогда
,, благоуханїе твое радость мнѣ прино-
,, ситъ; ибо сладкой поцалуй моего любез-
,, наго отверзаетъ тотчасъ путь радости
,, къ моему серцу. Насаждай, пастухъ,
,, бесѣдку Лїэю и Купидону; я къ виногра-
,, ду твоему въ честь богу любви присово-
,, куплю еще розы, и тогда въ объятїяхъ
,, твоихъ принесу Купидону благодарность
,, за мое восхищенїе.

Такимъ образомъ обносился стаканъ
кругомъ стола и умножалъ забавы, смѣхъ
и шутки; всѣ пѣли веселыя или любовныя
пѣсни; одинъ лукавой пастухъ пѣлъ:....
,, чудь было не влюбился я въ тебя, о ты
,, суровая, несклонная пастушка! но будь

,, сурова

„ сурова и несклонна, презирай пожалуй „ любовь! ты можешь, можешь отъ меня „ убѣгать, съ тѣхъ поръ какъ ты въ ко- „ лодязѣ для овецъ своихъ воду черпала; „ какъ не однажды нагибаясь вытягивала „ ты изъ него ведро, тогда, о бѣдная „ пастушка, смотрѣлъ я къ тебѣ за го- „ лую пазуху!

Одна молодинькая пастушка, невеличка собою, пѣла съ такою пріятностію, какъ молодой жаворонокъ: . . . . . „ я не „ хочу любить, такъ всегда я говорю; „ птичекъ ли вижу когда на вѣткахъ ца- „ лующихся, говорю всегда: я не хочу „ любить. Пастуха ли когда увижу приго- „ жаго, говорю всегда: пастухъ! я не хо- „ чу любить. Ахъ! скажите мнѣ, дѣвицы! „ вы, которыя уже любите, скажите, „ хотя бы я и вздыхала, чево мнѣ опа- „ саться, когда я говорю: пригожей пас- „ тухъ! я не хочу любить?

Напослѣдокъ стаканъ пришелъ къ Дамону, которой его вырѣзалъ. Дамонъ! (вскричали всѣ пастухи и пастушки) тебѣ надобно съиграть намъ пѣсню; гдѣ твоя лира? я не могу играть, говорилъ онъ, я стану пѣть безъ лиры; а между тѣмъ одна хитрая дѣвушка смѣючись вложила

 ему

ему лиру въ руки: всѣ пастухи и пастушки захлопали въ ладоши и кричали ему: ты долженъ, долженъ играть. Онъ взялъ лиру и всталъ: тотчасъ все со вниманїемъ умолкло, ниже лѣнточка, ниже листокъ въ вѣнкѣ шевелился, и тогда началъ онъ играя на лирѣ пѣть:

,, Вы дѣвицы и юноши! любите и
,, пейте, да утопаетъ серце ваше въ сладкомъ восхищенїи, да ликуетъ на пламенныхъ лицахъ вашихъ радость. Повѣрьте
,, мнѣ, юноши, я видѣлъ, видѣлъ Лїэя,
,, сего младаго, веселаго бога; онъ лежалъ
,, въ зеленой бесѣдкѣ, покрытъ до половины тѣнїю; на винный мехъ облакотясь
,, лежалъ онъ и смѣялся, а Купидонъ одною
,, рукою оперщись къ нему въ колѣно, другою надѣвалъ ему на голову вѣнокъ изъ
,, виноградныхъ гроздїй. Пьяные Фауны
,, шатались вкругъ бесѣдки, они плясали
,, съ Нимфами, и нагибались въ пляскѣ и
,, поднимали сопротивляющихся Нимфъ
,, высоко къ верьху, и прижимали ихъ къ
,, бїющемуся серцу. Купидонъ! сказалъ
,, Лїэй, о Купидонъ! такъ, и вино безъ
,, тебя не вкусно. Коль пусто, коль празд-
,, но то серце, которое не дышитъ тобою! и нектаръ, нектаръ самъ безъ те-

,, бя не вкусенъ. Да не будетъ, о Купи-
,, донъ, да не будетъ серце мое ни на одну
,, минуту безъ любви. Когда я люблю,
,, да, когда люблю, тогда чувствую, что
,, я Лїэй, богъ вина и радости. Лїэй! ска-
,, залъ тутъ Купидонъ; Лїэй! о сколь
,, обязанъ я вину! ты застѣнчивымъ да-
,, ешъ смѣлость; ты погасающей любви
,, новую жизнь вливаешъ; въ самыхъ охла-
,, дѣвшихъ старикахъ во время питья
,, играетъ любовь, подобно какъ лучи за-
,, ходящаго солнца играютъ еще въ вечер-
,, ней зарѣ. Ты, ты умножаешъ радость,
,, ты поцалуямъ придаешъ сладости; да,
,, когда я пью, когда пью, тогда чувст-
,, вую, что я Купидонъ, богъ любви и
,, восторга. Такъ говорили боги. Вы дѣ-
,, вицы и юноши! любите и пейте, да
,, утопаетъ серце ваше въ сладкомъ вос-
,, хищенїи, да ликуетъ на пламенныхъ ли-
,, цахъ вашихъ радость.,, Такъ пѣлъ юно-
ша и умолкъ.

Пастухи и пастушки сидѣли долго, какъ будто бы еще слушали. Такъ веселились они и пѣли и пили и цаловались, покуда мѣсяцъ не взошелъ высоко; тогда оставили они бесѣдку и пошли провожать Дафниса съ Филисою въ брачную сѣнь, и

плясали идучи, и прыгали, и пѣли, подобно какъ вакханки на виноградныхъ горахъ. О Гименъ, пѣли они, сладкой богъ брака, о Гименъ! Въ бесѣдкѣ слышно было согласное шептанїе дрїядъ, а соловьи на ближнихъ деревахъ воспѣли имъ брачныя пѣсни.

КОНЕЦЪ.

КАРТИНА ИЗЪ ПОТОПА
ИЛИ
СЕМИРА и СЕМИНЪ.

Уже мраморныя башни стояли глубоко подъ водою, и черныя волны надъ хребтами горъ носились; едино токмо гордое чело нѣкія горы возникало еще изъ водъ. Вокругъ окропленнъхъ боковъ ея слышно было кипѣніе моря и вопль нещастныхъ, силящихся въ отчаяніи взойти на высоту, да избавятся отъ текущей во слѣдъ за ними смерти. Тамо отторгается часть горы и съ тяжестію стенящихъ на оной людей низвергается въ пѣнящееся море. Индѣ скопившіеся потоки водъ влекутъ съ яростію сына, пекшагося о спасеніи полумертваго отца, или страждущей матери, дѣтьми обремененной. И се единъ токмо высочайшій холмъ оставался еще цѣлъ отъ потопленія. Семинъ, благонравный юноша, спасъ возлюбленную Семиру свою на высотѣ сего холма. Тамо ревущей бурѣ внемля пребываютъ они уединенны, ибо все предано уже было смерти. На нихъ

яростныя волны плещутъ, надъ ними громъ гремитъ, подъ ними стонетъ море. Страшный мракъ окружалъ ихъ, когда сверкающая молнія не открывала имъ наполненнаго ужасомъ зрѣлища; каждое облако угрюмымъ челомъ своимъ грозило ввергнуть ихъ въ отчаяніе, и каждая волна, тысячми труповъ покрытая, несомая на крилахъ бури, текла искать новыхъ поглощеній. Семира прижимаетъ возлюбленнаго своего къ трепещущему серцу, слезы совокупно съ дождевными каплями текутъ по блѣдному ея лицу, она прерывнымъ голосомъ вѣщаетъ: нѣтъ намъ къ спасенію надежды, о возлюбленный! о мой Семинъ! свирѣпая смерть зіяетъ на насъ со всѣхъ сторонъ! о пагуба! о горе! отчасу приближается она, лютая смерть! которая изъ сихъ волнъ, увы! которая поглотитъ насъ! Держи меня, держи дрожащею рукою, о возлюбленный! скоро, скоро, преданныхъ всеобщему истребленію, ни меня, ни тебя не будетъ..... Се!..... о боже! ..... валъ несется! коль ужасенъ! молніями освѣщенъ приближается онъ къ намъ. И се, о боже! боже! судія! тако вѣщала она и пала полумертва къ Семину.

Трепещущими руками обнялъ онъ безчувст-

чувственную любовницу, дрожащїя уста его молчали, не зрѣлъ онъ болѣе окружающихъ его бѣдствїй, зрѣлъ едину возлюбленную свою едва не бездыханно на груди его лежащу, и чувствовалъ мученїе горшее чемъ ужасъ смерти. Се лобзаетъ онъ блѣдныя ланиты ея, хладнымъ дождемъ окропленныя, крѣпко прижимаетъ ея ко своей груди и вѣщаетъ:..... Семира! дражайшая Семира! возстани! увы! хотя единожды воззри еще на страшное сїе позорище, обрати на меня взоръ свой, да скажутъ блѣдныя уста твои, что я и въ самый смертный часъ любимъ тобою, да скажутъ еще единожды, доколѣ не поглотили насъ волны.

Тако вѣщалъ онъ, и чувства ея возвратились; она возвела на него взоры, наполненные любви и несказанныя горести; потомъ обратила ихъ на повсемѣстное опустошенїе: боже! судїя! возопила она, такъ нѣтъ спасенїя, нѣтъ жалости надъ нами? съ какою яростїю ревутъ на насъ волны! съ какимъ трескомъ громы ударяютъ! съ какимъ ужасомъ возвѣщается непримиримое мщенїе! о боже! дни наши текли въ непорочности, ты, о юноша добродѣтельный!..... увы! горе мнѣ! нѣтъ

уже

уже ихъ, нѣтъ болѣе услаждавшихъ жизнь мою, всѣ они погибли! и ты, родитель мой! о лютѣйшій часъ! отторгнутый отъ моихъ объятій, еще возвышалъ ты главу и руки, хотѣлъ благословить меня и былъ поглощенъ волнами. Ахъ! уже всѣ они смерть вкусили!..... Но и самый опустошенный свѣтъ, о Семинъ! Семинъ! бывъ съ тобою вмѣстѣ почитала бы я райскимъ селѣніемъ! о боже! дни наши текли въ непорочности. Увы! такъ нѣтъ спасенія, нѣтъ жалости?..... но что вѣщаетъ страждущее серце мое? о боже! отпусти мнѣ! что есть предъ тобою человѣческая непорочность!

Юноша держалъ возлюбленную свою, колеблющуся вѣтромъ, и рекъ: дражайшая! нѣтъ уже ничего дышущаго на лицѣ земли; изъ глубины кипящихъ водъ не взываетъ болѣе ни единъ смертный. О Семира! наступающая минута будетъ для насъ последняя; такъ, вся надежда жизни нашей исчезла; любовь льстила услаждать дни наши неисчетными утѣхами, прешло сіе упованіе: мы умираемъ! смерть возвышается и волны обтекаютъ уже дрожащія колѣна наши! но да не погибнемъ отчаянни, яко беззаконники! мы умираемъ! и, о дражай-

дражайшая! что есть и самая преисполненная утѣхами должайшая жизнь? висящая на горѣ капля росы; солнце не взойдетъ еще, она уже падетъ въ море. Ободри духъ свой; за предѣломъ жизни сея царствуетъ блаженство и вѣчность. Умирающіе да не вострепещемъ, обойми меня, и да постигнетъ насъ тако жребій нашъ. Скоро, о Семира! скоро души наши оставятъ опустошенный долъ сей, и преисполненныя чувствомъ неизреченнаго блаженства воспарятъ на высоту. О боже! толико смѣло уповаетъ душа моя? такъ, Семира! простремъ руки наши къ богу: како достоитъ смертному испытывать пути его? вселивый въ насъ духъ жизни посылаетъ смерть праведнику и беззаконнику. Благо тому, кто шествовалъ путемъ добродѣтели! Не жизни молимъ у тебя, безначальный! пріими ея отъ насъ въ руцѣ твои, судъ твой праведенъ; но да утверди насъ во упованіи неизреченнаго блаженства, его же не похищаетъ десница смерти. Тогда гремите громы! свирѣпствуй смерть! неситесь на насъ волны! хвала правосудному богу, хвала ему: сія да будетъ послѣдняя мысль выходящихъ изъ бреннаго тѣла душъ нашихъ!

Надежда

Надежда и радость явились на просіявшемъ отрадою лицѣ Семириномъ; она вознесла руки свои въ ревущій вѣтръ и вѣщала: такъ, я сіе чувствую, душа моя наполнена сладчайшаго упованія: восхвалите уста мои Господа, пролейте очи мои потоки радостныхъ слезъ, доколѣ не сомкнула еще васъ приближающаяся смерть. Блаженство небесное намъ уготовано. Вы предшествовали намъ, вы, всѣ наши возлюбленные; мы къ вамъ грядемъ, и скоро, скоро паки васъ обрящемъ! они праведники стоятъ тамо предъ его престоломъ; онъ отъ суда своего собралъ ихъ предъ свое лице. Гремите громы! возстени пустыня! вы суть славящіе правосудіе его пѣснопѣвцы! Идите на насъ, волны!...... се! возлюбленный! обойми меня! се идетъ къ намъ смерть! по верьхъ сея черныя волны сѣдитъ она! обойми меня, Семинъ! держи въ объятіяхъ крѣпко! уже волны меня подъемлютъ!

Пребуди въ объятіяхъ моихъ, Семира! вѣщалъ юноша, пребуди! о смерть, гряди! се мы! хвала правосудному во вѣки!

Тако рекли они, и волны объемлющихся поглощаютъ.

ЕВАНДРЪ и АЛЦИМНА

ПАСТУШЬЯ КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

сочиненія Г. Геснера.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Представляется уединенная страна съ кустами и деревьями.

ЛАМОНЪ и ХЛОЯ.

ХЛ. Куда такъ не веселъ, сосѣдушка? Полно у насъ тому всегда не безъ заботы, кто смотритъ прилѣжно за своимъ стадомъ и маленькой домишко свой бережетъ какъ должно.

ЛАМ. Правда твоя, голубушка! дни въ работѣ не увидишъ какъ настаютъ и проходятъ. Я теперь отправлялъ священное дѣло, котораго я никогда не упускаю:

въ

въ рощѣ приносилъ Пану въ жертву первые плоды отъ пяти молодыхъ деревъ, которые посадилъ я въ память того дня, когда прїемышъ мой Евандръ былъ мнѣ отданъ на руки. Теперь уже осмнадцать лѣтъ, какъ они стоятъ на корню, и такъ хорошо растутъ, что кажется боги хотятъ симъ предзнаменовать нѣчто доброе.

ХЛ. Ты благочестивой мужъ, за то жители небесные тебя любятъ: тотъ имъ всегда прїятенъ, кто честенъ и почитаетъ боговъ. Особливо тѣ люди должны быть кротки, которые въ жизни ожидаютъ съ собою великихъ приключенїй. Что напослѣдокъ изъ того будетъ? Мы теперь можемъ свободно разговаривать здѣсь о таинствѣ нашемъ. (*озирается кругомъ*) Кабы мнѣ дожить до того времени, чтобъ увидѣть, что съ прїемышемъ моимъ Алцимною сдѣлается. Вотъ уже шеснадцать лѣтъ какъ она мнѣ отдана: береги ее и храни крѣпко сїю тайну, ты нѣкогда чрезъ то будешъ щастлива: сказалъ тотъ человѣкъ, которой мнѣ ее отдалъ.

ЛАМ. Боги хотятъ показать съ ними нѣчто великое. Евандра во всемъ здѣшнемъ округѣ нѣтъ лучше; онъ такъ хорошъ, какъ Делфискаго храма идолъ; такъ разуменъ,

зуменъ, какъ бываютъ искусившiеся люди въ зрѣлыхъ лѣтахъ; смѣлъ какъ Геркулесъ, пойдетъ на льва; и кто въ бѣганiи, въ борбѣ, во всякомъ дѣлѣ, гдѣ потребны сила и проворство, могъ съ нимъ сравниться? Пѣсни его лучшiя, словно какъ бы самъ Аполлонъ внушалъ ему ихъ во сновидѣнiи.

ХЛ. Такъ точно и Алцимна превосходитъ всѣхъ своихъ подругъ; она прекрасна какъ Грацiя; всякая прiятность, украшающая дѣвицу, въ ней особливо видна: она передъ своими подругами, какъ роза передъ простыми цвѣтками.

ЛАМ. Смотря на любовь ихъ я радуюсь и боюсь; можетъ быть боги опредѣлили имъ любить другъ друга; однако.... намъ етова знать нельзя. Я всегда надѣюсь, что судьба не разлучитъ ихъ; однако..... мы не можемъ располагать ихъ жребiемъ, такъ какъ бы они были наши дѣти: ихъ отъ насъ возьмутъ; можетъ быть ето скоро случится. Когда нельзя намъ согласиться, чтобъ богъ брака соединилъ ихъ, такъ должно удалять отъ нихъ надежду.

ХЛ. Конечно! твоя правда, Ламонъ! я думаю таинство наше скоро откроется;

я желаю сего съ большею нетерпѣливостїю, чемъ ты, потому что я женщина.

ЛАМ. Боги примутъ на себя попеченїе о семъ дѣлѣ. Какъ я тужить стану, естьли того не сбудется! какъ оба они достойны щастїя! Жаль мнѣ, что горячаго въ любви желанїя ихъ не могу удовольствовать. Я не люблю лгать, но какую скажу ему отговорку? Ложъ имѣлъ я всегда въ ненависти; боги въ семъ случаѣ простятъ намъ: скажемъ, что мы съ тобою въ ету ночъ видѣли одинакой сонъ, которой препятствуетъ ихъ соединенїю.

ХЛ. Хорошо ты вздумалъ! въ доброй часъ молвить; коли необходимо надобно ихъ обмануть ложью, такъ пусть по твоему будетъ: инымъ образомъ нельзя намъ отъ сильной прозьбы ихъ отвязаться. Однако прощай! пора мнѣ въ огородъ; вонъ и сынъ твой идетъ; я здѣсь сквозь кусты проберусь.

ЛАМ. И я также поспѣшу уйти отъ его докуки.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ЕВАНДРЪ, а потомъ АЛЦИМНА.

ЕВ. Ищу, ищу а все по напрасну! здѣсь

здѣсь ее нѣтъ, у колодезя нѣтъ, въ кустахъ не видалъ. Подожду на етомъ мѣстѣ, авось придетъ. Развѣ мать дала ей работу? (*осматривается кругомъ*) Вотъ такъ то! онъ отъ меня бѣжитъ! отецъ мой когда думаетъ, что я стану ему говорить объ Алцимнѣ, то отъ меня и уйдетъ. Боги! я не знаю, что объ етомъ думать. Для чего противно ему, что я люблю такую хорошую дѣвицу? Каждой, и онъ самъ хвалитъ ее и говоритъ, что она здѣсь всѣхъ лучше. Опасаюсь я етова, очень опасаюсь. Да гдѣ она? нейдетъ еще. Дай на гладкой корѣ етова дерева вырѣжу покамѣстъ ея имя. (*вынимаетъ ножикъ*) Будь съ именемъ ея и моимъ, расти высоко, да не будешъ ты никогда срублено сѣкирою: сïе дерево посвящено любви, скажетъ всякъ, кто пойдетъ мимо. (*начинаетъ вырѣзывать, между тѣмъ Алцимна подходитъ тихонько съ зади и закрываетъ ему руками глаза*).

АЛЦ. Угадай кто?

ЕВ. Алцимна! любезная!

АЛЦ. Не правда.

ЕВ. Правда. Гдѣ ты такъ долго была?

АЛЦ. Поцалуй меня, коли правда. (*упускаетъ его изъ рукъ и цалуетъ*) При-

вязался

вязался ко мнѣ Милонъ, пастухъ. Какъ онъ мнѣ своей любовью досаждаетъ.

ЕВ. Ахъ! да вотъ онъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

МИЛОНЪ и прежніе.

МИЛ. Такъ! я ето и думалъ, что найду тебя съ Евандромъ. Евандръ во всемъ беретъ надо мною верьхъ, въ бѣганьи, въ борьбѣ, въ пѣсняхъ и въ дѣвкахъ. Евандръ! ты ужъ не одну козу выбилъ объ закладъ.

АЛЦ. Мы и безъ тебя ето знаемъ.

МИЛ. Я всегда смѣюсь простаку Меналку, какъ онъ съ тобою, тамъ подъ старымъ дубомъ.....

АЛЦ. Мы ужъ давно етому смѣялись. Да..... за чемъ ты сюда пришолъ?

МИЛ. Будь же ко мнѣ поласковѣе! взгляни на меня хоть одинъ разъ умильно!

АЛЦ. (*смотритъ на него съ насмѣшкою*) Ну, доволенъ ли? поди.....

МИЛ. Ты надо мною все шутишъ. Пожалуйста будь до меня хотя немножко подобряе! я тебѣ спою пѣсню, которую я севодня.....

АЛЦ. А естьли я слушать не хочу?

МИЛ.

МИЛ. ТакЪ я все таки спою.

АЛЦ. А я зажму себѣ уши.

МИЛ. КакЪ ты хочешЪ, ЕвандрЪ! а на свирѣли тебѣ противЪ меня не сЪиграшь. Я сЪ собою принесЪ одну, вотЪ она; я вчера ее сдѣлалЪ, куда хороша! я ужЪ на ней двѣ козы выбилЪ обЪ закладЪ, и гораздо лучше тебя сЪиграю; послушай....

ЕВ. Вѣрю, покудова не слышу.

МИЛ. О! я ударюсь обЪ закладЪ о лучшей козѣ.

АЛЦ. А я все свое стадо хочу прозакладывать, естьли ты не самой несносной человѣкЪ изо всево нашева округа! долго ли тебѣ болтать? ты какЪ терновой сукЪ, за всякова цѣпляешся, кто мимо тебя идетЪ.

МИЛ. Я вижу вамЪ на единѣ быть хочется.

ЕВ. Долго ты угадывалЪ.

МИЛ. ИнЪ я пойду. (*уходитЪ и поворачается назадЪ*) Чуть было не забылЪ вамЪ расказать самова главнова: вчера, какЪ солнце вЪ море опускалось, пошелЪ я на берегЪ и.....

АЛЦ Еще не конецЪ?

МИЛ. Я лишЪ начинаю, а ты ужЪ конца хочешЪ. Ну, какЪ я пришелЪ на

берегъ, тамъ увидѣлъ я Асфаліона, рыбака; онъ вытаскивалъ неводъ изъ воды, и сказывалъ, что онъ передъ солнечнымъ восхожденіемъ видѣлъ далеко въ море пять большихъ кораблей, и думаетъ, что они пристанутъ къ нашему берегу, естьли только.....

АЛЦ. Да..... пускай ихъ пристанутъ къ нашему берегу, лишъ ты не забудь отселѣ уйти.

МИЛ. Оставайтесь же одни. (*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЕВАНДРЪ, АЛЦИМНА.

АЛЦ. Ушолъ ли онъ, етотъ болтунъ? (*осматриваетъ кругомъ*) кажется ушолъ. Полно не спрятался ли онъ за кустами, чтобъ насъ подслушивать? но можетъ ли ето помѣшать мнѣ сказать тебѣ, мой любезной, что я быть съ тобою вмѣстѣ желала больше, нежели къ малымъ птенцамъ своимъ желаетъ возвратиться чижичекъ, котораго не жалостливой робенокъ въ полѣ поймавъ держитъ, и какъ его ни ласкаетъ, однакожъ онъ сидитъ печально и помышляетъ только о своей свободѣ. Не съ такою поспѣшностію летитъ онъ

онъ потомъ ко своимъ птенцамъ, съ какою летѣла я къ тебѣ, когда Милонъ меня поймалъ и я отъ него вырвалась.

ЕВ. О моя дражайшая! коль я щастливъ, что ты меня такъ любишъ! Когда я сюда шелъ мимо розовыхъ кустовъ, тамъ увидѣлъ я сїи двѣ розы; сжавшись одна съ другою вмѣстѣ онѣ выросли, вмѣстѣ сладкое благоуханїе испускали, вмѣстѣ увянутъ. Возми, любезная, возми сїе подобїе любви нашей и приколи ихъ къ своей груди.

АЛЦ. Пусть онѣ будутъ на груди моей. Смотри, какъ онѣ хорошо сидятъ! такъ-то мы съ тобою выросли вмѣстѣ.

ЕВ. И такъ соединенно станемъ провождать дни наши; они прїятны будутъ, какъ розовый запахъ.

АЛЦ. Такъ и мы одинъ подлѣ другаго цвѣсти будемъ. Но скажи, долго ли ты меня ждалъ?

ЕВ. Нѣтъ; но мнѣ, когда я тебя не вижу, каждая минута долга кажется.

АЛЦ. Я очень испугалась, какъ идучи сквозь буковыя кусты нашла Милона; и такъ ему обрадовалась, какъ пчела шершню. Онъ стоялъ тамъ посереди дороги: каждая дѣвка, говорилъ онъ, которая пойдетъ

детъ по сной дорогѣ, должна меня поцѣловать. Пусти меня, говорила я съ досадою, однако онъ не пускалъ. Посмотри, сказала я напослѣдокъ, чья ета бѣлая корова въ болотѣ есть праву? знать она заблудилась. Онъ оглянулся, а я и проскочила мимо ево, и была уже далеко, прежде нежели онъ примѣтилъ, что ето былъ обманъ. И тутъ етотъ докучливой человѣкъ погнался было за мною. Но что ты такъ задумался?

ЕВ. Я?

АЛЦ. Да, ты; ты мнѣ кажешся въ размышленїи, какъ будто у тебя есть что то на серцѣ, чево ты мнѣ сказать не хочешъ; не печаль меня.

ЕВ. Я.... я не знаю, сказать ли мнѣ тебѣ, или нѣтъ.

АЛЦ. Я буду скучать, коли ты мнѣ не скажешь.

ЕВ. Отецъ мой не знаю для чего медлитъ и не исполняетъ нашего съ тобою желанїя; ето меня въ безпокойство приводитъ; кажется онъ убѣгаетъ, чтобъ со мною не встрѣтиться; а когда сїе нечаянно случится, и я начну ему говорить о нашей любви, такъ онъ приходитъ въ смущенїе и стараеться перервать о томъ рѣчь.

АЛЦ.

АЛЦ. Я сама боюсь: матушка моя точно тоже дѣлаетъ.

ЕВ. Севодня приносилъ онъ въ жертву богамъ перьвые плоды отъ пяти молодыхъ деревъ, которые посадилъ онъ въ то время, какъ мнѣ исполнился перьвый годъ отъ моего рожденія. Я нечаянно пришелъ туда, гдѣ онъ жертвовалъ, и чтобъ не помѣшать его благоговѣнію, остановился я за кустами и услышалъ, что онъ такъ молится: благотворители боги! внемлите молитву мою и пріимите милосердно сію жертву. Явите благодать свою надъ моимъ сыномъ, да сбудутся съ нимъ чудныя судьбы ваши къ его щастію! онъ еще больше говорилъ что-то, но вѣтеръ поднявшись зашевелилъ листками, и тогда я не могъ уже его разумѣть.

АЛЦ. Удивительно, какъ я желаю, чтобъ боги исполнили его молитву!

ЕВ. Чтобъ такое со мною ни было, да устроютъ сіе боги къ моему щастію! но я одною твоею любовію могу быть благополученъ.

АЛЦ. О мой дражайшій! удалимъ отъ себя печальныя мысли; перестанемъ думать о нещастіи, котораго можетъ быть никогда съ нами не случится. Ободрись,

взгляни на меня съ веселїемъ. Послушай! споемъ ту пѣсню, которую мы всегда вмѣстѣ пѣвали.

ЕВ. Съ тобою забываю я свою печаль. Запой ты; ты всегда перьвая начинала.

АЛЦ. Изволь я начну:
Ахъ! что я, мой любезной,
что безъ тебя?
какъ безъ росы и солнца
въ лугахъ цвѣты.
они стоятъ и сохнутъ,
мрачна вѣсна,
веселїе и радость
бѣгутъ съ полей.

*
* *

ЕВ. Твоею я любовью
живу, мой свѣтъ,
какъ солнцемъ и росою
живутъ цвѣты.
луга покрыты ими,
цвѣтетъ вѣсна,
веселїе и радость
вездѣ въ поляхъ.

оба

Тебя любить я буду вѣчно,
клянусь полями сими,
клянусь священной рощей!

внемли-

внемлите клятву вы, о Нимфы!
клянусь полями сими,
клянусь священной рощей!

*
* *

АЛЦ. Когда съ полей зеленыхъ
морозъ и снѣгъ
печальну пчелку гонитъ
въ улью сидѣть,
о какъ она скучаетъ
всю зиму тамъ!
такъ я съ тобой въ разлукѣ
скучна сижу.

*
* *

ЕВ. Когда согрѣетъ солнце
лучемъ поля,
и пчелка вылетаетъ
изъ улья вонъ,
съ какимъ она весельемъ
узритъ вѣсну!
и я такъ веселюся
тебя узрѣвъ.

оба

Тебя любить я буду вѣчно,
клянусь полями сими,
клянусь священной рощей!
внемлите клятву вы, о Нимфы!
клянусь полями сими,
клянусь священной рощей!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

МИЛОНЪ и прежніе.

МИЛ. Вы очень хорошо пѣли.

АЛЦ. Какъ! ты ужъ опять здѣсь? или ты совсемъ не уходилъ? куда хорошо!

МИЛ. Уходить то я уходилъ, да слышалъ послѣднія слова вашей пѣсни.

АЛЦ. Да чего тебѣ хочется, не отвязной?

МИЛ. Я любя васъ воротился: вы разпѣваете да милуетесь, а тово не примѣчаете, что здѣсь дѣлается. Слышители вы етотъ шумъ?

ЕВ. Что такое?

МИЛ. Корабли, о которыхъ сказывалъ Асфаліонъ, вѣдь подлинно пристали къ берегу.

АЛЦ. Ну такъ чтожъ? намъ какое до етова дѣло?

МИЛ. Ни какова, коли вы надо мною смѣетесь.

ЕВ. Скажи пожалуйста.

МИЛ. Нечего мнѣ сказать.

АЛЦ. Скажи, не сердись.

МИЛ. Они пристали къ берегу и подлѣ етова кустарника, тамъ вонъ подъ липовыми деревьями, разбиваютъ шатры.

Я

Я хотѣлъ вамъ объ етомъ сказать, чтобъ съ вами чего не сдѣлалось; вѣдь по чему знать, зачемъ они сюда пріѣхали. Не лучшели вамъ отселѣ убраться.

АЛЦ. Спасибо тебѣ, Милонъ, за твою осторожность. Подлинно я очень боюсь; уйдемъ отсюда.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПИРРЪ и АРАТЪ.

ПИР. Какъ нетерпѣливо хочется мнѣ увидѣть моего сына! время опасности прошло. Осмнадцать лѣтъ велѣлъ мнѣ Оракулъ скрывать его между пастухами, а теперь уже осмнадцатая вѣсна, какъ я его отъ себя услалъ. Прекрасное было дитя! такимъ изображаютъ намъ любовнаго божка. Я уповаю найти въ немъ сына, которой впечатленія чести и добродѣтели сохранилъ въ себѣ невредимы.

АР. Я самъ съ нетерпѣливостію желаю увидѣть нашего князя. Какъ мы щастливы, естьли оба найдемъ дѣтей своихъ въ желаемомъ состояніи! тебѣ извѣстно, что по внушенію нѣкоего сновидѣнія отослалъ я дочь свою въ сію страну. Предъ

отправленіемъ нашимъ сюда приносилъ я домашнимъ богамъ моимъ жертву, они даровали мнѣ второе лице: сіе предвѣщаетъ дому моему великую радость.

ПИР. Да устроятъ боги все къ нашему щастію! Можетъ быть не охотно оставитъ онъ сіи прохладныя тѣни, сію простую и спокойную жизнь. Смотря на пріятности сея страны, душа моя наполняется къ нимъ любовію, кажется она чувствуетъ, что жизнь провождаемая въ простотѣ прекрасныя природы есть самая лучшая и приличнѣйшая нашему существу; она чувствуетъ здѣсь то, что ощущаетъ человѣкъ, когда послѣ многотруднаго и далекаго странствованія увидитъ онъ поля своего отечества.

АР. Правду сказать, родъ жизни нашей такъ далеко отходитъ отъ первоначалной простоты, и такъ много воспріялъ въ себя страннаго, что не можетъ онъ не показаться чуднымъ тому, кто вступитъ въ него съ серцемъ привыкшимъ отъ юности своей къ благородной простотѣ.

ПИР. Уже цѣлой часъ, какъ я его ожидаю. Вонъ нѣкто пригожей юноша идетъ сквозь кусты; онъ такъ прекрасенъ, что раждаетъ во мнѣ желаніе найти въ немъ моего сына. Онъ прямо къ намъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ЕВАНДРЪ и прежніе.

ЕВ. Здравствуйте, господа!

ПИР. Здравствуй, пастушокъ! любопытство ведетъ тебя къ намъ или дѣло?

ЕВ. Не безъ тово; намъ всегда въ диковинку видѣть людей изъ города. Но скажите мнѣ, господа, вчера присталъ къ нашему берегу Циртской Князь, вы не съ нимъ ли пріѣхали?

АР. Съ нимъ.

ПИР. Конечно хочется тебѣ оставить худое свое житье и уѣхать съ нами въ городъ?

ЕВ. Въ городъ? ха, ха, ха! дѣло и безъ тово обойдется. Я былъ въ городѣ еще робенкомъ, въ Делфахъ; все мнѣ казалось чудно, что я тамъ ни видѣлъ; однакожъ я прекрасной здѣшней стороны не промѣняю на городъ, гдѣ надобно столько улицъ пробѣжать, чтобъ вытти въ чистое поле.

ПИР. Простячокъ! да ты къ етому легко привыкнуть можешъ.

ЕВ. Трудно было бы мнѣ привыкнуть жить съ людьми, которыхъ нравы совсемъ несходны съ нашими. Они смѣют-

ся надъ нами, простосердечными, однакожъ мы не меньше ихъ благополучны; они столько заботятся, чтобъ быть щастливыми, а мы нѣтъ; мы довольны тѣмъ, что имѣемъ; мы воздѣлываемъ свои поля, и стережемъ наши стада, которые награждаютъ насъ за то съ избыткомъ; они правда избытокъ нашъ называютъ бѣдностїю, но они чудные люди. Нѣтъ, въ городъ я опять не хочу итти. Какъ я тамъ былъ, стоялъ я тамъ и зевалъ на большїе домы, которые такъ велики какъ горы, а горожане всѣ почти мельче насъ; тогда шли мимо меня люди и всѣ надо мною смѣялись, и еще пуще смѣяться стали, какъ я у нихъ то о томъ то о другомъ сталъ распрашивать. Ты молодой пастухъ! молвилъ одинъ изъ нихъ, умѣешъ ли ты пѣть? Умѣю, сказалъ я, и запѣлъ любимую мою пѣсню, такъ чтобъ далеко было слышно; тогда сбѣжались они со всѣхъ сторонъ и хохотали надо мною, а я пою не худо, всѣ пастухи ето говорятъ. Также и дѣвки тамошнїя не привѣтливы; когда я имъ съ ласкою кланялся, такъ онѣ, какъ будто и не въ примѣту имъ, проходили мимо меня, словно какъ мимо камня, которой лежитъ на дорогѣ.

рогѣ; а онѣ гораздо сухощавѣе и хуже нашихъ дѣвокъ.

ПИР. Естьлибъ ты меня такъ любилъ, какъ я тебя, ты бы съ нами поѣхалъ.

ЕВ. Я тебя лишъ увидѣлъ, то и полюбилъ; но неужто мнѣ отца своего, котораго я также люблю, оставить одново, и уѣхать съ тобою въ городъ? отецъ мой съ младенчества моего имѣлъ обо мнѣ неусыпное попеченіе, такъ не должно ли мнѣ въ благодарность за то пещись о немъ при его старости? Останьтесь съ нами, господа, мы вамъ дадимъ лучшее изъ того, что намъ приносятъ дерева наши и стада. Но я съ вами заболтался, а вы не скажете мнѣ, гдѣ сыскать Князя.

ПИР. Но скажи, какое тебѣ до него дѣло?

ЕВ. Отецъ мой послалъ меня къ нему съ овощами; я сорвалъ ихъ съ тѣхъ деревъ, которыя посадилъ онъ осмнадцать лѣтъ тому назадъ, въ ту самую весну, говоритъ онъ, когда мнѣ было отъ роду одинъ годъ. Они зрѣлы и сладки какъ медъ. Гдѣ я ево найду?

ПИР. Боги! въ такомъ возрастѣ сынъ мой! Воспитавшій его въ тужъ самую весну

ну насаждалъ древа, когда отдано было ему дитя. Аратъ! о естьли бы ето онъ самой былъ предъ нами!

АР. Подозрѣнія твои вѣроятны: какой бы другой пастухъ послалъ къ тебѣ овощи?

ЕВ. Скажите мнѣ пожалуйста, гдѣ найти Князя. Мнѣ надобно торопиться; у меня много дѣла, сходить къ стаду, въ огородъ, да и пастушка моя дожидается меня у рѣчки.

ПИР. Знай же, юноша! что я тотъ, ково ты ищешъ.

ЕВ. Ты Князь изъ Криса?

ПИР. Да, я тотъ самой. Но скажи мнѣ, гдѣ твой отецъ, и какъ ево зовутъ?

ЕВ. Отецъ мой живетъ тамъ вонъ, позади етой рощи, а зовутъ ево Ламономъ.

ПИР. (*къ Арату*) о другъ мой! едва могу я воздержаться отъ заключенія его въ мои обьятія. И воспитавшій его такъ точно называется.

АР. Я самъ почти несомнѣваюсь больше.

ЕВ. А! да вотъ и отецъ мой.

Явленіе

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ЛАМОНЪ, СЛУЖИТЕЛЬ ПИРРОВЪ, и прежніе.

СЛУЖ. (*къ Пирру*) Государь! вотъ человѣкъ, которому за осмнадцать лѣтъ предъ симъ порученъ былъ твой сынъ.

ПИР. Такъ ето ты, мой другъ! которому осмнадцать лѣтъ тому назадъ отдано было на руки дитя?

ЛАМ. Такъ, государь мой! я; и вотъ ето тотъ самой юноша, которой принесъ къ вамъ овощи. Они съ тѣхъ деревъ, которыя посадилъ я въ ту вѣсну, когда принесли его ко мнѣ еще младенцемъ; вотъ и запечатанная грамота, которую мнѣ вмѣстѣ съ нимъ отдали.

ЕВ. Боги! что я слышу?

ПИР. Ето несомнительная правда, обойми меня, ты мой сынъ! обойми твоего щастливаго отца. (*обнимаются*)

ЕВ. Боги да сохраняютъ тебя, мой родитель!

ПИР. Такъ, я твой отецъ! по повелѣнію боговъ еще младенцемъ отторгъ я тебя отъ объятій своихъ, и мужу сему поручилъ твою младость.

ЕВ. (*къ Ламону*) А ты ужъ не отецъ мой!

мой! однако я стану всегда называть тебя моимъ отцомъ, тебя, которой меня любилъ съ такою горячностїю.

ПИР. Благодарю васъ, боги, за толикое милосердїе! вы сохранили сына моего, вы паки мнѣ его возвращаете! А ты, мой другъ! чемъ могу я воздать за неусыпное твое попеченїе?

ЛАМ. Хвала богамъ, приведшимъ сїе къ толь щастливому окончанїю; я за свое попеченїе получу награду, когда онъ меня любить станетъ и будетъ щастливъ. А впрочемъ что бы ты ни давалъ, мнѣ ничего ненадобно.

ПИР. Благополучные люди, коль мало вы желаете! Но, Арапъ! я не хочу долго наслаждаться радостїю, не принеся благодаренїя богамъ; поспѣшимъ прїуготовить имъ жертвоприношенїе. Ты мой сынъ останься здѣсь; я скоро къ тебѣ возвращусь. Нетерпѣливые сопутники мои придутъ между тѣмъ увидѣть обрѣтеннаго ихъ Князя.

ЯВЛЕНЇЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЕВАНДРЪ, МОЛОДОЙ ГОСПОДЧИКЪ.

ЕВ. Боги! ето чудно; я не знаю, во снѣ ли мнѣ видится или на яву; я въ

великомъ

великомъ смущенiи. Всево бы лучше пошелъ я къ Алцимнѣ, и сказалъ ей, что со мною приключилось. А! да вотъ нѣкто идетъ. Кто бы ето такой былъ, которой идучи ко мнѣ такъ припрыгиваетъ?

МОЛ. ГОС. Позволь, мой Князь! съ горячайшимъ усердiемъ изъявить тебѣ мою радость.

ЕВ. Что тебя такъ обрадовало, другъ мой?

МОЛ. ГОС. Что наконецъ строгая воля Оракулова исполнилась, и ты освобожденъ сталъ изъ низкаго, презрительнаго и скучнаго рода жизни, въ которомъ жестокимъ опредѣленiемъ судьбы потерялъ ты свою молодость.

ЕВ. Благодарю боговъ, что такъ они повелѣли. Никогда не забуду я веселыхъ лѣтъ моей юности; сихъ прiятныхъ упражненiй! сихъ непорочныхъ утѣхъ!

МОЛ. ГОС. Непорочныхъ утѣхъ! ха, ха, ха! о Князь! ты еще не знаешъ, что такое утѣхи; придика въ нашъ просвѣщенный свѣтъ, тамъ ты ихъ найдешъ. О! я бы не сталъ благодарить боговъ, естьлибъ они меня заслали къ пастухамъ.

ЕВ. Такъ жизнь въ сихъ прiятныхъ странахъ весьма для тебя противна?

Мол.

МОЛ. ГОС. Развѣ бы жить здѣсь съ отборнымъ обществомъ, и то по нуждѣ!

ЕВ. Прекрасныя перемѣны природы не производятъ въ тебѣ ни какой радости?

МОЛ. ГОС. Онѣ могутъ быть хороши, естьли лучше ихъ не знаешъ.

ЕВ. Когда утренняя заря освѣтитъ прекрасную страну, и каждая птичка, каждая травка ощутитъ новую силу жизни, тогда не почувствуешъ ты удовольствія?

МОЛ. ГОС. О утренняя заря! я ее отъ роду не видывалъ.

ЕВ. Ни одинъ пастухъ не позавидуетъ тебѣ въ твоемъ удовольствіи.

МОЛ. ГОС. *Етому я повѣрю*, они не созданы для нѣжныхъ удовольствій.

ЕВ. Но скажи мнѣ еще, кто ты таковъ?

МОЛ. ГОС. Я придворной молодой человѣкъ.

ЕВ. А что за тобою дѣла?

МОЛ. ГОС. (*въ сторону*) Я чаю право онъ думаетъ, что мы за сохой ходимъ! (*къ Епандру*) Что за мною дѣла? Великолѣпно одѣваться, ѣздить на пиры, плясать, вымышлять новыя увеселенія, непрестанно посѣщать красавицъ.....

ЕВ. А больше ни чево?

Мол.

МОЛ. ГОС Больше ничево! Да чтожъ мнѣ больше дѣлать?

ЕВ. Здѣсь мы, простые люди, называемъ дѣломъ то, чемъ мы самимъ себѣ или другимъ пользу приносимъ: и такія дѣла подаютъ намъ удовольствіе и радость; мы больше любимъ трудолюбивую пчелу, нежели бабочку, какъ бы она ни была нарядна и пригожа.

МОЛ. ГОС. (*въ сторону*) Боги! какъ подло разсуждаетъ нашъ Князь! какъ онъ стадомъ своимъ пахнетъ! (*къ Евандру*) людямъ низкаго состоянія трудами надлежитъ изнурять свои силы, а мы знатные господа должны наслаждаться жизнію. Непрестанныя перемѣны не даютъ намъ и подумать о чемъ нибудь трудномъ. Пускай другіе во всенародныхъ играхъ члены свои ломаютъ, и въ ристаніяхъ жизнь свою ввѣряютъ необузданному коню, люди моего состоянія больше берегутъ свое тѣло. Мы имѣемъ преимущество жизнь свою вести въ пріятной праздности. Мы летаемъ изъ радости въ радость, и отъ одной пригожей дѣвушки къ другой. Всѣ наши красавицы были уже въ моихъ сѣтяхъ, и ни одной изъ нихъ я не былъ вѣренъ.

ЕВ. По етому или онѣ всѣ дурны,

или ты не чувствителенъ, какъ дерево зимою.

МОЛ. ГОС. Совсемъ напротивъ; онѣ прекрасны какъ Граціи, а я къ прелестямъ ихъ больше чувствителенъ, нежелибъ могъ къ одной изъ нихъ прилѣпиться. Вѣрность въ нашемъ просвѣщенномъ свѣтѣ смѣшная вещь; всегда объ одной дѣвкѣ вздыхать. ..... ха, ха, ха! нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ я одинъ разъ влюбленъ, однако нынѣ ету смѣшную страсть умѣю побѣждать. Правду сказать и дѣвка хороша была какъ Венера. Юпитеромъ божусь, что я ее цѣлой годъ любилъ, ха, ха, ха!

ЕВ. О простой человѣкъ! ты хвалишся умѣньемъ, лучшее щастіе, какое даровали намъ боги, изгонять изъ своего серца, и отнимать у себя несравненныя ни съ чемъ утѣхи! тебя легко увѣрить можно, что сладкая груша горька, и что роза даетъ отъ себя противной запахъ.

МОЛ. ГОС. ты скоро, мой Князь, самъ найдешъ смѣшнымъ чудной образъ мыслей твоихъ, которой получилъ ты отъ низкаго воспитанія.

ЕВ. Боги меня отъ сего да сохранятъ! прежде яблыня сдѣлается не полезнымъ терновникомъ.

Мол.

МОЛ. ГОС. Мнѣ пора итти, Князь! позволь тебѣ откланяться.

ЕВ. Поди себѣ пожалуй; рѣчи твои мнѣ не нравятся.

МОЛ. ГОС. (*отходя*) О боги! какъ онъ смѣшонъ! какъ простъ! Жаль, что отлучаютъ ево отъ стада.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ЕВАНДРЪ и ОФИЦЕРЪ отъ тѣлохранителей Княжескихъ.

ЕВ. Ушолъ ли етотъ смѣшной человѣкъ? *Спросить было у етова*, которой такъ вооруженъ ко мнѣ идетъ, кто онъ таковъ. Кто ты таковъ, мой другъ, въ такомъ страшномъ уборѣ? что за копье держишъ ты въ рукахъ, и что ето у тебя на боку привѣшено?

ОФ. Мой мечъ, Князь!

ЕВ. Да на что ты страшныя ети снаряды таскаешъ съ собою въ радостное время? Я бы смѣялся надъ тѣмъ изъ нашихъ, которой бы во время спокойной зимы таскалъ съ собою всѣ снаряды, надобныя лѣтомъ для воздѣлыванія полей и огородовъ.

ОФ. Я начальствую надъ тѣлохранителями Князя, отца твоего.

ЕВ. По етому васъ много и всѣ съ такими орудїями?

ОФ. Да, много, и всѣ съ такими орудїями. Ха, ха, ха!..... извини, мнѣ смѣшно.

ЕВ. Видно вы живете въ весьма опасномъ мѣстѣ.

ОФ. Почему, государь?

ЕВ. Потому, что вы всегда остерегаетесь. Знать у васъ много волковъ и другихъ хищныхъ звѣрей; намъ здѣсь нѣтъ нужды въ такой осторожности, у насъ рѣдко случается, чтобъ они забѣжали когда въ стадо; *ваша сторона не хороша для стадъ.*

ОФ. У насъ таковыхъ звѣрей только по имени знаютъ.

ЕВ. Такъ по етому вы съ лишкомъ осторожны, что Князя своего безъ нужды охраняете.

ОФ. Да ето не безъ нужды, государь! Владѣтелямъ случалось уже неоднократно лишаться жизни отъ собственныхъ своихъ подданныхъ. Мы должны народъ содержать въ страхѣ, чтобъ онъ не взбунтовалъ противъ своего Государя.

ЕВ. Етотъ народъ долженъ быть весьма злой; я бы не сталъ съ нимъ жить ни

часу.

часу. Вѣдь ето словно какъ бы отца защищать отъ собственныхъ его дѣтей. Или развѣ бываютъ такїе злые Князья, что они народъ свой доводятъ до такова гнѣва?

ОФ. Всеконечно; и что тогда народу дѣлать? Бываютъ такїе Государи, которые, кромѣ воли и страстей своихъ, иныхъ законовъ не знаютъ, и которые съ подданными своими и съ имѣнїемъ ихъ такъ поступаютъ, что доводятъ ихъ до такова бѣшенства и наглости, что они готовы умертвить собственнаго своего государя.

ЕВ. О боги! въ какую землю вы меня ведете! и такъ вы тѣ люди, которые, когда владѣтель золъ, измученной народъ содержите въ страхѣ? Я ужасаюсь! такая гнусность для меня непонятна. Ето словно какъ бы кровожаждущїй волкъ напалъ на стадо, а тутъ бы нашлись такїе люди, которыебъ препятствовали другимъ спасать остатокъ стада. Однако отецъ мой думаю не для того васъ держитъ.

ОФ. Нѣтъ; да мы и не для одново етова полезны. Когда государь захочетъ разпространить свою область, тогда выступаемъ мы на землю нашихъ сосѣдей, и тогда выходитъ противъ насъ равное

или

или еще большее число такихъ же вооруженныхъ людей; мы стоимъ другъ противъ друга стройно, и каждой старается какъ можно больше убивать другихъ; кто въ такомъ случаѣ окажетъ себя храбрѣйшимъ.....

ЕВ. Съ позволенія: кто храбрѣйшіе? ково вы такъ называете?

ОФ. (*въ сторону*) Боги! какъ ето смѣшно, мнѣ надобно говорить съ нимъ какъ съ робенкомъ; онъ даже и того не знаетъ, что такъ славно и велико! (*къ нему*) Кто вящшій сдѣлалъ вредъ непріятелю, кто больше убилъ сопротивниковъ, образъ того, въ знакъ славнаго о немъ напоминовенія, выливаютъ изъ меди, или высѣкаютъ изъ мрамора.

ЕВ. Ето гнусно. О! я не хочу больше знать ни о чемъ; меня ужасъ беретъ! Еще одно: отецъ мой неужъ ли также свирѣпъ?

ОФ. Нѣтъ; онъ миролюбивой государь: служа ему нельзя пріобрѣсти себѣ великой славы.

ЕВ. И ты объ етомъ тужишъ? О боги! слава и честь пріобрѣтается убійствомъ утесненныхъ людей! у насъ бы гнушались такимъ человѣкомъ, которой насильственною рукою захотѣлъ бы себѣ при-

присвоить поле своего сосѣда; а ето еще ничто въ сравненіи съ тѣмъ.

ОФ. Да въ малыхъ вещахъ не такъ ето и водится; такова надлежитъ безъ пощады повѣсить.

ЕВ. О поди отъ меня прочъ! рѣчи твои омерзеніе во мнѣ производятъ! я не хочу больше ни чего спрашивать, не хочу ни кого видѣть. О боги! но вотъ еще кто то приходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ЕВАНДРЪ, ДРУГОЙ ПРИДВОРНОЙ.

ПР. Позволь, милостивой государь, (*бросается предъ нимъ на землю*).

ЕВ. Ето чудной человѣкъ. Развѣ ты уронилъ что нибудь? чево ты тутъ ищешъ?

ПР. Нѣтъ, государь! позволь мнѣ принести тебѣ мою нижайшую покорность и.....

ЕВ. Ето чудно. Такъ точно коверкалась передо мною моя собака, когда бывало долго меня не увидитъ. Но начто ты ето дѣлаешъ?

ПР. Дабы препоручить себя въ твою милость, и сказать тебѣ, что я твой всеподданнѣйшій невольникъ.

ЕВ. Невольникъ? ахъ какъ мнѣ тебя жаль! какимъ образомъ попалъ ты въ ето нещастное состоянїе? я слышалъ, нѣтъ жесточе для человѣка жребїя, какъ быть въ неволѣ.

ПР. Государь! я не изъ тѣхъ бѣдныхъ невольниковъ, которые по нещастїю или по какому нибудь преступленїю лишились вольности; ето мое собственное произволенїе; изъ высокопочитанїя къ тебѣ приношу я свободу свою въ жертву многомилостивой твоей волѣ, и щастливымъ себя почту, естьли только.....

ЕВ. Что я изъ чудныхъ рѣчей твоихъ понимать могу, такъ ето только то, что ты мнѣ кажешся самымъ презрѣннѣйшимъ глупцомъ. Какїе ето люди! въ какомъ я смущенїи! я бы желалъ, чтобъ мнѣ все ето во снѣ видилось! вотъ идетъ человѣкъ почтеннаго виду; о скажи мнѣ, другъ мой, не сновидѣнїе ли я вижу? почтенный мужъ! въ тебѣ уповаю я найти разумнаго человѣка.

ЯВЛЕНIЕ СЕДМОЕ.

ЕВАНДРЪ, УЧОНОЙ.

УЧ. Ты не обманываешся, князь, во мнѣ

мнѣ найдешъ ты ключъ ко всѣмъ наукамъ. Кто воспользуется моими наставленiями, тотъ будетъ ученъ и достопочтенъ паче царя.

ЕВ. Какъ я радъ, что тебя нашелъ. Стало ты знаешъ и ту науку, какъ воздѣлывать поле, и какъ пещись о деревьяхъ?

УЧ. Нѣтъ.

ЕВ. Какъ наилучше ходить за стадами, и какъ лѣчить ихъ болѣзни?

УЧ. И етова нѣтъ.

ЕВ. Такъ ты по етому и цѣлительной силы травъ не знаешь?

УЧ. Нѣтъ.

ЕВ. Можетъ быть музы отмѣнно тебѣ благопрiятствуютъ, и ты умѣешъ искусно слагать пѣсни, которыя увеселяютъ разумъ и серце человѣческое?

УЧ. Какъ! чтобъ я былъ стихотворецъ! етова рода людей ничего нѣтъ смѣшнѣе на свѣтѣ!

ЕВ. Ето чудно! такъ развѣ ты знаешъ въ чемъ состоитъ благо человѣковъ, и отъ чего они могутъ быть щастливы?

УЧ. Я никогда не упражнялся въ бездѣлицахъ.

ЕВ. Да чтожъ ты такое знаешъ, что бы всево етова было лучше?

УЧ. Я исчисляю звѣздное теченїе; я знаю языки, которыми отдаленнѣйшїя царства говорятъ; я вычислилъ сколько песчинокъ ляжетъ на поверхности одной мили; и я предъ недавнымъ временемъ примѣтилъ новое пятно въ лунѣ, котораго самъ Ендемїонъ не зналъ прежде.

ЕВ. О боги! нѣтъ моихъ силъ! уйду скоряе, уйду! мнѣ долго не оправиться отъ моего смущенїя.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ХЛОЯ, АЛЦИМНА, СЛУЖИТЕЛЬ АРАТОВЪ.

АЛ. Посмотри, матушка! вотъ ихъ шатры. Я боюсь къ нимъ итти.

ХЛ. Небось; чево бояться? господа изъ города всегда ласковы къ дѣвицамъ.

АЛ. Тово-то я и опасаюсь.

СЛУ. Подождите здѣсь; я пойду въ палатку моего господина и скажу, что вы пришли. (*уходитъ*)

АЛ. Каковъ-то у меня вѣнокъ? ты не дала мнѣ времени нарвать свѣжихъ цвѣтковъ и посмотреться въ источникѣ.

хорош

хорошо ли онъ надетъ. Господа могутъ подумать, что я.....

ХЛ. О дѣвки! дѣвки! кажется будто вамъ природно желать нравиться всему, что имѣетъ глаза.

АЛ. Да, велика мнѣ нужда! лишъ бы я пастуху своему нравилась. Однако скажи мнѣ.....

ХЛ. Хорошо, душа моя, онъ очень къ тебѣ присталъ.

АЛ. Да зачемъ мы сюда пришли? я бы желала, чтобъ ужъ ето время прошло.

ХЛ. Ты услышишъ здѣсь нѣчто чудное: скоро оставишъ ты и шалашъ мой и здѣшнюю сторону.

АЛ. О боги! нѣтъ, етова я не сдѣлаю. Какъ ты меня пугаешъ!

ХЛ. Ты съ етими господами поѣдешъ въ городъ, душа моя!

АЛ. Етому не бывать. Я уйду, спрячусь отъ етихъ людей въ самыя глухїя мѣста. Пойдемъ, покуда не пришолъ кто, или я одна уйду.

ХЛ. Постой начасъ.

АЛ. Ради самихъ боговъ, пусти меня!

ХЛ. Послушай, что я тебѣ скажу: ты найдешъ здѣсь своего отца.

АЛ. Какъ? найду моего отца!

ХЛ. Да. Я не мать твоя, хотя люблю тебя, какъ истинную мою дочь.

АЛ. И ты такъ немилосерда, что мнѣ ето говоришъ!

ХЛ. Ето сущая правда, душа моя! ты родилась въ городѣ отъ знатныхъ родителей. Нынѣ шестнадцать лѣтъ исполнилось, какъ етотъ самой человѣкъ, которой насъ сюда привелъ, принесъ тебя ко мнѣ, для того-что отцу твоему нѣкое сновидѣніе такъ велѣло; теперь онъ здѣсь и хочетъ тебя взять съ собою.

АЛ. Боги! въ какое удивленіе ты меня приводишъ! въ какомъ я смущеніи! но ето должна быть правда: для чего бы тебѣ такимъ чуднымъ образомъ шутить надо мною? естьли же ето подлинно все такъ, то Евандру надобно ѣхать со мною въ городъ. Вѣдь и ты съ нами поѣдешъ, не такъ ли? А безъ тово я отселѣ не поѣду! право не поѣду! посмотри! вонъ кто то выходитъ изъ шатра, господинъ въ богатомъ платьѣ. Какой у него ласковой видъ! серце во мнѣ бьется. Коли отецъ мой здѣсь между ими, такъ бы я желала, чтобъ ето онъ былъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

АРАТЪ, СЛУЖИТЕЛЬ, ДВѢ СЛУЖАНКИ, прежнія.

АР. (*выходя изъ палатки*) Ты, мой вѣрный другъ! важная твоя услуга не останется безъ награжденія. И такъ это подлинно та женщина, которой поручилъ ты младенца?

СЛУЖИТ. Та самая, государь! я бы узналъ ее въ лицо, хотя бы она не показала мнѣ кольца, которое я тебѣ отдалъ. Да и дочь твоя такъ любезна, что ты съ радостію кровь свою въ ней признаешъ. Вотъ она стоитъ.

АР. (*подходя къ ней*) Буди мною благословенна, о дочь моя! лучшій для меня даръ боговъ! любезная дочь моя! обойми меня!

АЛ. Что ты мой отецъ, это сказываетъ мнѣ радостный восторгъ моего серца.

АР. О какое для меня щастіе! какая радость!

АЛ. О мой родитель!

АР. Благодареніе богамъ, устроившимъ толь благополучный конецъ! а ты, любезная воспитательница! коль благъ успѣхъ твоего попеченія!

ХЛ. Боги благословили мои труды! я тебѣ вручаю дочь любви достойную.

АР. О колико невинность нравовъ и сердецъ прекрасна! добродушная жена! попеченія твои безъ воздаянія не останутся. Еще разъ обойми меня, любезная дочь!

АЛ. Я обнимаю тебя съ радостію, любезный родитель!

АР. Хлоя можетъ теперь итти домой, покуда я опять ее не позову. Я поспѣшаю къ Князю объявить ему радость. А ты, дочь моя, останься между тѣмъ съ сими женщинами, которыхъ я нарочно для твоихъ услугъ взялъ съ собою. Я скоро возвращусь и найду тебя въ моей палаткѣ.

ХЛ. Прости, дорагая моя дочка! я всегда тебя такъ называть стану. Пойду теперь въ свой шалашъ.

АЛ. Прости, матушка! не оставляй меня долго одну; вѣдь ты скоро придешъ назадъ?

ХЛ. Я только исправлю кое что.....

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

АЛЦИМНА, ДВѢ СЛУЖАНКИ.

ПЕРВ. СЛУЖ. Какъ мы щастливы, что насъ избрали тебѣ служить!

ВТОР. СЛУЖ. По истиннѣ щастливы, естьли удостоимся твоей милости.

АЛ. Вы очень доброва серца, дѣвушки, что въ первой разъ меня увидя, такъ ко мнѣ ласковы.

ПЕРВ. СЛУЖ. Ты должна приказывать намъ; родитель твой имѣлъ милость насъ къ тому опредѣлить.

АЛ. Да я сколько ни стану думать, не выдумаю ничего, что бы мнѣ вамъ приказать. Какъ можетъ одна женщина имѣть столько надобностей, чтобъ держать при себѣ двухъ другихъ, за которымибъ только и дѣла было, что исполнять ея приказы? Надобно ей быть очень чудной и безпокойной, или тѣмъ двумъ стоять безъ всякова дѣла и только на нее зѣвать.

ВТОР. СЛУЖ. Знатныя госпожи не занимаются какъ только приличными состоянїю ихъ вещами; прочее все на насъ возлагаютъ. Взоръ твой повелитъ, и мы летимъ; всегда случаются тысячи малостей, которыя ты намъ приказывать можешъ.

АЛ. Етова я не понимаю. Мнѣ смѣшно кажется; ето такъ словно, какъ бы я увидѣла подлѣ себя фїялочку, и мнѣ захотѣлось ее сорвать, но чтобъ ни крошки

не нагибаться, то вмѣсто себя велѣла бы я сдѣлать ето моимъ подругамъ.

ПЕРВ СЛУЖ. Конечно такъ, и хотя бы ета фіялочка подлѣ самыхъ рукъ твоихъ была.

АЛ. О нѣтъ! я не могу быть такъ безстыдна и лѣнива.

ВТОР. СЛУЖ. Позволь себѣ сказать; тебѣ надобно отъ простоты здѣшнихъ нравовъ отставать и привыкать къ придворнымъ нравамъ. Знатныя госпожи должны жить прилично своему состоянію. Отъ сего времени мы всегда при тебѣ будемъ и станемъ тебѣ объ етомъ толковать.

АЛ. Но.... мнѣ кажется простота нравовъ, какую мы здѣсь имѣемъ, гораздо лучше и спокойнѣе, потому что она сама собою въ разумъ приходитъ, и не надобно ей обучаться съ такою трудностію, какъ бы хотѣть птичку выучить пѣть чужія пѣсни Скажите мнѣ еще что нибудь о городскихъ нравахъ; я боюсь, боюсь, что они мнѣ будутъ тягостны.

ВТОР СЛУЖ. Поутру, когда ты проснешся, то есть, какъ наступитъ полдень; знатныя госпожи не должны просыпаться въ одно время съ рабочими людьми....

Ал.

АЛ. Когда полдень наступитъ? такъ мнѣ и сладкаго по утрамъ пѣнія птичекъ не слушать, и на восходящее солнце не смотрѣть? вотъ хорошо!

ПЕРВ. СЛУЖ. О! ето бездѣлицы, которымъ знатные люди смѣются.

АЛ. Глупо вы говорите, дѣвушки! Изрядна будетъ жизнь моя, коли ужъ она такъ хорошо начинается! Ну далѣе.

ВТОР. СЛУЖ. Потомъ мы къ тебѣ придемъ обѣ, и станемъ тебя одѣвать; а ето должно продолжаться по крайней мѣрѣ не меньше часа; послѣ того остальное до обѣда время употребишъ ты на поправленіе своихъ уборовъ.

АЛ. Ето чудное для меня одѣванье, коли за тѣмъ имѣть у себя двухъ помощницъ, что бы въ цѣлой часъ не быть готовой. Такъ какъ я теперь, кажется я одѣта чистенько и хорошо, не хуже ни чемъ другихъ здѣшнихъ дѣвушекъ; да я же каждое утро умываю лице свое въ источникѣ, завязываю волосы, нарываю себѣ свѣжихъ цвѣтковъ на голову и на грудь; а при всемъ томъ всегда бываю готова прежде, нежели взойдетъ солнце.

ПЕРВ. СЛУЖ. Ето однимъ сѣльскимъ дѣвушкамъ прилично.

ВТОР. СЛУЖ. Послѣ того будешъ ты принимать посѣщенiи; когда ты прiѣдешъ въ городъ, во всѣхъ бесѣдахъ станутъ о тебѣ говорить; все юношество придворное станетъ наперерывъ тесниться, чтобъ увидѣть новопрiѣзжую; предложатъ тебѣ тысячу увеселенiй, музыку, танцы, пиры, все, все, что могла изобрѣсти роскошъ.

АЛ. Ну ето видно ласковые люди; да они мнѣ наскучатъ, естьли я должна буду всегда то дѣлать, что они хотятъ, а тово мнѣ будетъ нельзя, что я хочу.

ПЕРВ. СЛУЖ. Красота твоя привлечетъ множество любовниковъ; смотри, будь къ нимъ ко всѣмъ ласкова, не давай ни кому много надѣяться! чемъ больше женщина имѣетъ у себя страстныхъ любовниковъ, тѣмъ завиднѣе ея состоянiе. Подумай какъ ето лестно, когда они въ угодность твою рвутся, чтобъ превзойти другъ друга въ остротѣ разума, въ великолѣпiи и въ ревности. Такiе часы для красавицъ безцѣнны.

АЛ. О для меня они таковыми не будутъ, право нѣтъ!

ВТОР. СЛУЖ. Для чегожъ? развѣ тебѣ непрiятно, когда всѣ молодые люди станутъ тебя обожать, и всѣ красавицы тебѣ завидовать?

АЛ.

АЛ. НѣтЪ, вЪ етомЪ я ни малой прїятности не найду; потому что я не могу да и не хочу притворствовать; потому что я ни кому не могу казаться благосклонною, когда я подлинно кЪ кому не благосклонна; и потому что всѣ эти страстные господа будутЪ мнѣ вЪ тягость, ибо я ни ково другова любить не могу, кромѣ тово, ково я истинно люблю.

ВТОР. СЛУЖ. КакЪ, ты уже любишь?

АЛ. Да, да, вЪ етомЪ я не запираюсь; я люблю пастуха, люблю ево безЪ притворства больше всево на свѣтѣ, и онЪ меня больше всево любитЪ. ОнЪ прекрасенЪ какЪ солнце, когда оно восходитЪ, и прїятенЪ какЪ весна. Соловью такЪ не пропѣть....

ПЕРВ. СЛУЖ. Ха, ха, ха! извини, намЪ смѣшно; извини, милостивая государыня! Когда ты прїѣдешЪ вЪ городЪ, то скоро пастуха своего забудешЪ. Я обЪ закладЪ ударюсь, что чрезЪ короткое время станешЪ ты сама надЪ собою смѣяться, когда увидишЪ бодрое городское юношество, ихЪ остроумїе, ихЪ вѣжливость. О какЪ легко тебѣ будетЪ забыть простова пастуха! онЪ только бѣдняжка жалокЪ: ему ужЪ не возвратить своей потери: какЪ

онъ здѣсь простымъ складомъ своимъ жаловаться станетъ горамъ и лѣсамъ на свою муку!

АЛ. Не смѣйтесь; я вамъ клянусь, что я прежде сама себя нежели ево забуду. Подите отъ меня съ вашими несносными вѣжливостями! ево хочу я любить, ево одново; такъ, дражайшій! прежде луга сіи опустѣютъ, дерева засохнутъ, и прежде погаснутъ лучи твои, о солнце! нежели я ему измѣню; такъ, дражайшій! клянусь тебѣ.....

ПЕРВ. СЛУЖ. Не клянись; отецъ твой не попуститъ, что бы ты благородство свое такимъ образомъ обезславила.

АЛ. (*съ гнѣвомъ*) Ето что такое: благородство? да развѣ не всякой честной человѣкъ благороденъ? О! я не разумѣю вашихъ ученій, которые такъ мало естественны, да и не хочу ихъ разумѣть. Отецъ мой справедливъ, я ето знаю; онъ не захочетъ, чтобъ я оставила то, что я больше всево люблю, и любила, что ненавижу. Съ неудовольствіемъ покидаю я васъ, прохладныя тѣни! пріятныя мѣста! исполненныя утѣхъ невинныя упражненія! Васъ промѣнять на етотъ шумъ! Но я оставляю васъ, послѣдуя моему любезному

родителю. Онъ конечно не для того сюда пріѣхалъ, чтобъ сдѣлать меня нещастною; я буду нещастлива, нещастлива совершенно, естьли онъ разлучитъ меня съ тѣмъ, ково я неизреченно люблю. О! пожалуйста не пугайте меня, сестрицы! нѣтъ право, вѣдь онъ етово не сдѣлаетъ?

ВТОР. СЛУЖ. (*въ сторону*) Она и въ городъ съ нами не захочетъ ѣхать, естьли отнять у нее всю надежду; бѣдниънькая, она очень влюблена! (*къ Алцимнѣ*) Отецъ твой всегда былъ милостивъ; я и сама надѣюсь.

АЛ. Я не только надѣюсь, но совершенно въ томъ увѣрена. Когда я ево увижу, брошусь къ нему со слезами, обойму его крѣпко на крѣпко, стану просить, плакать, и ужъ конечно.... Однако пустите меня; чаю пастухъ мой въ великой нетерпѣливости, что я такъ долго нейду.

ПЕРВ. СЛУЖ. Не прогнѣвайся, тебѣ еще нельзя ево видѣть.

АЛ. Нельзя видѣть?

ПЕРВ. СЛУЖ. Да.

АЛ. О поди прочь! для чево нельзя мнѣ ево видѣть?

ВТОР. СЛУЖ. Мы имѣемъ приказаніе проводить тебя въ палатку, и тамъ при-

личное

личное твоему состоянїю надѣть на тебя платье.

АЛ. Да вы меня долго задержите; дайте мнѣ слово, что ето гораздо меньше часа продолжится.

ВТОР. СЛУЖ. Нѣсколько минутъ.

АЛ. Ну такъ поскоряй, или....

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЕВАНДРЪ. (*въ княжескомъ одѣянїи*)

Какъ меня вездѣ задерживаютъ! какая ето суета и хлопоты! Сколько ужъ времени какъ не видалъ я любезной моей Алцимны! Вотъ ужъ вечеръ! можетъ быть опять прождала она меня у источника. Я спѣшилъ туда прибѣжать, но не могъ ее тамъ найти. Вездѣ искалъ, во всѣхъ темныхъ лѣсочкахъ, которые мы любви своей посвятили, но все тщетно. Ахъ! кабы мнѣ ее увидѣть! Знаетъ ли-та она что со мною сдѣлалось? или-та не знаетъ? Какъ мнѣ хочется обо всемъ ей сказать; сказать, что я одною ею могу быть щастливъ! Такъ, дражайшая, одной тобою! въ твоихъ объятїяхъ успокоится духъ мой отъ сихъ чудныхъ смятенїй. Хотя отецъ мой не знаетъ еще, что я ее люб-

лю,

тю, но для чего бы сталъ онъ препятствовать мнѣ любить прекраснѣйшую, прелюбезнѣйшую дѣвицу? Нѣтъ, онъ етова и не сдѣлаетъ. Онъ не станетъ принуждать меня къ нарушенїю клятвъ, которые я при каждомъ жертвенникѣ приносилъ богамъ. Я чаю и въ княжескомъ домѣ нѣтъ ее любви достойнѣе. Пойду сыщу ее; пусть надѣнетъ она свое празничное платье, которое какъ снѣгъ бѣло, и пусть въ волосы свои свѣжей заплететъ вѣнокъ; тогда я приведу ее къ моему отцу и скажу ему, сколько разъ клялся я предъ богами, что буду вѣчно ее любить. Но охотно ли она со мною поѣдетъ? не прискорбно ли ей будетъ оставить прохладныя здѣшнїя тѣни? Чево опасаться, она меня любитъ, а удовольствїе быть со своимъ любезнымъ преодолѣетъ всякое другое желанїе. Теперь же пойду къ ней; какъ она удивится увидя меня въ такомъ великолѣпїи! Сколь много люди умѣютъ изобрѣтать! Какую пышность видѣлъ я въ шатрѣ моево отца! Не ужъ ли столько надобно человѣку? Коль мало имѣемъ мы здѣсь такихъ вещей, но при всемъ томъ мы довольны! мнѣ ни какой въ нихъ не было нужды, а они кажется обойтиться безъ того не могутъ.

Но

Но можетъ ли тотъ быть щастливъ, кто имѣетъ нужду въ толь многихъ вещахъ? Доселѣ одѣжда моя казалась мнѣ хороша и покойна, козья кожа вся бѣлая или съ пригожими пятнышками покрывала мои плѣчи; но они украшаютъ себя пестряе, чемъ луга вѣсною. Боюсь, боюсь я, что спокойныя дни пріятныхъ моихъ утѣхъ протекли навсегда. Зовутъ меня къ великимъ дѣламъ; боги да ниспошлютъ мнѣ свою помощъ! Какъ видно сіи люди совсемъ отличны, они чудными путями ищутъ чего-то, что они щастіемъ и удовольствіемъ называютъ; но искомое ими пребываетъ у насъ и мы находимъ оное не ища. Такъ, прохладныя тѣни, сладкожурчащія рѣчки, и вы любезныя мѣста, гдѣ юныя лѣта мои провождалъ я толь спокойно, васъ покидаю я для такой жизни, которой еще не знаю; вы стада, за которыми я смотрѣлъ толь прилѣжно, васъ оставляю я, дабы, какъ они говорятъ, владычествовать нѣкогда надъ безчисленными стадами людей, коихъ щастіе будетъ мнѣ ввѣрено; ето хорошо, быть въ силахъ споспѣшествовать щастію многихъ людей, но не тяжко ли будетъ для меня сіе бремя? О вы, пріятныя дни!

васЪ не забуду я никогда. Всякой разЪ какЪ весна возвратится, стану я посещать сiю сторону, и ты, Алцимна, провождать меня будешЪ; тогда мы у каждаго дерева, тенiю насЪ прохлаждавшаго, богамЪ принесемЪ жертвы. О Алцимна! я спешу, спешу теперь вЪ твои объятiя, ты трепетанiе смущеннаго серца моего успокоишЪ, ты.....

ЯВЛЕНIЕ ПЯТОЕ.

ПИРРЪ, ЕВАНДРЪ.

ПИР. СынЪ мой! уже столько времени я тебя не вижу; для чего ты отЪ меня такЪ долго удалялся?

ЕВ. Я навестилЪ еще разЪ каждую изЪ сихЪ сторонЪ, которыя мне должно оставить.

ПИР. ТакЪ ты ихЪ не охотно оставляешЪ? скажи мне, разве не прельщаетЪ тебя сiе богатство, сiе щастiе, что боги тебе даровали?

ЕВ. Правду сказать, блистающая ета пышность приводитЪ меня вЪ удивленiе; шатерЪ твой почти также пестро блеститЪ, какЪ когда испещренной цветами лугЪ вЪ утреннюю росу отЪ солнечнаго

наго сїянїя свѣтится, но однакожъ не такъ прїятно. Я видѣлъ въ немъ множество вещей, которыхъ не знаю ни имени ни употребленїя. Но скажи мнѣ, родитель мой, всегда ли государи окружены бываютъ такимъ множествомъ докучливыхъ людей?

ПИР. Гдѣ власть и богатство, туда собираются добрые и злые.

ЕВ. Ето подобно какъ гдѣ цвѣтетъ дерево, тамъ и шмели вмѣстѣ жужжатъ со пчелами?

ПИР. Такъ точно.

ЕВ. Но мнѣ досадно, что они приступаютъ ко мнѣ съ своими услугами, въ которыхъ я не имѣю ни какой нужды; я не могу терпѣть ихъ уничиженїя; развѣ я не такой же человѣкъ какъ они.

ПИР. Сынъ мой! сїи суть преимущества государей, награждающїя весьма слабо труды того, кто воспрїиметъ на себя попеченїе о соблюденїи народнаго блага и законовъ.

ЕВ. Когда люди хотятъ поставить главою себѣ владѣтеля, то должны они избирать между собою лучшаго и премудрѣйшаго: для того думаю я они тебя избрали. Но не безумны ли они, когда говорятъ, что я нѣкогда буду ими править,

не

не знавъ еще, добръ ли я и премудръ ли. Поручитъ ли кто виноградный свой садъ такому, о которомъ онъ не знаетъ еще, умѣетъ ли тотъ ходить за виноградомъ?

ПИР. Ето уже единожды такъ уставлено. Тебѣ о многомъ надлежитъ еще спрашивать. Но скажи мнѣ, отъ чего ты такъ скученъ кажешся, какъ бы не охотно со мною ѣхалъ?

ЕВ. Я бы охотно тебѣ послѣдовалъ, родитель мой, естьли бы.....

ПИР. Естьли бы что?

ЕВ. Естьли бы Алцимна, ахъ!

ПИР. Ты вздыхаешъ, сынъ мой! (*въ сторону*) онъ невѣдаетъ о приключенiи съ своей Алцимною; я хочу сдѣлать ему нечаянную радость.

ЕВ. Естьли бы Алцимна могла ѣхать со мною.

ПИР. Алцимна! я слышалъ о твоей любви, сынъ мой; но прежде надлежитъ тебѣ увидѣть дочь Аратову, которую назначилъ я тебѣ въ супруги.

ЕВ. Ахъ, родитель мой!

ПИР. Какъ много обманусь я въ моемъ чаянiи, естьли ты волѣ моей будешъ не послушенъ!

ЕВ. О боги, коль я нещастливъ!

Пир.

ПИР. Тебѣ надлежитъ только взглянуть на нее, чтобъ полюбить: она красоты чрезвычайной.

ЕВ. О родитель мой! позволь.... ахъ! я не могу ни какъ.....

ПИР. Умолкни! вотъ идетъ ея отецъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

АРАТЪ, прежніе.

АР. Позволь мнѣ, Князь, привести къ тебѣ дочь мою, которой судьба такъ сходна съ твоею. Но..... для чего, мой Князь, такъ печаленъ?

ЕВ. *Я долженъ ее увидѣть по приказанію моего родителя.* (*въ сторону*) О боги! отецъ мой хочетъ моей погибели!

АР. Я надѣюсь, что радостный севоднешней день не будетъ встревоженъ ни какимъ нещастіемъ.

ПИР. Любовь тому причиною, что онъ не охотно отселѣ отъѣзжаетъ.

АР. Государю надлежитъ изъ княжеской породы избирать себѣ прекраснѣйшую!

ПИР. Я съ великимъ попеченіемъ выбралъ для него невѣсту, и сіе то самое приключаетъ ему горесть. Но гдѣжъ прекрасная дочь твоя?

АР. Вотъ она.

Явленіе

ЯВЛЕНІЕ СЕДМОЕ.

АЛЦИМНА, съ прислуживающими ей женщинами, прежніе.

АЛЦ. О боги! и такъ должна я быть влачима на показъ Князю, и не видать того, которой одинъ мнѣ любезенъ, и котораго одного я всегда любить буду!

ЕВ. (*стоитъ печально закрывъ лице свое рукою*) Она идетъ, я слышу: о я нещастный!

АЛЦ. Вотъ и я пришла..... ахъ! я отъ горести говорить не въ силахъ!

ЕВ. (*взглядываетъ съ удивленіемъ*) Какъ! не обманываюсь ли я? печальный етотъ голосъ мнѣ знакомъ: онъ.....

АЛЦ. О боги! ахъ! поддержите меня, пріятельницы, поддержите! етотъ та Князь? о Евандръ!

ЕВ. Не сонъ ли ето! что я вижу! о какое восхищеніе! ты ли Алцимна?

АР. О боги! какая радость въ очахъ ихъ изображается!

ЕВ. (*бросясь обнимать Алцимну*) О нѣтъ! ето не сонъ! ето ты, ты моя Алцимна!

АЛЦ О Евандръ! мой дражайшій! какое сладкое восхищеніе! какъ чудно находимъ мы опять другъ друга!

ЕВ. Минуту назадъ почиталъ я себя нещастнѣйшимъ; теперь я всѣхъ благополучнѣе на свѣтѣ.

АЛЦ. Минуту назадъ думала я умереть съ печали; теперь серце мое не можетъ вмѣстить въ себя всей радости.

ПИР. Любовь ваша, дѣти, да будетъ отъ боговъ благословенна! вы сами себя другъ для друга опредѣлили. Ты, мой другъ, симъ доволенъ ли?

АР. Мнѣ надлежитъ прежде восхищенїе духа моего успокоить, дабы могъ я изъявить радость и принести тебѣ мою благодарность.

ПИР. Пойдемъ, дѣти! пастухи сея страны сорадуяся вашему щастїю да со ставятъ веселое празднество.

КОНЕЦЪ.

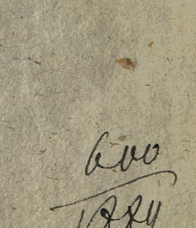

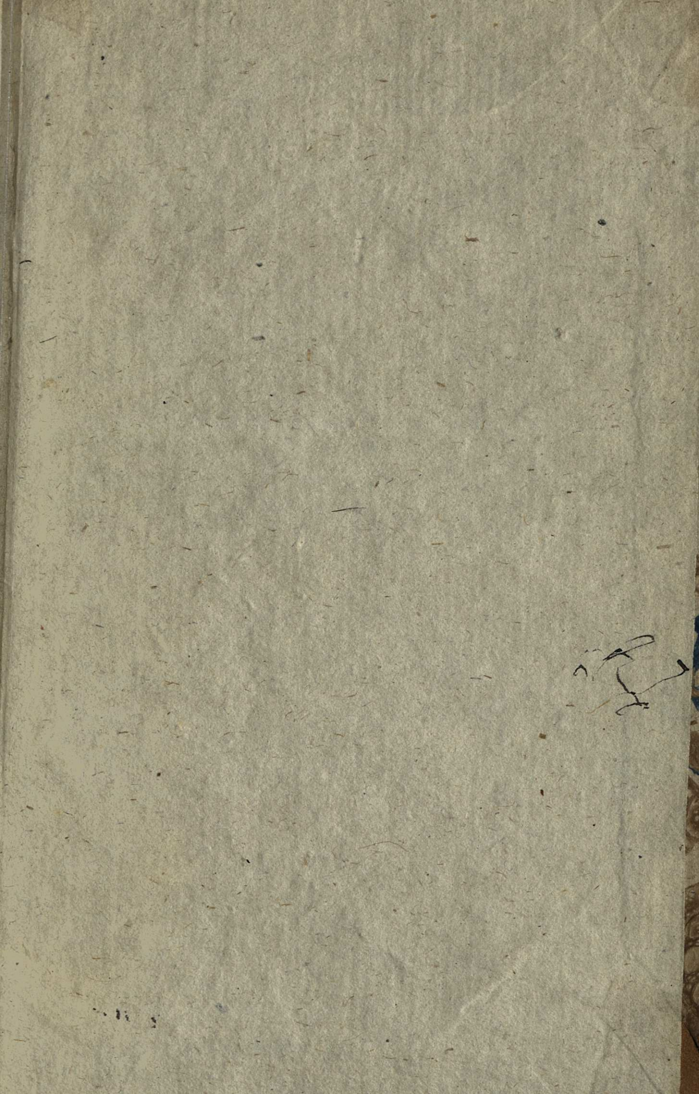
я себя
благо-

уме-
ие мо-
и.
удетЪ
себя
мой

кище-
огЪ я
мою

сея
со

18.220.6.45
600